

Кривошапко 3-14

ПИОНЕР

7

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

ИЮЛЬ

**ВСЕМ
СЛЕТЕВ
ШИМСЯ
НА СЛЕТ
„ПИОНЕР“
ПРИВЕТ СВОЙ
ШЛЕТ**

**III ВСЕСОЮЗНЫЙ
СЛЕТ ПИОНЕРОВ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
50-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ 1967
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

Песня

О пионерском слете.

С. ФЕДОРОВ

По синему морю плывет пароход.
Куда он плывет?
В Артек.
По синему небу летит самолет.
Куда он летит?
В Артек.
Плывет пароход и летит самолет
На пионерский слет.

Эй, горн, запевай!
Барабан, барабань!
И, костер, до небес пылай!

Эхо несет по ночным горам
Нашу важную весть,
Что со всех сторон огромной страны
Сегодня ребята здесь.
Грузия?
Есть!
Карелия?
Есть!
Литва и Чукотка?
Есть!

Смотри!
Разбегается ловкий прыгун.
Ночь — юный астроном не спит.
И слышит войны отдаленный гул
Историк и следопыт.
Нырять в море смелый пловец.
Дубы посадил юннат,
Людскому уменью есть ли конец,
И предел уменью ребят?

Дети — большой и великий народ,
Он весел, он бодр, он смел:
С утра и до ночи шумит хоровод
Умных мыслей и дел.

Привет народу, который растет.
Что ни год, он взрослей на год.
Так плыви же по морю, пароход,
И лети на слет, самолет!

М. ЛЕВИН

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

У Каримчика отец пограничник. И у них есть овчарка Тайга. Может, слышали? У нее семь медалей!

Каримчик живет в нашем доме. Мы с ним дружим и сидим за одной партой.

В тот день мы опоздали в школу. А как было не опоздать? Каримчик утром проснулся, а у Тайги шенки!..

Конечно, он сразу позвонил мне. Я прибежал. Тайга лежала на полу в ванной комнате и рычала. Мы стояли в коридоре. Страшно было подойти ближе. Серые комочки смешно тыкались слепыми черными мордочками в ее бок. Мы хотели сосчитать, сколько их, но они переползали с места на место, и мы сбивались. Я даже решил, что их двадцать, не меньше.

Но Каримчик сказал:

— Так не бывает.

На уроках мы почти не слушали учительницу. Еле смогли дожидаться последнего звонка.

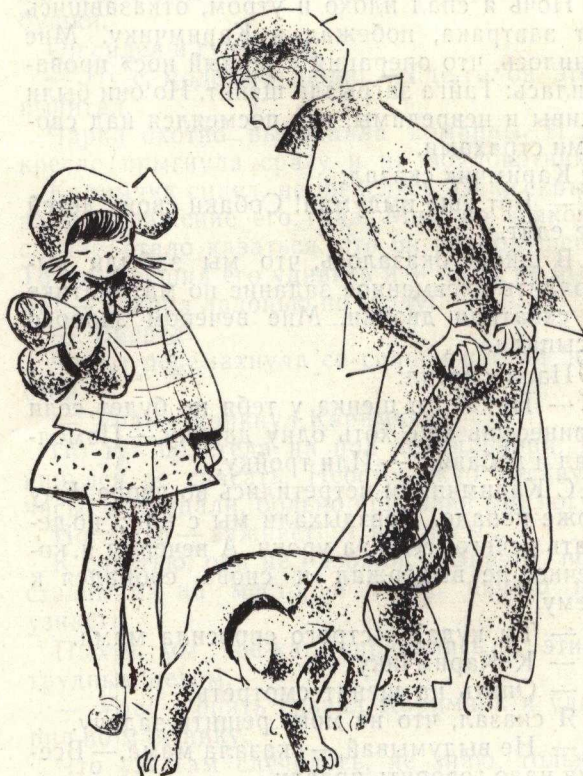
Мы даже не остались играть в футбол, а побежали к Каримчику. Я стал просить отдать мне одного щенка. Он сразу сказал:

— Выбирай любого! — И добавил: — Операция «Черный нос». Приступить к исполнению немедленно!

Но я не верил в такое счастье.

— Хочешь, возьми парусник или ракету, — говорил я.

Он бежал рядом.

— Не надо мне твоей ракеты. И парусника не надо. Для друга ничего не жалко.

— И мне не жалко, — отвечал я, решив отдать ему и парусник и ракету.

Снова Тайга рычала на нас, а мы старались разглядеть самого лучшего щенка.

Тут пришла мама Каримчика и прогнала нас. Она сказала, что щенки должны подрасти. Их отдадут не раньше, чем через месяц.

Конечно, я огорчился. Подумать только: еще целый месяц! Но я в тот же день принес Каримчику парусник и ракету. Он вначале не брал, а потом махнул рукой.

— Ладно, пусть стоят у меня. Все равно играть будем вместе.

Так уж повелось. Мы все делали вместе. Даже деньги на детскую железную дорогу копили. Это была наша операция «Семафор».

Честно говоря, мы хотели стать пограничниками. И участвовать в боевых операциях, как отец Каримчика и Тайга. А пока все, что задумывали, тоже считали «операцией».

Никогда еще так медленно не тянулось время. Прошел только день, и впереди было еще столько, что страшно подумать. За уроки я не садился. Все бегал к Каримчику.

— Ты им надоел! — сердилась мама.

Ночь я спал плохо и утром, отказавшись от завтрака, побежал к Каримчику. Мне снилось, что операция «Черный нос» провалилась: Тайга загрызла щенят. Но они были живы и невредимы, и я посмеялся над своими страхами.

Каримчик сказал:

— Вот еще выдумал! Собаки своих детей не едят.

В школе оказалось, что мы забыли выполнить письменное задание по математике и схватили двойки. Мне вечером здорово всыпали.

Папа сказал:

— Никакого щенка у тебя не будет, если принесешь еще хоть одну двойку. — Помолчал и добавил: — Или тройку.

С Каримчиком встретились во дворе. Ему тоже попало. Повздыхали мы с ним, но делать нечего: сели за уроки. А вечером я, конечно, не выдержал и снова собрался к нему.

— Ты куда? — строго спросила мама.

— К Каримчику.

— Опять на щенят смотреть?

Я сказал, что не могу решить задачу.

— Не выдумывай, — сказала мама. — Всегда надо говорить правду.

Ну, это я много раз слышал.

Потом было воскресенье, и мы с Каримчиком не отходили от Тайги. Его мать вначале сердилась, затем махнула рукой. А нам даже удалось подержать щенят в руках. Я привязал одному из них на шею тесемочку. Теперь это был мой щенок. Операция «Черный нос» развивалась успешно.

В понедельник Каримчику повезло: принес домой две пятерки. А я вновь засыпался: ведь тройка меня не устраивала.

— Ну что? — спросила мама.

— А ничего.

— Спрашивали?

— Не спрашивали.

— Опять обманываешь, — сказала она. — По глазам вижу. А ну дай дневник.

И чего это у меня глаза такие?

Так я целый месяц промучился. Все валилось у меня из рук. Боялся, что щенят раздадут или они не выживут. Правда, свои отметки исправил.

Наконец Каримчик сказал:

— Поздравляю с блестящим завершением операции «Черный нос». Теперь все силы сосредоточить на операции «Семафор»!

— Есть! — ответил я и спрятал щенка под пиджак. Но прежде мой дневник тщательно изучали дома.

...Я решил назвать его Азом! Читал где-то про овчарку с такой кличкой. Она ловила шпионов. А мой Аз, конечно, будет ищейкой. Аз!.. Правда, красиво?

Тут вдруг оказалось, что моему щенку больше подходит кличка Пальма или Каштанка.

Я бросился к Каримчику менять щенка. Однако всех уже разобрали.

Каримчик сказал:

— А ты назови его Азихой.

— Сам ты Азиха! — обиделся я.

Я вел его по двору, и рыжая Анка из двадцатой квартиры спросила:

— Это что, пудель, да?

Ей было три года. Иначе я не стерпел бы такого оскорбления.

— Овчарка, — сказал я. — Глаза имеют надо.

— А...чарка, — согласилась она.

— Чарка! — передразнил я. — Даже говорить не можешь.

И тут меня осенило. Я помчался к Каримчику.

— Чарка! Подходит?

— Здорово! — воскликнул он. — Как это ты придумал?

— Да вот придумал! — Не говорить же ему про Анку...

В зимние кашки-лы Чарке было уже три месяца. Я стал ее учить. А что мне еще было делать? Кармичика отец взял с собой на границу. Моя мама к девяти уходила на работу. Папа — еще раньше.

Вот мы и были с Чаркой весь день одни. Она уже умела сидеть. И когда я говорил: «Ко мне!», — летела через всю комнату, потому что у меня всегда был сахар.

А потом я решил всех удивить и стал учить ее брать препятствия. Для этого очень подходит кабинет отца.

За окном лил дождь. Скучный у нас январь на юге...

В кабинете были мягкие кресла, диван. Книжный шкаф из красного дерева, и в нем медицинские книги. Письменный стол тоже из красного дерева. За ним, прижавшись к стене, стояли огромные часы. Они были почти в два раза выше меня. Маятник и стрелки с позолотой. Тяжелые гири. А какой красивый серебристый бой!

Впрочем, это я помнил, что бой красивый, словно переговаривались колокольчики. Вот уже скоро год, как часы не шли.

На столе письменный прибор, который отцу подарили в больнице ко дню рождения. Отец очень дорожил этим прибором. Граненые чернильницы с серебряными крышками, подставка из драгоценного камня. Рядом телефон с белым пластмассовым корпусом.

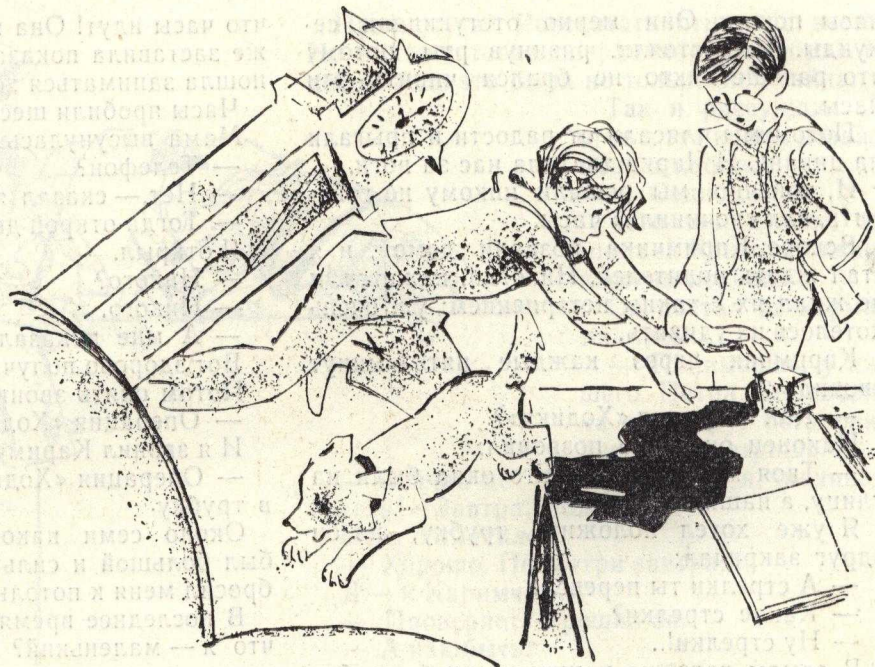
Отец боялся, что я все это опрокину, разобью, и не разрешал мне играть в кабинете, особенно с Чаркой.

Но кто мог узнать, что мы там бываем, если все на работе?

А тут:

— Вперед! — И Чарка прыгает в кресло. Потом на подлокотники кресла. Потом на спинку. Я тоже прыгаю в кресло, сбрасываю ее на пол.

Так мы носимся весь день. У нее язык вывалился. Я весь в поту. Будут и у нас медали!..

А перед самым началом занятий вернулся Кармичик. Я позвал его к себе. Устроил Чарке экзамен.

Кармичик уселся на диван, заложил ногу за ногу, как это делала наша учительница. Даже надел очки. Стащил у своей бабушки.

Он сидел и гундосил:

— Ну-с, молодые люди! — Где-то он это вычитал.

Чарка охотно выполняла команды. И в кресло прыгнула сразу и на подлокотник.

Кармичик сидел, не шевелясь. Очки скрывали выражение его глаз. Мне, во всяком случае, стало казаться, что он равнодушен. Тогда я решил его удивить и — была не была! — ударил ладонью по столу:

— Вперед!

Чарка перемахнула со спинки кресла на стол.

— Ура! — крикнул Кармичик.

Но тут полетела на пол чернильница. Я кинулся ее спасать. Неосторожно толкнул часы. Они упали, больно придавив мне ногу. Нога что — заживет! А вот часы...

К счастью, они не разбились. Значит, поставим их на место, и никто ничего не узнает.

Пыхтя, мы кое-как справились с этим трудным делом.

— Ура! — опять сказал Кармичик и ударил по маятнику.

Что уж там случилось, не знаю, только

часы пошли. Они мерно отстукивали секунды. А мы стояли, разинув рты, потому что раньше никто не брался чинить эти часы.

Потом мы плясали от радости и прыгали на диване. И Чарка хватала нас за ноги.

И, конечно, мы решили никому не говорить, как «починили» часы.

Вскоре Каримчика позвали домой, и я стал ждать родителей. Никогда, кажется, я не ждал их с таким нетерпением: уж очень хотелось их удивить.

Каримчик через каждые пять минут звонил:

— Как операция «Ходики»?

Наконец он снова позвонил:

— Твоя мама идет! — Его окна были на улице, а наши во двор.

Я уже хотел положить трубку, но он вдруг закричал:

— А стрелки ты перевел!

— Какие стрелки?

— Ну стрелки!..

В самом деле, на наших часах было без четверти одиннадцать.

— Сейчас двадцать минут шестого! — кричал Каримчик.

Только я успел подвести стрелки и выскочить из отцовского кабинета, как в замочную скважину вставили ключ.

Мама чмокнула меня в щеку и прошла на кухню.

— Как ты провел день? — спросила она.

— Да так, — ответил я уклончиво.

— Ничего не случилось?

— Что могло случиться? — сказал я и отвел глаза, чтобы они меня не выдали.

Чарка вертелась под ногами, и мама бросила ей кусок сырого мяса.

Потом она стала жарить лук и плотно закрыла дверь. Чарка осталась с ней. Разве она могла уйти от мяса?

Я чинно сидел в кабинете, ждал отца. Вдруг он позвонил, сказал, что задерживается.

— Приходи скорей! — попросил я.

— Ладно, — сказал он. — Мама уже дома?

— Дома.

— Позови ее к телефону.

Они о чем-то поговорили. Мама улыбалась и не слышала, как громко тикали часы. Она положила трубку, и тиканье стало просто угрожающим.

Я стоял и глядел ей в глаза.

— Что с тобой? — спросила она. — Не заболел?

Просто удивительно, как она не замечала,

что часы идут! Она пошупала мой лоб и даже заставила показать язык. А потом опять пошла заниматься хозяйством.

Часы пробили шесть.

Мама высунулась из кухни.

— Телефон?

— Нет, — сказал я.

— Тогда открой дверь.

Я открыл.

— Никого?

— Никого.

— А мне показалось, звонили!..

Вот здорово получается!

Потом опять звонил Каримчик:

— Операция «Ходики»!

И я звонил Каримчику.

— Операция «Ходики»! — И мы хихикали в трубку.

Около семи наконец пришел отец. Он был большой и сильный. Обнял мать. Подбросил меня к потолку.

В последнее время мне это не нравилось: что я — маленький? Но сегодня я сделал вид, что радуюсь, и отец остался доволен.

— Мать, а мать! — весело сказал он. — Мужчины хотят есть.

Он пошел на кухню, и я отвернулся. Пусть обнимаются. Где-то там взвизгнула Чарка. Видно, попалась под ноги.

Я с трудом сдерживал нетерпение.

Сейчас отец пойдет в кабинет, возьмет газеты и сядет в кресло.

Чарка тоже сунулась в кабинет, но я щелкнул ее по носу. Она отскочила и опять хотела пролезть в кабинет.

— Ты ее, наверно, сюда пускаешь, — сказал отец, подозрительно оглядывая комнату. На столе все было в порядке: мы успели убрать. Он успокоился.

А часы тикали. Чудеса да и только!

Между тем большая стрелка снова подбиралась к двенадцати. Я затаил дыхание.

Отец не сразу понял, что часы бьют. Я никогда не видел его таким растерянным.

— Что это? — спросил он.

— Часы!..

— Я понимаю, что часы. Кто их починил?

— Я.

— Ты?!

— А кто еще?

— Ты умеешь чинить часы?!

— Что тут такого?

Он позвал мать. Наконец и она заохала:

— Ходят? Подумать только! — Но не поверила, что я починил часы. — Выдумщик! — сказала она.

— Что же, они сами починились? — спросил я, пряча глаза.

Отец поверил и стал говорить, как хорошо все уметь делать самому. Потом он расчувствовался и спросил:

— Сколько еще не хватает на железную дорогу?

— Семь рублей, — сказал я.

Он достал десять рублей.

— Молодец, ты их заслужил.

Я покраснел и не знал, что делать. Но потом взял деньги и, свистнув Чарке, выбежал во двор. Там уже был Каримчик. Я показал ему деньги.

— Только это, наверно, нечестно.

— Почему нечестно?

— Ну, так ведь мы их не чинили.

— Как не чинили?

— Они сами пошли.

— И ничего не сами! — убеждал Каримчик. — Теперь закончим операцию «Семафор».

Я колебался.

— Ты как девчонка! — сказал он.

— Ладно, — решил я. — Завтра пойдем в «Сказку».

Но оказалось, что надо готовиться к контрольной, и мы в магазин не попали.

А вечером пришел отец. Он не подбросил меня к потолку, а по-мужски, крепко пожал руку. И мне опять стало стыдно, что я его обманываю.

Признаться? Рассказать отцу обо всем? Но как же тогда операция «Семафор»? И потом ведь это была не только моя тайна.

Так я рассуждал. А отец в это время позвал меня в кабинет.

— Садись...

Чего это, думаю, он мнетя? Как-то даже на него не похоже.

Он достал из кармана часы:

— Понимаешь, у нашего Петра Семеновича они вдруг остановились. Посмотришь?

— Сейчас не могу, — сказал я, начиная гореть. — Завтра, пожалуйста.

Отец согласился:

— Хорошо. Посмотри завтра.

Я — к Каримчику.

— Проверяет, — решил он.

— А как быть?

— Чепуха, — говорит. — Пойдем и починим.

На другой день мы пошли к часовому мастеру, и он при нас починил часы.

— Операция «Ходики» закончена! — бодро сказал Каримчик.

Мы отсчитали деньги и довольные побежали в «Сказку». Но отдел, где продавалась железная дорога «Пионерская», был закрыт на переучет.

Отец пришел с работы.

— Как часы?

А я уже положил их ему на стол. Он похвалил меня и обещал летом взять в Москву.

Мне стало не по себе. Он это заметил.

— Ты не рад?

— Рад.

— А почему вздыхаешь?

— От избытка чувств...

Он засмеялся и сказал маме:

— Вырос мальчишка, и не заметили.

Она расчувствовалась, смахнула слезу.

Я больше не мог терпеть. Я все хотел им рассказать: и как мы «чинили» часы и все прочее. Но тут вбежала Чарка, схватила меня за ногу. Я хотел сказать «фу!», но от расстройства сказал: «Вперед!» — и тогда она прыгнула в кресло.

— Это еще что такое? — удивился отец.

— Пошла вон! — отчаянно закричал я.

Но она прыгнула на подлокотник, оттуда на спинку. Еще мгновение, и она окажется на столе. Я перехватил ее и выкинул в коридор.

— Вот видишь, — назидательно сказал отец. — Ее нельзя пускать в кабинет.

Так ничего я ему и не рассказал.

На следующий день он принес еще чьи-то часы. А мама — будильник тети Кати. Его никто не брался чинить, но мама сказала, что я обязательно почию.

Весь дрожа от обиды, я сообщил об этом Каримчику.

— Подумаешь, — рассудил он. — Операция «Ходики» продолжается. Только и всего. Починим.

Мы пошли к уже знакомому часовому мастеру и показали ему часы. Он поглядел на них через луну:

— Вот эти почию. А этот выкиньте.

Но мы не могли выкинуть будильник. Мы посоветовались и стали искать такой же, но только новый. Найти-то мы его нашли, да отцовских денег не хватило, и нам пришлось тратить свои сбережения.

«Прощай, железная дорога!» — подумал я.

Но Каримчик не привык хмуриться.

— Операция «Семафор» откладывается, — сказал он. — Зато все это у нас смешно получается.

Я спросил:

— А если еще принесут часы?

Он ответил уверенно:

— Не у всех же они ломаются!

Но вечером сам принес мне часы.

— Это еще чьи? — спросил я.

— Да наши.

— Зачем ты их притащил?

— А мама узнала, что ты чинишь...

Я хотел взорваться. Он сказал примирительно:

— Ладно, завтра починим.

Теперь мы уже совсем не думали о железной дороге. Мы думали о том, как закончится операция «Ходики». А тут еще отец стал спрашивать про эту самую дорогу: почему не купили?

Я изворачивался, как мог.

Несколько дней все было спокойно. А в субботу мама принесла еще чьи-то часы.

— Посмотри, что с ними.

— Потом, — сказал я, глядя куда-то в сторону.

— Почему потом? — спросила она.

— Надо гулять с Чаркой.

— Она подождет.

— Мы с ней всегда гуляем в это время.

— Давай, я пройду.

— Ты устала.

— Хорошо, — вдруг согласилась она. — Погуляй. А часы можно починить и завтра. Но у меня больше не было денег!..

Опять мы совещались с Каримчиком.

— У меня еще три рубля, — сказал он. — Последние.

— Наверно, хватит, — решил я и тут увидел отца. Чем ближе он подходил ко мне, тем больше я менялся в лице. В руке он держал... часы.

И тогда я не выдержал. Я ничего не мог с собою поделать. Захлебываясь слезами, я все рассказал про операцию «Ходики».

Каримчик стоял рядом. Как настоящий друг, он пытался меня защитить.

Не сразу я решился поднять глаза.

Отец усмехался. И тогда я понял, что он давно все знает. Наверное, он сразу разгадал нашу тайну. И мама тоже.

Я низко опустил голову. Мне было стыдно. Но почему-то мне было еще и приятно, что операция «Ходики» провалилась...

ПОДЗЕМНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р. ЕВГЕНЬЕВА

Рисунки
В. КОНСТАНТИНОВА

В мраморных вестибюлях Московского метро люди останавливаются перед большой картой подземных путей. Рисунок ее напоминает кружево паутины. Столько там змеек-переходов, так много линий-радиусов!

Найдя на пульте название нужной станции, вы нажимаете кнопку. И тотчас вспыхивают на карте огоньки вашей трассы: метро само радушно показывает, объясняет каждому дорогу.

Иначе нельзя: не мудрено заблудиться. Ведь московских подземных станций на сегодня восемьдесят две, а протяженность всех нынешних трасс метро — сто тридцать километров.

Да это что! Это еще «пустяки». Завтра будет много-много больше. Неустанно строится великая подземная дорога.

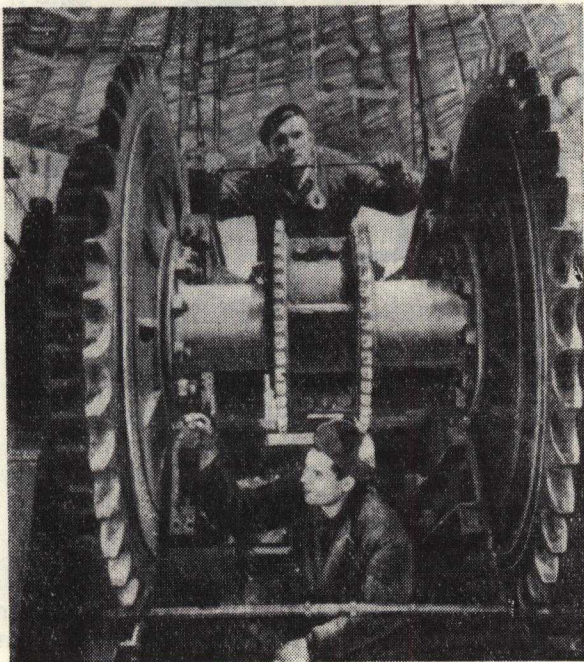
ПО КОМПАСУ
ОКТАБРЯ
50 ЛЕТ

ГЕРОИ МЕТРОСТРОЯ

Однажды ночью на участке инженера Софии Киени случилась беда. Электрическое напряжение резко упало. Кессон перестал работать. Вода, журча, перешла в наступление. Забой затрепал. Еще минута — и обвал! Четырех ребят засыпало по самую шею, одни головы торчат. Соня первой бросилась спасать их. Огородила головы досками от грозно оседавшей сверху породы. Тут подоспели другие проходчики, и ребята были спасены.

Двенадцатилетней девочкой из глухой белорусской деревни приехала Соня Киеня в Москву. Окончила школу, техникум, вместе с добровольцами комсомола пошла строить метро. И стала на Метрострое самой первой в мире женщиной-кессонщицей.

Главный вал эскалатора. Это его могучие мускулы двигают ступеньки лестницы-чудесницы.

Давайте посчитаем

Наши подземные поезда ходят быстрее зарубежных. Поезд парижской подземки пробегает двадцать пять километров в час, нью-йоркской — тридцать два, лондонской — тридцать четыре, а наш делает тридцать восемь километров.

Это только средняя скорость. На отдельных линиях советского метро скорость поезда — сорок три километра, а есть такие экспрессы, которые пролетают семьдесят километров в час.

Утром поезда Московского метрополитена доставляют на работу двести пятьдесят тысяч человек. Четверть миллиона людей торопится и не хочет опоздать!

А после пяти часов вечера в центр Москвы, где театры, выставки и самые большие универмаги, да еще в районы парков культуры, к водным бассейнам и огромным стадионам голубые поезда мчат до семисот пятидесяти тысяч пассажиров. Тут уж медлить нельзя ни на миг.

И поезда под землей в горячие часы «пик» следуют один за другим каждые девять секунд.

Метро ведь создано, чтоб сберечь человеку время. Знаете, сколько часов экономит пассажир, когда ездит на метро? Двести сорок три часа в год. Больше чем целый рабочий месяц в кармане! А скоро эта экономия дойдет до трехсот часов в год.

Они были первыми

Кто же создал такое чудо: одетые мрамором подземные дворцы, десятки километров тоннелей, голубые поезда, пронсящие под руслом рек, вверх и вниз бегущие лестницы?..

Тридцать четыре года назад со всех концов Союза приехала в Москву молодежь: плотники, сапожники, машинистки, чернорабочие, землекопы. Партия обратилась к ним, комсомольцам страны, с призывом: «Построим лучшее в мире метро!».

Трудно пришлось им на первых порах. Не было ни опыта, ни техники настоящей.

Вы знаете, что под Москвой протекают двадцать две речки? Взять хотя бы одну — Чечеру. Многие москвичи о ней и не слышали, однако речка сотни лет жила под землей. Сквозь древние глины она пробивала себе во мраке путь, образуя мощные размывы и опасные пливуны. Чечера оказалась более упорным врагом строителей метро, чем Москва-река, под руслом которой прокладывали потом тоннели.

Насосы не успевали справляться с откачкой. Проходчикам приходилось работать по колено, а в катастрофических случаях — по пояс в ледяной воде. Надо было срочно крепить забой, чтоб не дать коварной речонке погубить все, чего добились ценой неимоверных усилий.

Еще больше хлопот причиняли пливуны — массы мельчайшего песка, перенасыщенного водой. Грязь просачивалась сквозь рукава, под воротники спецодежды.

И все-таки молодые строители шаг за шагом продвигались вперед.

Сейчас кессон на шахте уже редкость. Метростроевцы научились замораживать грунты — так во многих опасных местах покончили с водой.

Необыкновенные часы

Н е так давно на одном строительном участке Ждановского радиуса проходчики установили большой циферблат со стрелками. Непосвященные поражались: что за странные часы! Какое невероятное, дикое показывают время!

ГЕРОИ МЕТРОСТРОЯ

В юности у проходчика Катаманина была интересная встреча. Приехал на строительство Михаил Иванович Калинин. Беседуя с молодежью, глава правительства заметил на земле гвоздь. Поднял, спрашивает:

— Куда его положить?

— Да куда хотите, Михаил Иванович, хоть бросьте.

— Никак нельзя гвоздь бросать, — наставительно заметил Калинин, — мелочь, а в хозяйстве вещь нужная. Учитесь быть хозяевами!

Запомнил Катаманин урок.

И каску шахтера, которую получил много-много лет назад, носит с тех пор бесценно.

— Ей цена восемь рублей. Беречь следует! — замечает проходчик, когда молодежь вздумается подтрунить над его старой каской.

Много специальностей довелось изучить Беня-мину Лазаревичу Катаманину за тридцать четыре года подземного стажа. И на любом участке удается ему придумать что-нибудь такое, чтоб и дело быстрее шло и государству подешевле стоило. Это главная страсть его жизни.

Прибывали помощники

С перва они буравили землю отбойными молотками, как это делают шахтеры.

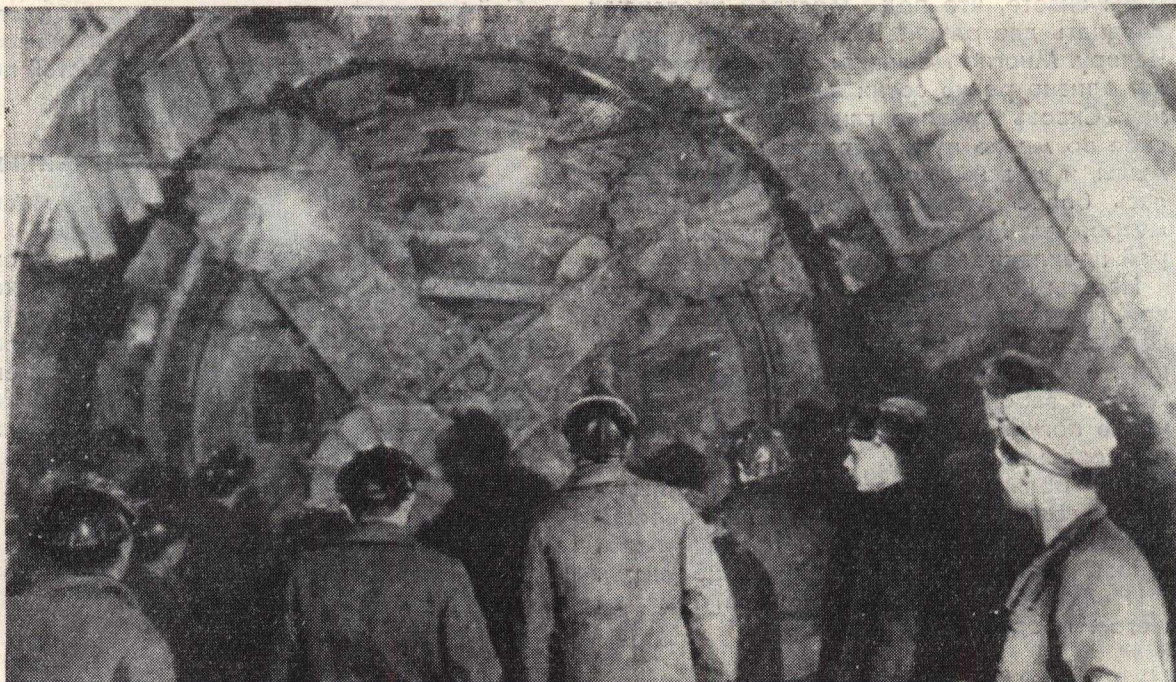
Но вот однажды на участке «Площадь Революции» спустили в шахту невиданный комбайн. Он напоминал огромный цилиндр, лежащий на боку. Это был первый щит.

Медленно начал щит вгрызаться в крепкую породу, оставляя позади себя круглый коридор тоннеля. И сразу же, следом за щитом, укладывались тубинги — чугунные кольца-крепления.

Только первый щит тех далеких лет был «иностранцем». Через год у нас уже появились свои щиты. И свои кессоны.

На что похож кессон? Он вроде кабины, открытой по сторонам и сверху. К нему по трубам подведен воздух, сжатый до двух-двух с половиной атмосфер. Ползет кессон под землей, сжатым воздухом отжимает воду начисто — и в тоннеле сухо.

Только работать в кессоне было очень тяжело. И здоровяк не каждый такое давление выдержит. Поэтому прежде чем зайти в кессон или выйти из него, рабочие проходили особое шлюзование в кабинах-отсеках, где понемножку прибавляется или убавляется давление воздуха.

Главный проходчик тоннелей — механизированный щит. Видите, какие у него зубастые челюсти-диски! Вращаясь по окружности щита и вокруг своей оси, диски режут самую твердую породу.

В самом деле, что может означать: сто семнадцать минут сто двадцатого?

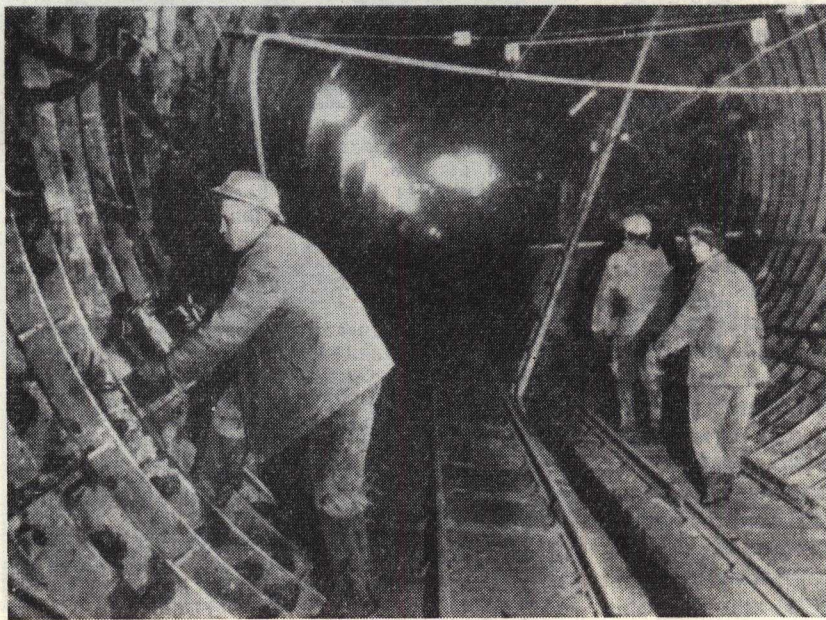
Шутка? Нет. Какая там шутка! Проходчики с гордостью поглядывали на трехзнач-

ные числа, к которым устремлялись стрелки. Они знали: одна стрелка показывает, как идут дела с месячным планом, другая отмечает работу за истекшие сутки.

И «сто семнадцать» и «сто двадцать» — это проценты, конечно! Догадались?

А когда месячная стрелка сделала стремительный скачок, к «странным часам» обратились взгляды буквально всех тоннелестроителей, какие только есть на земле.

Потому что на этом участке ударная бригада Василия Слажнева и ее сменщики прошли за месяц четыреста метров тоннеля. Это нельзя назвать «много»: это мировой рекорд. Разве сравнишь неслыханную быстроту такой проходки с медленным шагом, каким двигался когда-то первый стальной щит — три четверти метра в сутки!

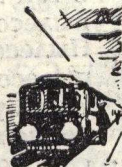
Вслед за щитом укладываются железобетонные кольца для крепления стенок тоннеля.

ГЕРОИ МЕТРОСТРОЯ

Мировой рекордсмен проходки тоннелей Василий Слажнев (в центре) и его ударная бригада.

Завтра Московского метро

Карта подземных путей перед нами. Вот «Каширское шоссе», «Коломенское» — эти станции строятся. «Тушино», «Бабушкин», «Мытищи» — туда тоже пойдет метро. И, наконец, огромное кольцо, очень отдаленное от центра, соединит между собой все радиусы воедино. Почти триста двадцать километров — такова протяженность всех линий, и сегодняшних и будущих. Большой он, завтрашний день Метростроя!

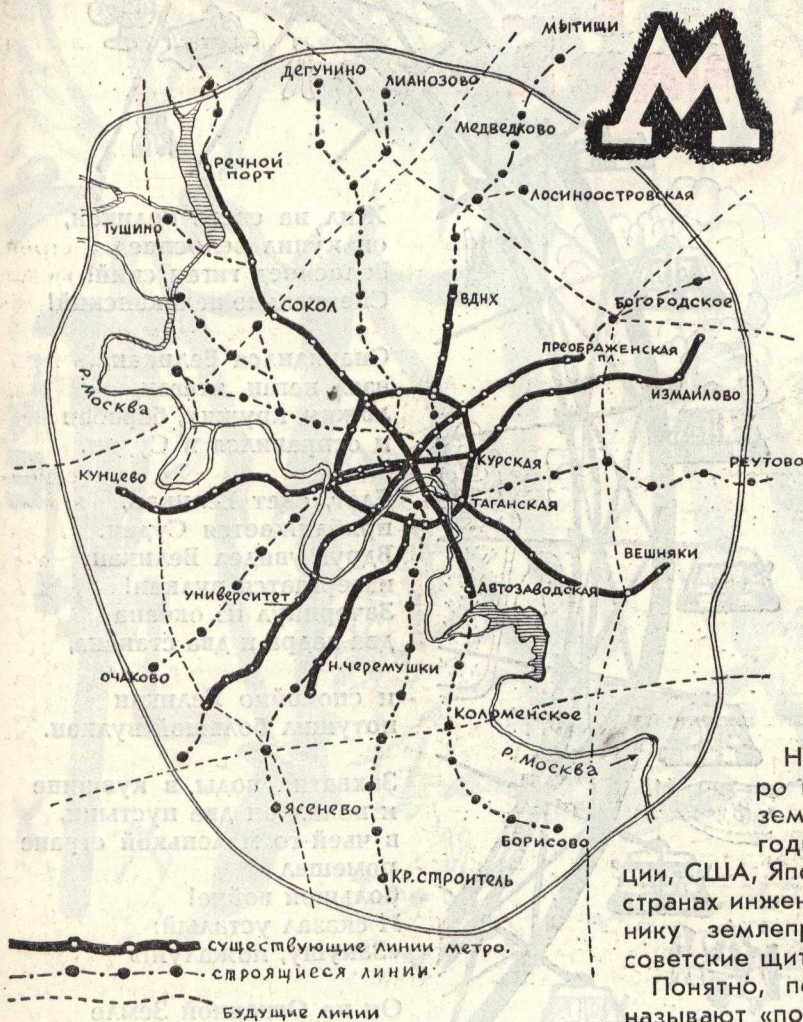
Проектировщики говорят: проложим большое кольцо — покончим с перегруженностью городского транспорта. Задача такая, чтоб у каждого подземного пассажира (откуда бы и куда он ни ехал) дорога отнимала не более тридцати — сорока минут. И чтоб не пришлось ему делать более одной пересадки. Ни в коем случае!

«Все это хорошо. Однако при чем тут «подземный университет?» — вероятно, подумаете вы.

Сейчас поясню. Начальник Метростроя столицы Василий Дементьевич Полежаев — бывший бригадир проходчиков, а его заместитель Татьяна Викторовна Федорова — тоже простая работница в прошлом. И в этом нет ничего удивительного. Тысячи метростроителей за годы подземного стажа сумели получить техническое образование, стали выдающимися конструкторами, командирами производства. В стране социализма это обычно.

Но строители Московского метро не просто сами прошли «подземный университет», они учат сегодня весь мир. В Италии, Франции, США, Японии, многих социалистических странах инженеры изучают московскую технику землепроходки, применяют у себя советские щиты.

Понятно, почему метро нашей столицы называют «подземным университетом»?

Эмма МОШКОВСКАЯ

Пылесос

Жил-был
Пылесос.
Съел он пыли
целый воз.
Пылесосил,
пылесосил,
а потом он взял и бросил.

Тихо-тихо он лежал.
Он лежал, воображал,
как он вылетит в окно!
Это твердо решено!
У него такая мощность!
У него такая прочность!
И исчезнет он вдали
в космической пыли...

Среди всех планет и звезд
полетит
пылесос,
очищая
мир
от пыли!
Только окна бы раскрыли!!!

Но хозяева
того
Пылесоса
посмотрели на него
очень косо
и сказали:
«Ты, бездельник!
Ты, бездельник,
стоил денег!
Как же то есть!
Где же совесть?
Одним словом,
если сломан,
если ты перегорел,
так бы сразу говорил.

Отдадим тебя в починку —
заменить тебе пружинку.
Сколько пыли завелось!
Пылесос —
так пылесось!»

И отдали,
и чинили,
и пружинку
заменили...

И опять
с той поры
пылесосит он ковры.
Пылесосит, пылесосит,
пылесосит, что попросят.
А забудут,
не попросят —
сам возьмет
пропылесосит...

Он по-прежнему живет,
только он уже не тот:
что-то часто барахлит,
что-то сердце
шалит...

Подарки в Парке

Жил на свете Великан,
он купил велосипед.
Велосипед гигантский!
Специально великанский!

Снарядился Великан,
взял наган, ятаган,
ложку, кружку, барабан
и отправился в Судан.

Едет, едет Великан,
приближается Судан.
Вдруг увидел Великан:
извергается вулкан!
Зачерпнул из океана
два ведра и два стакана,

и спокойно Великан
потушил большой вулкан.

Захватил воды в кувшине
и полил он две пустыни,
в чей-то маленькой стране
помешал
большой войне!
И сказал усталый:
«Закушу, пожалуй!»

Он на Огненной Земле
жарил рыбное филе.

Рисунки П. ПРОРОКОВА.

Он на острове Медвежий
ел медвежий шницель
свежий,

ел кисель,
где Марсель,
ел инжир,
где Алжир,
ел лимон,
где Лион,
а в Нью-Йорке
бросил корки!

Но в городе Ля-Пас
попала муха в глаз...
Налетел велосипед,
налетел на остров Хёрд,
налетел на остров Крит,
и раздался страшный
скрип!
Наскочил на Филиппины,
прохудились обе шины,
а где город Триполи,
четыре спицы выпали!

И, оставив все надежды
возле острова Надежды,
снял колеса Великан,
прикатил
из дальних стран
и нам подарил.

Он дарил,
говорил:

«Дарю я вам подарки!
Стоят подарки в парке!
Идите
все!
Хотите —
все
крутитесь
в колеса!»

Мчит народ
со всех сторон
на большой аттракцион
два гигантских колеса,
великанских колеса,
ежедневно в три часа
поднимают в небеса!

И оттуда,
как на блюде,
видны маленькие люди!
И далекие леса
там видны из колеса —
из гигантского,
великанского!

Красные следопыты 9-й средней школы г. Коломыи (Карпаты) создали Ленинский музей. Ребята разыскиали людей, знавших В. И. Ленина, записали их воспоминания, ведут с ними переписку. Старые коммунисты передали музею редкие фотографии, памятные реликвии, книги. Эти страницы журнала знакомят вас с некоторыми экспонатами музея.

Генерал-майор Андрей Иванович Никулин был в г. Коломые. Красные следопыты записали его воспоминания.

Два рассказа А. И. Никулина

Пост № 27

Все часовые хорошо знали Владимира Ильича в лицо, но он всегда предъявлял пропуск, не дожидаясь, чтобы часовой попросил его об этом. Когда Ленин выходил из кабинета, он обязательно здоровался с часовым, а иногда останавливался и задавал вопросы. «Скажите, пожалуйста, товарищ часовой, где вы родились!» Отвечает: «Родился я в Московской области, станция Железнодорожная, поселок Савино, рабочий бывшей Морозовской фабрики». «А кто ваши родители!» — опять задает вопрос Ленин. Говорю: «Рабочие. Отец прядильщик, мать ткачиха». «А какую вы имеете связь с родными, бываете ли у них!»

Из таких бесед с нами Владимир Ильич узнавал, какая обстановка на фабриках и заводах, в деревнях, какие настроения среди

крестьян и рабочих. Время-то тогда было трудное: гражданская война шла.

Стоя на посту у квартиры Ленина, я видел, как много Владимир Ильич работал. Но я ни разу не заметил, чтобы Ленин подал вид, что он устал или плохо себя чувствует, даже после ранения.

В споре рождается истина

Ленин любил курсантов-кремлевцев, часто приходил к нам в классы. Придет, сядет за парту, слушает, как преподают нам военное дело специалисты царской армии. Своих-то у нас еще не было. Когда преподаватели уходили, Владимир Ильич говорил нам: «Слушайте все внимательно и все запоминайте. У нас должны быть хорошие командиры. Вам руко-

дить Красной Армией, вам защищать Советскую республику».

Помню, однажды в Тайницком саду занимались мы пулеметным делом. Возник спор, поднялся шум. А Ленин в это время шел мимо, остановился, стал прислушиваться. Курсанты заметили его, дали знать остальным, шум прекратился. Ленин засмеялся и подошел к нам, спрашивает: «Почему шумите, товарищи курсанты?» Мы сначала растерялись, а потом говорим: «Мы, товарищ Ленин, изучаем пулеметное дело, теорию стрельбы. Одни так понимают вопрос, другие по-другому, вот и спорим». «Ну и правильно делаете. Мы в гимназии тоже спорили. Это хорошо, потому что в споре рождается истина».

Вот пропуск, который Владимир Ильич показывал часовому, когда проходил в свою квартиру в Кремле.

На фотографии слева — тот самый часовой, который стоял на посту у квартиры Ленина, курсант Первой объединенной школы имени ВЦИК А. И. Никулин.

Алексей Петрович Пирогов в первые годы Советской власти работал в Кремле, во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете. Он часто видел Владимира Ильича, слушал его выступления. Алексей Петрович живет в Киеве, красные следопыты переписываются с ним. Вот его письмо.

Как я Ленину партийный билет выписывал

В начале двадцатого года мне, секретарю партийной ячейки ВЦИК, поручили ответственное дело — выписать новые партийные билеты коммунистам партийной организации Кремля (в партию шла замена старых билетов).

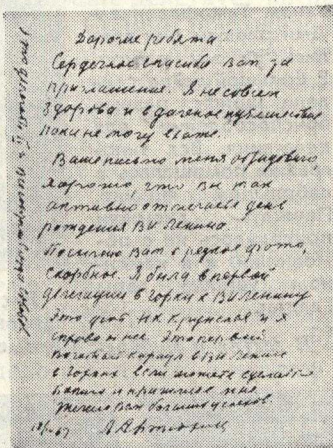
Лежит передо мной список партийной ячейки Совнаркома, и вижу я в этом списке фамилию Ленина. Взял чистую маленькую книжечку — партбилет, раскрыл ее и стал старательно выводить каждую букву. И тут возник у нас спор. Какой на партийном билете Ленина номер поставить! Тогда на бланках партбилетов порядковые номера в типографии не печатали, писали от руки.

Одни товарищи говорили: «Ленин — организатор нашей партии, ее вождь, значит, он в партии первый коммунист, и на билете его нужно поставить номер один». А другие возражали: «Владимир Ильич человек скромный. Надо на билете поставить порядковый номер, как в списке». Так и решили. В партийном билете я поставил № 527.

ИЗ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ АРТЮХОВОЙ

В первом почетном карауле у гроба Владимира Ильича стояли делегаты II Всесоюзного съезда Советов. На фотографии вы видите меня рядом с Надеждой Константиновной Крупской, справа от нее.

В то время я работала на текстильной фабрике в Твери (теперь город Калинин), была председателем фабричного комитета. Хорошо помню, как Надежда Константиновна говорила нам, женщинам: «Делегатки, усыновите пионеров». Пионеры всегда были одной из основных ее забот.

Эту фотографию прислал красным следопытам из Москвы Иван Борисович Шевцов. Вот что он рассказал ребятам в письме.

Ленин на сессии ВЦИК

На IV сессии ВЦИК Ленин говорил о том, почему в России так быстро победила революция. Выступал он недолго: минут десять — пятнадцать. Было это 22 октября 1922 года, Владимир Ильич не оправился еще после болезни. В перерыве Ленин пригласил делегатов сессии сфотографироваться. Мы были очень удивлены: обычно Ленин сниматься не любил. Я был молодой, шустрый; когда попросили усаживаться, наверное, быстрее других занял место около Ленина.

Снимок, который вы видите, — часть той давней фотографии. Этот снимок мне подарили недавно в Институте марксизма-ленинизма.

ПРИКАЗ РЕВВОЕНСОВЕТА

«Награждается орденом Красного Знамени член РВС Красной Армии Черноморья тов. **ШЕВЦОВ ИВАН БОРИСОВИЧ** за то, что в марте месяце 1920 года, руководя частями красно-зеленой армии, оперировавшей на Майкопском направлении в тылу у белых банд, способствовал занятию гор. Майкопа красными войсками и, вступив первым в вышеозначенный город, организовал там Советскую власть, причем путем агитации, связанной с риском для жизни, повлиял на переход на нашу сторону пластуновского батальона белых».

Штаб красных следопытов интерната № 40, г. Москва.

Вот какой однажды у нас вышел случай. В один из дней похода по Алтаю Валера Лазарев и Володя Трунов отправились к старому коммунисту, подпольщику Ивану Никифоровичу Кудрявцеву, чтобы записать его воспоминания. Зашла речь о подпольной типографии, о листовках. Ну, кто-то из ребят и говорит: «Вот бы на эти листовки посмотреть!» Иван Никифорович сначала ничего не ответил, посмотрел загадочно на стенку, где висела большая рама с семейными фотографиями, потом поднялся, снял раму со стены, покрутил-повертел ее в руках и достал откуда-то изнутри... что бы вы думали! — листовки. Настоящие листовки горно-алтайских подпольщиков! «Берите,— говорит.— Сколько лет хранил! Но раз вы пишете историю, берите...» И подарил нам эти листовки.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И. Н. КУДРЯВЦЕВА.

Одной из форм работы среди крестьян была листовка. И коммунисты-подпольщики стали думать, как листовки изготовить. От руки писать нельзя: по почерку можно найти человека. Попытались достать печатный шрифт — не удалось. Тогда решили сделать шрифт сами. В нашем селе Александровке жили два питерских рабочих. Один из них, Иван Алексеевич Зайцев, был знаком с отливочным типографским шрифтом. Вместе с кузнецом Иваном Тимофеевичем

В гостях у Кудрявцева.

Шифровки на бересте были очень удобны. Береста не боится ни сырости, ни воды, ее можно прятать и хранить в земле.

0, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1 (без всяких пометок). Буквы к, л, м, н, о, п, р, с, т, у — цифрам 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0, — с вертикальной черточкой ниже цифры. Буквы ф, х, ц, ч, ш, щ, ы, ь, ю, я — цифрам 0, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1 — с горизонтальной черточкой внизу.

***** ТРУДОВЫЕ КРЕСТЬЯНЕ *****

Подосланный эсеровской партией эсера Каплан, 20 августа 1918 г. стрелял в великого вождя трудящихся Владимира Ильича ЛЕНИНА и тяжело ранил Вл. Ильича.

ПОДЛЕ УБИЙЦЫ! ВЫ ЕЩЕ СМЕЕТЕ НАЗЫВАТЬ СЕБЯ НАРОДНОЙ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ.

ВЫ ПРЕДАЛИТЕ ТРУДОВОГО НАРОДА-РАБОЧНИК И КРЕСТЬЯН. БОЛТАЕТЕ О СВОБОДЕ РАВЕНСТВА БРАТСТВЕ И ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ?

ВЫ В СГОРОДЕ С КРОВОЯВОЙ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ И ЧЕКАМИ-ИНТЕРВЕНТАМИ, СБЕГЛИ В СИМБИЕРСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВЛАСТЬ-ЗАЩИТНИКУ ТРУДЯЩИХСЯ. ЛОВИТЕ, УБИВАЕТЕ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ, СЖИМАЕТЕ В ТЮРЬМЫ, ПОДВЕРГАЕТЕ ПЫТКАМ СЮДОМНИКОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

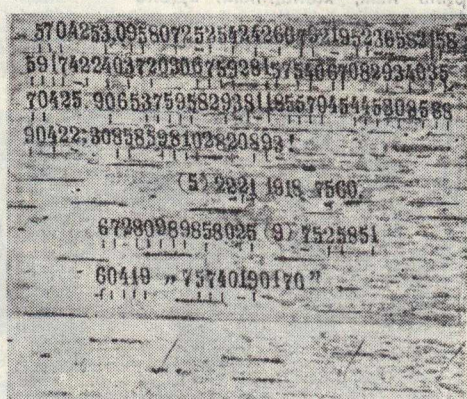
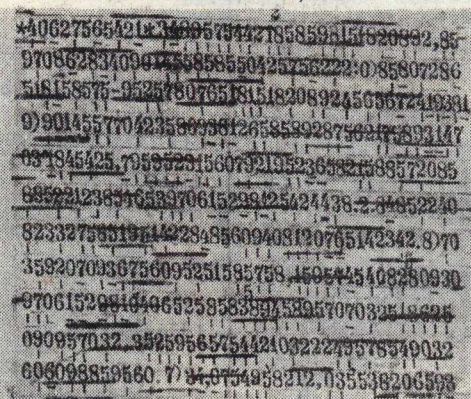
ВЫ ВОЗВРАЩАЕТЕ СТАРЫЕ ЦАРСКИЕ ПОРЯДКИ. ВАШИ КРОВАВЫЕ РУКИ ПОСАЖУЛИ И НА ТОВАРИЩА ЛЕНИНА. ВЫ ВСЕ ГОРОДА И СЕЛА СЖИМИТЕ, ЗАЛИЛИ КРОВОЮ ТРУДЯЩИХСЯ.

НЕТ ПОДЛЕ УБИЙЦЫ! ВЫ НЕ УБЕДЕТЕ ЛЕНИНСКУЮ ПРАВДУ.

РУКА ТРУДЯЩИХСЯ СЧЕТЕТ ВАС, ВМЕСТЕ С ВАШИМИ ХОЗЯЕВАМИ-КАПИТАЛИСТАМИ, С ПУТИ УЖАСНАГО ТОВАРИЩА ЛЕНИНА. ЛЕНИН БУДЕТ ЖИТЬ ВЕЧНО В ДУМКАХ И ДЕЛАХ ТРУДЯЩИХСЯ. А ВАС ПАЛЧАК-УБИЙЦЫ ПОСТИГНЕТ ЗАСЛУЖЕННОЕ ВОЗМЕЗДИЕ.

Сентябрь 1918 г. Большеевский штат.

Листовка горно-алтайских подпольщиков — замечательный документ времен гражданской войны!

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Здравствуй, дорогая редакция! Недавно я прочла книгу Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». В ней есть такой отрывок (на стр. 196):

«...Металл М, составляющий ядро Земли, непрерывно распадаясь и превращаясь в другие легкие металлы, освобождает чудовищное количество тепла. Ядро Земли прогревается. Через несколько миллиардов лет Земля должна прогреться насквозь, взорваться, как бомба, вспыхнуть, превратиться в газовый шар диаметром с орбиту, которую описывает Луна вокруг Земли, засиять, как маленькая звезда, и затем начать охлаждаться и снова сжиматься до размеров земного шара. Тогда снова возникнет на Земле жизнь, через миллиарды лет появится человек, начнется стремительное развитие человечества, борьба за высшее социальное устройство мира.

Земля снова будет, не переставая, прогреваться атомным распадом, чтобы снова вспыхнуть маленькой звездой. Это круговорот земной жизни. Их было бесчисленно много и бесчисленно много будет впереди. Смерти нет. Есть вечное обновление...»

Хотя, по-моему, эта книга — фантазия, все же нечто подобное, о чем говорится в отрывке, я уже слышала. Мне очень хочется знать, правда ли это. Если правда, то через сколько лет произойдет этот взрыв? Мне одна девочка сказала, что через 100 000 лет. Ответьте мне, пожалуйста.

С приветом,

Асмадырова Надя,
г. Новосибирск.

ВЗРЫВЫ

В

КОСМОСЕ

С первого взгляда в космосе все спокойно. Каждый день появляется Солнце, каждую ясную ночь тихое сияние звезд успокаивающе действует на нашу душу. Но это только кажется.

На Солнце постоянно происходят взрывы, по мощности равные взрывам миллиардов водородных бомб! Мы в этот момент наблюдаем «солнечную вспышку», и наши приборы регистрируют выброшенные Солнцем при взрыве потоки мельчайших частиц — корпускул.

Еще более мощными могут быть взрывы у других звезд. Тогда даже с Земли видно, как яркость звезды за несколько секунд возрастает в десятки раз. Но и эти «рекорды» побиты так называемыми новыми и сверхновыми звездами. Здесь взрывы достигают таких масштабов, что, вспыхнув, сверхновая звезда одна начинает светить так же ярко, как сотни миллиардов солнц!

Причины всех этих явлений до конца не выяснены. Видимо, дело в том, что в недрах звезд происходят ядерные реакции — превращение одних веществ в другие. В результате этого выделяется энергия, она долго накапливается внутри звезды, а потом сразу вырывается наружу — получается взрыв. Таково одно из возможных объяснений.

Не исключено, что когда-то и Метагалактика — то есть весь наблюдаемый нами космос — родилась при невообразимо мощном взрыве из сверхплотного сгустка первичного вещества...

Наш земной шар не содержит внутри себя каких-либо взрывчатых веществ, как предполагал писатель А. Толстой, да и размеры Земли недостаточны для подобного разогрева ее недр и тем более для ядерного взрыва. Мы можем спать спокойно: Земля принадлежит к типу «спокойных» небесных тел. Доказано, что и Солнце не превратится в «новую» звезду: его физическое строение для этого неподходяще.

Словом, в пределах солнечной системы, если не говорить о далеких и неопасных для нас взрывах на Солнце, все спокойно.

Астроном Ф. ЗИГЕЛЬ

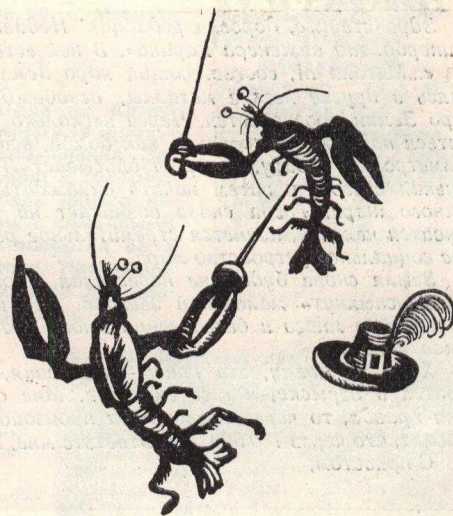
ГОЛУБАЯ КРОВЬ

Да, в природе есть такие животные. Это осьминог, каракатица, речной рак, некоторые крабы — иными словами, моллюски и ракообразные. В отличие от человека и теплокровных животных в крови у моллюсков вместо железа содержится медь. Железо окрашивает кровь в красный цвет, а медь, соединяясь с кислородом, придает крови голубоватую окраску.

Железо и медь находятся в крови разных организмов, но везде они выполняют одну и ту же очень важную функцию — участвуют в дыхании живого существа. Соединяясь с кислородом, медь и железо «помогают» ему передвигаться из легких к различным тканям и клеткам организма. Такая замечательная способность железа, входящего в состав крови, известна была давно. А что касается меди — это впервые открыл русский физиолог И. М. Сеченов в 1885 году.

И. ВАЛЬЦЕВА,
физиолог, научный сотрудник МГУ

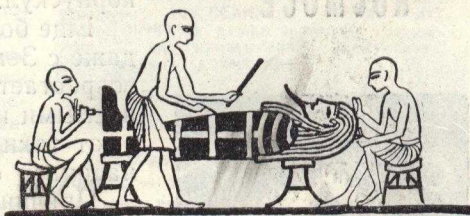
Дорогая редакция!
Меня интересует такой вопрос. Мы слышали, что бывают животные с голубой кровью. Есть ли такие животные?
Федорова Оля и Валя Симкина,
г. Краснотурьинск, Свердловской области.

Дорогая редакция журнала «Пионер»!
Расскажите, пожалуйста, о мумиях, которые нашли. Как и где их хранят сейчас и почему они так долго сохранились в земле? Это очень интересно!

Шальнева Светлана,
г. Мичуринск.

МУМИЯ ЖРЕЦА ПЕДИСЕ

В конце декабря 1930 года в самом большом и знаменитом музее Советского Союза — Государственном Эрмитаже в Ленинграде — происходило необыкновенное событие.

Эрмитажный театр был ярко освещен люстрами, сверкали позолоченные украшения на белых стенах. В зале — ни одного свободного места.

Все взоры устремлены на полукруглую площадку у сцены. Там вокруг стола уже собрались египтологи — сотрудники отдела Древнего Египта. Среди них — и я, тогда экскурсовод отдела. А на столе перед нами — длинный предмет, запеленатый в сильно пожелтевшие полотняные бинты и чем-то напоминавший гигантскую куколку бабочки. Но по форме этого удивительного предмета угадывалось человеческое тело... Перед нами была мумия египтянина, жившего в X веке до н. э.

Вместе с другими памятниками египетской культуры вот уже более ста лет хранилось в русских музеях и несколько древних мумий. Но только часть из них — статуи, плиты с надписями, папирусы, посуда — была выставлена в залах Эрмитажа, а часть вообще не попала в лучший из русских музеев. Все мумии находились в Музее антропологии и этнографии, на другом берегу Невы.

Объяснялось это просто: по указу Екатерины II запрещалось вносить мертвое тело в царский дворец. А Эрмитаж был продолжением Зимнего дворца; вот почему более ста лет мумии не выставлялись в его залах... Только после Октябрьской революции они впервые появились среди памятников Древнего Египта.

В 1930 году было решено развернуть одну из мумий, чтобы выставить ее в открытом виде.

И вот наступил назначенный час, и ученые приступили к работе: осторожно, чтобы не порвать тонкую ткань, начали снимать бинты, которыми запеленали мумию три тысячи лет назад.

Один, другой, третий... Бинты длинные, по четыре, по пять метров. Их аккуратно скатывают, а я нашиваю на каждый бумажку с порядковым номером. Их уже больше сотни, а до конца еще далеко. Но вот пошли короткие бинты — их снимают с рук и ног, головы и шеи — каждый не больше одного-полтора метров. Некоторые бинты широкие, другие совсем узенькие. Подходит к концу и вторая сотня. Кончились нитки. Чем же пришивать? Если прервать работу, нарушится порядок снятых бинтов, — они ведь поступают непрерывно. Тогда я нахожу выход: осторожно вытягиваю нитку из бинта и этой древней нитью пришиваю номерок.

И вот, наконец, снят последний бинт. Всего их двести. На одном виднеется надпись. Египтологи с волнением читают иероглифы: «Жрец Педенсе». В переводе на русский язык имя означает «подаренный Исиде».

Под всеми бинтами мумия была завернута в большой кусок полотна. Снять его было труднее всего — настолько он пристал к телу, политому сверху душистыми маслами. С большим трудом удается снять это последнее покрывало, и вот перед нами предстала открытая мумия.

Тело темно-коричневого цвета, мышцы совершенно высохшие, но все же видно, как они обтягивают скелет. Хорошо сохранилось лицо — тонкий прямой нос, сжатые губы, глаза закрыты, на пальцах рук и ног блестящие ногти, на голове волосы. Можно представить себе, как выглядел при жизни жрец Педенсе.

Каким же совершенным было искусство бальзамирования, если в течение трех тысяч лет можно было так сохранить человеческое тело!

Но тут нужно учесть вот еще что: мумии хранились, конечно, не в земле, как думает Светлана. Обычно они помещались в склепы или в скальные гробницы. К тому же в Египте очень сухой воздух. В результате мумии так хорошо сохранились, что теперь, когда они попали в музей, за ними не нужен особый уход. Главное, чтобы воздух был не чересчур сухой.

В древнеегипетских рукописях не сохранилось описание того, как бальзамировали мумии. Об этом рассказал нам греческий историк Геродот, путешествовавший по Египту в V веке до н. э.

Когда человек умирал, его тело передавали в руки специалистов-бальзамировщиков. Прежде всего через разрез, сделанный внизу живота, они вынимали внутренности. Затем удаляли особыми инструментами мозг — через нос (иногда отрезали голову). Мозг и внутренности складывали в четыре высоких сосуда из камня — «канопы». Их потом ставили в гробницу рядом с саркофагом.

Тем временем продолжалась обработка тела. Долгие дни его держали в соляном растворе, потом сушили, наполняли особыми составами и заливали душистым маслом. И только после этого заворачивали в пелену и забинтовывали множеством бинтов.

Запеленатую мумию клали в саркофаг — гроб в форме самой мумии — и ставили в гробницу, где жрецы читали молитвы и заклинания.

Египтяне верили, что после смерти душа еще вернется в тело и тогда умерший воскреснет для вечной жизни в загробном мире. Поэтому они и бальзамировали покойных, стараясь сохранить тело — «вместилище души».

Египтяне бальзамировали и священных животных. Ученые находят мумии кошек, соколов, крокодильчиков и т. п. Около древней столицы Египта Мемфиса в большом склепе были обнаружены сотни мумий священного быка Аписа.

**Р. РУБИНШТЕЙН, научный сотрудник
Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина**

Рисунки художника О. ЗОТОВА.

Братья по оружию

Подполковник Н. ВАСИЛЬЕВ

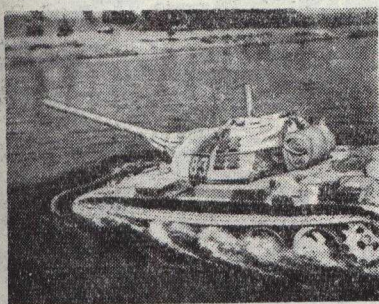
Двенадцать лет назад, весной 1955 года, в Варшаве собрались руководители социалистических стран Европы. Собрались потому, что нашим странам необходим был боевой, военный союз. Газеты тех лет были полны сообщений о грозных военных блоках империалистов. Одна за другой вступали в действие мощные военные базы. Карты тех лет были разрисованы зловещными значками этих баз. И располагались они вокруг социалистических стран. В военных штабах империалистов подсчитывали, время, за которое военные самолеты с грузом бомб домчатся со своих баз до Свердловска и Челябинска, Ленинграда и Харькова.

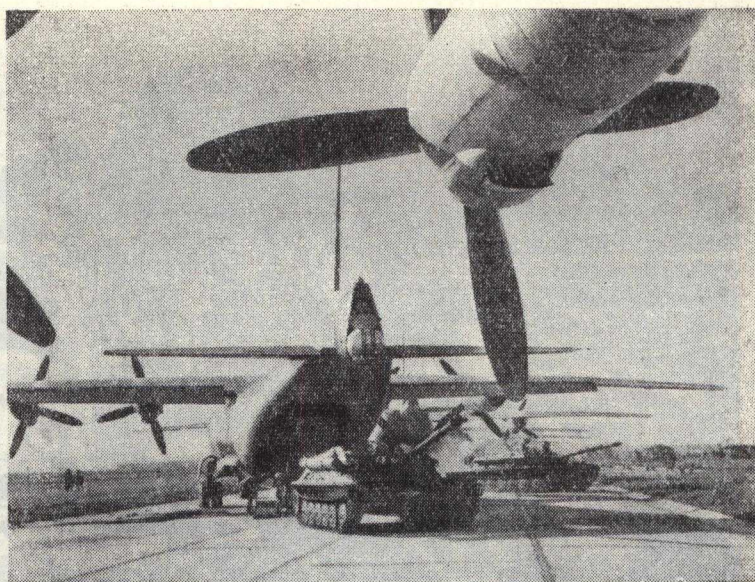
Торжественный парад братских армий в Эрфурте (ГДР). Парад завершил военные учения 1965 года.

В Европе с каждым годом росло беспокойство. Самым близким соседом Германской Демократической Республики и Чехословакии была страна, где притаились недобитые гитлеровские генералы. Они выжидали время, чтобы набраться сил, вырастить огромную армию и двинуть ее на Восток...

Надо было нашим социалистическим странам подумать о своей безопасности. Нужно было сделать все, чтобы агрессоры, готовившие войну, не застали мирные страны врасплох. И тогда в 1955 году социалистические страны Европы договорились объединить свои вооруженные силы, объединить могучую современную боевую технику, опыт и мужество своих командиров,

Так проходили совместные военные учения. На снимках вы видите, как плавающие танки переходят реку, как из транспортного самолета «АН-12» выгружаются самоходные пушки, как мотострелки, прибывшие на кораблях, атакуют «противника».

в один строй поставить сотни и тысячи русских, чехов, немцев, поляков, болгар, венгров — солдат мира. Так родился Варшавский договор. За двенадцать лет своей жизни он стал несокрушимым ракетно-ядерным щитом.

И сейчас в мире неспокойно. Число военных баз на чужих территориях у империалистов не уменьшилось. Спешно сооружаются площадки для запуска ракет. Армия

Военное снаряжение подготовлено к отправке на самолеты.

Федеративной Республики Германии стала сейчас сильнейшей в Западной Европе. Почти полмиллиона ее солдат обучены обращаться с американскими ракетами, а на занятиях им преподают русский язык, как «язык возможного противника». Генералы ФРГ открыто говорят сейчас о походе на Восток, о том, чтобы снова перекроить карту Европы, как того хотел Гитлер, и требуют, чтобы их допустили к атомному оружию... Вот почему наши миролюбивые страны постоянно укрепляют боевое сотрудничество. Вооруженные силы социалистических стран находятся в наивысшей боевой готовности, чтоб в любой момент враг получил сокрушительный ответный удар.

Все эти годы участники Варшавского договора — Национальная народная армия ГДР, Советская Армия, Чехословацкая

армия, Войско Польское и армии других братских европейских стран — находятся под единым командованием, учатся по одним программам, осваивают одну и ту же боевую технику. Почти ежегодно братские армии посылают на боевые учения лучших бойцов и командиров. Посмотрите на эти снимки, и вы сможете представить, как проходили учения «Влтава» на чехословацкой земле и «Октябрьский штурм» в ГДР. Как видите, форма у воинов разная, сохранены в каждой армии воинские звания и знаки различия. Но все они служат общему делу защиты мира.

Ядром боевого сотрудничества являются могучие советские Вооруженные Силы. Богатый опыт, славные боевые традиции, закаленные в боях командиры, современная техника — все это надежная гарантия всеобщего мира.

Две стороны медали

Всем, всем,
нос утер
Рекордсмен
наш Григор!

Он глядит на встречных
гордо.
Ну еще бы, — он, как лев,

выше прежнего рекорда
прыгнул, планку не задев.
Выдох, вдох. Разбег

хороший.
Бьют болельщики
в ладоши,
кубка светится
хрусталь,
на груди горит медаль.

Всем, всем,
нос утер
Рекордсмен
наш Григор!
Ну, а в классе

на уроке
так ли он на высоте?
Похвалы или упреки?
Впереди или в хвосте?
Что ж, признаться

в этом стыдно,
впереди его не видно:
встал за партой, выдох,
вдох —
в дневнике не выше
трех.
Славен тройками Григор!
Вот рекорд —
всем укор!

Девочка поднимает руку

Цветан
АНГЕЛОВ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

•ВЕОЕЛЫЕ СТИХИ•

там наяву все чудеса,
которые могли ей сниться.
Она вступает в мир такой,
где космонавт перед

ракетой
высоко поднятой рукой
прощается со всей

планетой...
Могучий гром в который
раз
его корабль подбросит
в воздух,
чтоб он средь ночи стал
для нас
звездой, движущейся

в звездах.
Серебряный увидев след,
сквозь слезы счастья,
как о чуде,
опять заговорит весь свет,
хоть к подвигам привыкли
люди.

В мечтах об этом
светлячке
и тянет руку из-за парты
Калинка, чтоб пойти
к доске —
готовить будущие старты.

Калинка просится к доске,
настойчивость в ее руке...
Счастливица! В туманной
дымке

лежит волшебная страна,
куда, подобно невидимке,
вступает медленно она.
В трех заповедях там вся

правда:
Учись! Запоминай! И знай!
Откроет тайну этот край
того, что ждет Калинку
завтра.

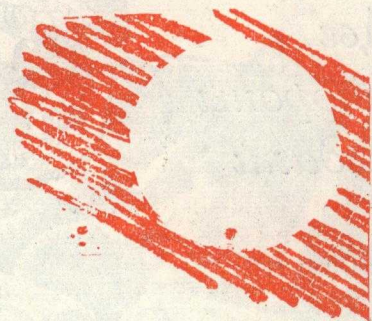
Там солнце на ночь не
садится
за тихо спящие леса,

Перевел с болгарского
Анатолий НАЙМАН.

ЦЫГАН

И. РАХТАНОВ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Окружающие не зря единогласно решили, что характер у Цыгана пренеприятный. Окрестные кошки, шипя, шарахались при его появлении, побаивались его и собаки, да и в самом Доме творчества, где он жил, Цыгана терпели потому только, что знали необычайное прошлое этого трехногого, черного, как пишущая машинка, пса; ночами, глядя, как по небу медленно проплывают освещенные луной облака, он, мешая всем спать, уныло и протяжно выл.

— Хоть бы ты замолчал, все нервы мне вытянул! — говорила добрая сестра-хозяйка. — Ну чего тебе не хватает, чертушка? Жрешь не по карточкам, человеку и то нынче хуже...

А Цыгану не хватало многого. Не для такой жизни он родился в сибирской деревне, откуда его мобилизовали в первые месяцы войны. Там он и прошел школу настоящего дела — его обучили высокому искусству истребления вражеских танков. Мастерство это не простое и суровое: в собаке воспитывается бесстрашие, она привыкает к тому, что грохот и лязг движущегося танка несут ей пищу, перестает бояться и, заслышав приближение машины, бросается под нее, неся на своей спине мину или связку бутылок с зажигательной жидкостью.

В Доме творчества царствовала тишина. Ее здесь ценили выше всего и нарушали только стрекотанием пишущих машинок, совсем не похожим на барабанную дробь пулеметов, к которой в школе приучили Цыгана. Тишина действовала на него угнетающе, всем существом жаждал он пения военной трубы, грома полкового оркестра.

Несчастный случай сберег ему жизнь и привел сюда. Его товарищи по школе давно погибли на пылающих полях войны, честно выполнив свой долг и взорвав вместе с собой немалое число фашистских танков, а он отстал от них, хотя по способностям считался не из последних и воспитание его было поручено самому сержанту Сене Сквородникову. Из-за него-то, из-за Сени Сквородникова, и попал Цыган в Дом творчества.

А случилось это так. Тут, на станции, расположенной на ближних подступах к Москве, эшелон, в котором он ехал со своим «вожатым» на передовую, почему-то задержали. Состав выстоял час, начинался другой, а все еще было неясно, откроется ли перед ним «зеленая улица» и когда...

Комендант эшелона сидел у коменданта станции, разговор велся крупный и на высоких нотах, но поезд не двигался.

Пожалуй, нет ничего скучнее и бессмысленнее, чем созданная для движения и вдруг остановившаяся теплушка. Само время словно останавливается и замирает

вместе с ней. Спокойно сидеть, ждать, когда же кончится никому обычно не нужная стоянка, непереносимо тоскливо. Духота, махорочный чад и жара, которых почти не чувствовалось, пока весело постукивали колеса, неся теплушку вперед, теперь сгустились и давят на мозг. Сейчас бы да отсюда, да на волю, вон туда, где не продымленный, грязный потолок, а неожиданное в ноябре бесконечно голубое небо, где на базарчике, неподалеку от перрона, бабы в пуховых платках бойко торгуют калеными подсолнушками!

Не выдержал и Сеня Сквородников, соскочил на перрон, подошел к торговкам.

— Эй, хозяйки, у кого жареные?

Только он это спросил, состав тронулся. И дальше все произошло быстрее, чем я могу вам об этом рассказать. Из вагона к «вожатому» метнулся Цыган.

— Ты куда это, дезертир? — крикнул Сеня. Он бросил набивать подсолнухами карманы и побежал к поезду, уже набравшему скорость. — Марш обратно!

Теперь он бежал рядом с теплушкой, готовясь прыгнуть, но второпях, видимо, неточно рассчитал шаг, и если бы не Цыган, быть бы ему на рельсах!

Вцепившись зубами в гимнастерку, пес выволок своего воспитателя почти что из-под колес.

За спасение человека, которого любил больше всех на свете, Цыган расплатился дорогой ценой — ему отрезало лапу.

Сам полковой хирург сделал собаке перевязку.

— Отвоевался, друг, — сквозь слезы говорил Сеня, пока хирург ловкими руками накладывал бинты, — куда же тебе теперь под танк лезть? Ты мне с этого раза все равно что брат родной, благодарен я тебе, собака...

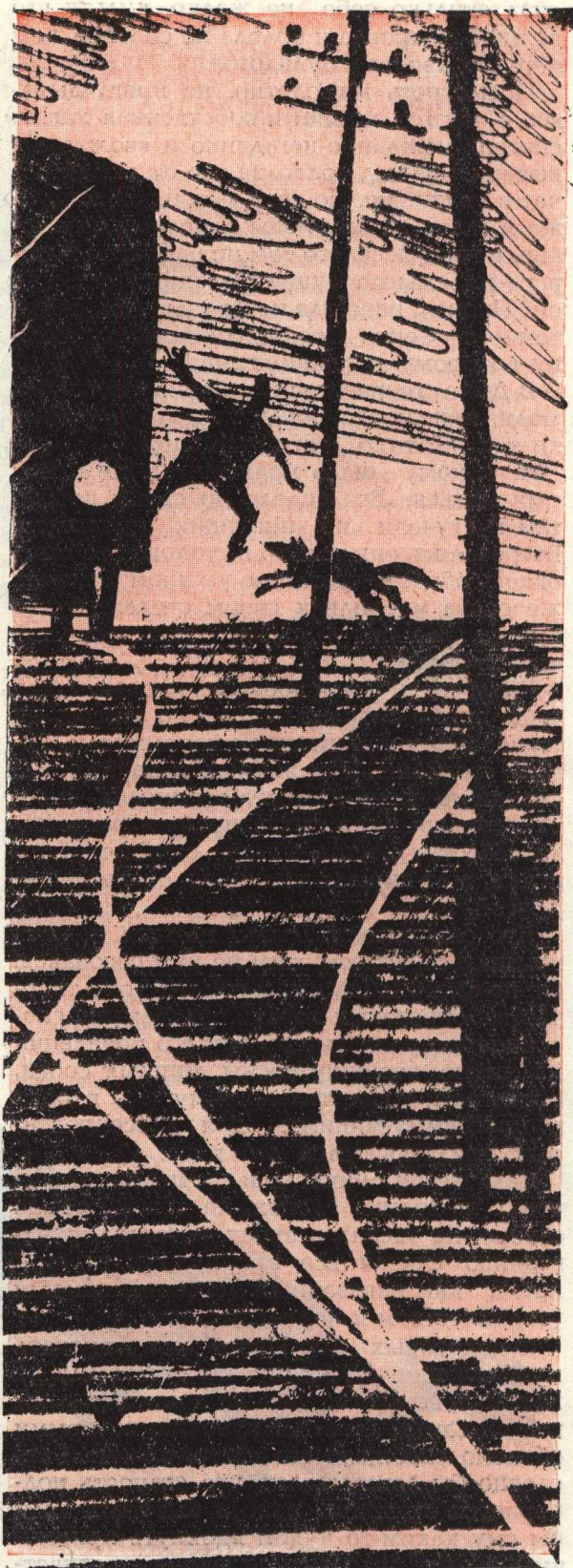
Надо было спешно решать судьбу Цыгана.

Получив сухим пайком суточное довольствие, Сеня с разрешения начальства задержался на станции. Здесь он узнал про Дом творчества и пошел прямо туда рассказать обо всем и просить за названного своего брата от имени солдат и офицеров, только что уехавших на передовую.

Сестра-хозяйка сказала, чтобы он не волновался и спокойно на попутной машине догонял свою часть.

Так Цыган отстал от товарищей по выпуску, от «вожатого» и остался в тылу.

Жизнь у него пошла скучная, вроде как на пенсии. Ел он не по карточкам, сытно,

спал сколько себе не жалко, куля его зажила и заросла и болела не сильнее, чем обрубок хвоста у бульдогов.

Посмотреть мимолетно, не приглядываясь, — чего ж лучше: и собственная жизнь спасена неожиданно-негаданно и «вожатый» вытащен из-под колес, за что от людей почет и уважение. Но если заглянуть поглубже в глаза да задуматься, почему они такие, ничего веселого там не найдешь: интереса-то, смысла существования нет... Где он? Пропал, навсегда исчез с другом, с братом — с Сеней Сквородниковым, замену которому тут ищи-свищи!..

В Доме творчества все время сменялись люди, приезжали, жили недолго и уезжали так же тихо, как появлялись.

Не к кому было привыкнуть, не с кем сдружиться. Все сидели по своим комнатам и стучали на пишущих машинках. Встречались они только в столовой за завтраком, обедом, чаем или ужином и тотчас же снова уходили к своим столам, будто хотели одного — успеть написать как можно больше.

Были среди них и военные, приезжавшие сюда прямо с фронта, но ни по запаху, ни по повадкам они ничем не напоминали Цыгану его Сеню. Так же, как и другие, они сидели по своим комнатам и писали. Вместо тяжелых кирзовых сапог они разрешали себе тут носить мягкие опойковые тапочки, а от кирзы запах один, от опойки — другой.

Что они писали, Цыган не знал и, если признаться, совсем этим не интересовался. Он не одобрял их, как и самого Дома творчества, окрестных кошек, обладавших способностью улепетывать при его появлении на самую вершину сосны, мирных собак, обученных разве только тому, что входит в программу-минимум для дрессированных представителей его рода.

Сам же он никогда и ни перед кем не стоял на задних лапах, не ловил пастью сахара, не таскал в зубах «апорта», справедливо считая все эти навыки не чем иным, как навязанным собакам людьми угодничеством и подхалимством.

С некоторых пор Цыган стал ощущать приближение старости: по утрам ему не хотелось вставать, лениво и неохотно жевал он самые лакомые кусочки, которыми обильно снабжала его сестра-хозяйка. Он словно бы догадывался, что старость подбирается слишком рано и быстро и если бы ему каким-то чудом вдохнуть привычный воздух школьной казармы, почувст-

вовать рядом Сеню Сквородникова, от нее не осталось бы ничего.

Но приезжали и уезжали постояльцы, росло количество исписанных листов бумаги, а для Цыгана ничего не менялось. Он жил на покое, и никому не было дела, что вот здесь же, рядом, пропадает от безысходной тоски сильный характер.

Сестра-хозяйка, по всей видимости, и не догадывалась о том, какие глубокие и сложные переживания печалят ее собаку. Да, ее. Она наивно полагала Цыгана своим, принадлежащим Дому творчества: ведь с того дня, как сержант рассказал ей о своем спасении, миновала не одна воздушная тревога, произошло не одно сражение, а он тогда не в гости уехал...

Первое время сестра-хозяйка пыталась приручить сурового Цыгана, но, не зная, что ему нужно и какой страшной службе он обучен, вела себя с ним неумело, по-женски. Ее ничем не обоснованная, возникавшая как-то вдруг и по непонятным поводам, а чаще и вовсе без всяких поводов ласка не походила на продуманный до уставной точности воспитательный метод Сени Сквородникова, в котором каждое следствие имело причину.

И там, где в его приказе сияло солнце армейской ясности, в просьбах сестры-хозяйки стлался расплывчатый туман; она не знала четкости военных интонаций и взамен приказов у нее выходили робкие и неуверенные увещания. Цыган про себя презирал ее, считая существом слабым и нестоящим, но тем безрадостнее и беспросветнее был мрак его бесцельного бытия.

Хуже всего, пожалуй, было то, что надежды на перемену нельзя было ждать. Ну что могло еще случиться дальше? Безвыходность портила Цыгану все, он ярился, свирепел, нападал на посетителей, и сестре-хозяйке пришлось повесить к калитке Дома творчества небольшую вывеску: «Здесь злая собака». Страх посетителей Цыган воспринимал как должное.

Пока шла эта неторопливая, размеренная жизнь, обновляемая только приездами новых постояльцев, великая война, катившаяся теперь по асфальтированным германским гладким дорогам, все быстрее мчалась к своему победному завершению.

Где-то под Берлином старший лейтенант Семен Сквородников в трофейном «опель-адмирале» чуть не переехал на дороге черную, как пороховой дым, лохматую собаку. Человек добрый, он взял ее к себе в машину и разом вспомнил ноябрьский

погожий день, задержку эшелона, Дом творчества в яблоневом саду и себя — мо- ложе на четыре военных года, еще не об- стрелянного.

«Демобилизуюсь, заеду туда, к Цыгану, может, еще не скончался истребитель тан- ков», — сказал он самому себе.

А дальше случилось так, как он наметил, потому что не такой это человек Сеня Ско- вородников, чтобы без причины менять свои планы. Он приехал за Цыганом, и не один приехал — с ним была черная соба- ка из-под Берлина.

Цыган сперва не признал друга, по при- вычке грозно ощерился, зарычал, но тут в нос ему ударил пьянящий запах казармы, родной аромат кирзовых сапог и еще ка- кое-то более тонкое благоухание, исходив- шее когда-то, давным-давно, словно бы в другой, не здешней жизни, от одного-един- ственного человека, и не то что молодость, само детство, веселое и беззаботное ще- нячество вдруг возвратилось к мрачному, истосковавшемуся трехногому псу.

Неистовый вихрь ликования окружил старшего лейтенанта и все носился, пры- гал и насккивал, не желая успокоиться, не зная усталости.

— Не забыл, сатана, ты меня, почувст- вовал, — ласково говорил Сеня Сковородни- ков, — получай же без сдачи законный свой трофей — немец- кую фрау. Поедем, брат, домой, в Сибирь, на новую, мирную жизнь! Хочешь, вояка?

О трудных победах, веселом труде и счастливых открытиях

Город на Неве тогда назывался еще Петроградом — Ленинградом он стал позднее.

На площади возвышался Исаакиевский собор с медными барельефами на фронтонах, строй гранитных монолитных колонн, равных которым нет в мире.

Перед собором дом, построенный архитектором Монферраном, тем самым, который построил Исаа- киевский собор и воздвиг ту самую Александровскую колонну, выше которой, по собственным словам Пушкина, вознеслась непокорная глава его славы. Вы помните стихотворение Пушкина «Памятник»?

В старом доме Монферрана комнаты были простор- ны, кажется, там были мраморные лестницы. Вместо одной из лестниц из этажа в этаж шла без уступов широкая дорожка, как в гору, но изгибаясь. В том доме был тогда Институт истории искусств.

Читал и я там лекции по теории прозы.

Осень 1923 года. Над трубами завода там, за Невой, уже подымались редкие дымы. У гранитных набереж- ных Невы стояли баржи с дровами.

Среди слушателей моих заметил я одного совсем молодого и сероглазого семнадцатилетнего мальчика Исаю Рахтанова.

Занятия были оживленными, студенты веселые, бледные, самоуверенные. Увлеченные Маяковским, Блоком, Хлебниковым и иногда Киплингом.

Тогда еще не было космонавтов, так как небо еще не было открыто, но все собирались стать по крайней мере капитанами дальнего плавания.

Как-то раз Рахтанов пошел меня провожать. Мы прошли с ним через Исаакиевскую площадь, дошли до двух львов у старого здания военного министрст- ва; на одном из этих львов сто лет назад, по словам Пушкина, во время наводнения сидел Евгений.

И Цыган понял его, степенно и без обык- ной своей злобы подошел он к незнакомке.

Исай Аркадьевич Рахтанов.

Для нас они оба были реальны.

Это было сто лет тому назад. Это было знаменитое наводнение.

Эта же площадь была залита восстанием декабристов, по ним стреляли со стороны Зимнего дворца картечью.

Мы шли, вспоминая историю, и стихи, и романы. Здесь проходил Достоевский.

Мы шли дальше. Слегка изогнутая стена Зимнего дворца, напротив полудуга Главного штаба. Арка, кони над ней. Посредине Александровская колонна — кругом нее еще не асфальт, а булыжник.

Здесь начиналась Октябрьская революция.

Мы шли через площади мимо гранитных атлантов Эрмитажа, мимо старых дворцов.

В просветах переулков видна была широкая, пу-
стая Нева.

Была осень, шуршали листья. Рахтанову тогда шел семнадцатый год. А шел он, шаркая ногами; в разговоре я узнал, что он долго болел. Родился Рахтанов в Харбине, брат его сражался в Красной Армии, а сам он написал повесть.

Да, такие разговоры обыкновенно кончаются чтением рукописей — стихов, редко повестей.

Рахтанов и тогда себя знал наизусть, он начал говорить как по-писаному.

Я многого не ждал, но повесть оказалась очень хорошей: называлась она «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней». Это рассказ о том, как советский мальчик в условиях полукolonиального Китая учится в американской школе и сталкивается с американскими мальчиками. Они дразнят его китайским именем, пото-

му что над кроватью нашего мальчика висит фотография его китайской няни.

Рассказ очень занимательный: все приключения в нем — драки, состязания и состязания в рассказывании — написаны живо, по-новому.

Это была книга о серьезном, большом.

Рахтанов вошел в группу молодых поэтов, о которых нам сейчас рассказал в новой книге «Рассказы по памяти». Он был младшим другом Олейникова, Евгения Шварца, он смеялся над первыми рассказами Ираклия Андронникова, восхищался стихами Хармса.

Он любил писать о людях настоячивых, храбрых, удачливых: о пловце, который проплыл по Дунаю сто километров, о чемпионе-пловце, о тяжелоатлете Новаке.

Нет, точнее, он написал о том, как Новак сперва поставил рекорд в легком весе, потом в среднем, потом в полусреднем, потом в тяжелом.

Рахтанов писал о спорте, как о веселом труде, писал о трудности победы и о смысле победы.

Был такой замечательный русский путешественник Миклухо-Маклай. Он не верил в то, что люди разных рас не равноценны.

Он поехал в Новую Гвинею один, жил среди папуасов годами, учил их язык, был их другом и остался навсегда в их памяти.

Этим путешественником восхищался Лев Толстой. Рахтанов написал книгу «Потомки Маклая».

Это книга о том, как школьник Борис Кудрявцев приступил к чтению древних писем острова Пасхи. Это очень хорошая книжка о научном труде, о методе открытия.

Сколько лет прошло! Сколько трудных лет, трудных дорог!

Рахтанов не сбился, не стал скучным, не стал легким.

Совсем недавно Рахтанов написал книгу о том, как вырастала детская советская литература. В ней много портретов людей, которых уже нет. Это нужная, добрая, занимательная, правдивая книга, говорящая много о других и ничего о себе.

Рахтанов остался молодым человеком, борющимся за свою правду. Он легок, как тот мальчик, который в школе дрался за свою правду с испорченным американским мальчишкой.

Приветствую сегод-
няшнего Рахтанова с его шестидеся-
тилетием.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Путешествие

в страну "Кижь"

большой воды Онежских губ стоят деревянные дома и часовни. Кто их срубил? Когда? Они просты, прекрасны, необыкновенны! Слово парусные корабли в гавани...

Теперь от Петрозаводска до Кижей можно домчаться на «Ракете» всего за час. А раньше теплоходик плыл медленно — часов шесть.

И ездили-то на нем местные жители да художники — самые частые гости этих северных мест.

Взъерошенные девушки в спортивных брюках, бородатые молодые люди с мольбертами и безбородые местные деды — все с нетерпением смотрели вперед, туда, где должны были показаться Кижь.

Одни говорили, будто похожи Кижь на сосну развесистую, другие вспоминали пирамиду. Третьи утверждали: зря все это — ни с чем нельзя сравнить их.

Кижь! Величественная двадцатидвухглавая Преображенская церковь, построенная в 1714 году, тридцатиметровая колокольня и Покровская десятиглавая церковь — все это поднято над почти пустынным островом, над стальными водами Онеги. Трудно поверить, что существуют они на самом деле. Может, дунет сильный ветер и все разнесет на кусочки? Куда ему, ветру! Ни метели, ни бураны северные, ни ливни, ни «шторма» онежские не справились с Ки-

Г. ПАТЫНСКАЯ

жами. Стоят себе целехоньки вот уже двести — пятьдесят лет.

Сложена в народе легенда о строителе этой церкви: «Закончив свой труд, он бросил топор в Онежское озеро со словами: «Церковь эту построил мастер Нестер. Не было, нет и не будет такой».

Мастер Нестер! А был ли он? Как он выглядел? На кого был похож? В далекой северной глуши два с лишним века назад тонко понимал он красоту, знал сокровенные тайны пахучего, свежесрубленного дерева, умел создавать неповторимое (действительно неповторимое) деревянное кружево. И еще труднее поверить, что топор, который бросил Нестер в воды Онеги, был единственным инструментом древних мастеров. Ни пилы не знали они, ни дорогих тогда железных гвоздей. Все эти луковицы, сердцеобразные бочки, восьмерики, богатая резьба, чешуйки лемеха, которым покрыты бочки и главки, ажурные причелины — все сделано топором да долотом.

До сих пор вызывает восхищение строителей и архитекторов искусно продуманная система водослива — желобов, желобочков, скатов, — которая спасает деревянные церкви от сырости и гниения.

Каждое лето приезжают в этот уголок Онежского озера десятки людей, любуются Заонежьем. И не только Кижями... Можно увидеть, как седой художник останавливает свою лодку на середине озера и, что называется, на все четыре стороны пишет акварели. А молодые художники гото-

вы сидеть перед этюдниками хоть всю ночь, благо, летние ночи на Онеге светлые, почти оранжевые. В полночь можно написать последнюю акварель, а потом отправиться в ближайшую деревню к молчаливой скуластой хозяйке пить парное молоко. В просторной горнице с маленькими оконцами его можно выпить много. Хозяйка едва заметно улыбается и ставит на стол все новые глиняные крынки и горлачи.

А утром хорошо взять у рыбаков лодку-кижанку и отправиться куда-нибудь по Онеге. Кижанка — странная лодка: нельзя понять, где у нее нос, а где корма. Знатки говорят, что такие лодки есть еще только в Полинезии. Приятно вообразить себя вдруг древним человеком, плыть, пока хватит сил, несмотря на сильный торох (рябь), и, как стихи, повторять названия карельских деревень, поселков, местечек: Онежаны, Кургеницы, Подбельники, Липовицы, Поле-Церковь, Медгора, Водлозеро, Усть-Яндома, Солма, Волкостров...

До Волкострова от Кижей можно доплыть на лодке. На веслах час, не больше. И еще одна карельская церквушка разрешит полюбоваться на себя. Все те же главные-луковицы, те же северные кресты неправильных пропорций. Но даже не посвященный в тайны деревянного зодчества человек понимает, что эти часовни и церквушки, часовенки и церкви неповторимо разные.

Церковь Петра и Павла на острове Волк стоит не у самой воды. Может быть, отступили от правила мастера, а может, за двести лет обмелело озеро. Скорее всего обмелело. Уж слишком непривычно видеть северную церковь на «сухом месте».

КРАТКИЙ СЛОВАРИК

Бочка — двускатная крыша сердцевидной формы.

Восьмерик — восьмигранная часть церковного здания.

Гульбище — галерея, опоясывающая здание снаружи с нескольких сторон.

Звонница — помещение в церкви или отдельная пристройка, где подвешивались колокола.

Лемех — тонкие резные дощечки с зубчатыми краями. Лемехом, как черепицей, покрывали крыши.

Наличник — резная фигурная планка. Обычно она украшает двери или окна.

Погост — так называли церковь вместе с кладбищем и прилегающими постройками. Погост обычно обносился оградой.

Причелина — это тоже украшение. Резную доску прибивали по краю крыши с торца здания.

Церковь Петра и Павла опоясана широкими резными галереями-гульбищами. Нарядные девушки в расшитых одеждах приходили сюда на праздник повеселиться, встретиться с друзьями. Вот тебе и церковь! Кстати, и в самой Преображенской церкви богослужения были только по праздникам, а в остальное время в просторной трапезной галерее созывались сходы, принимались гости, заседал суд.

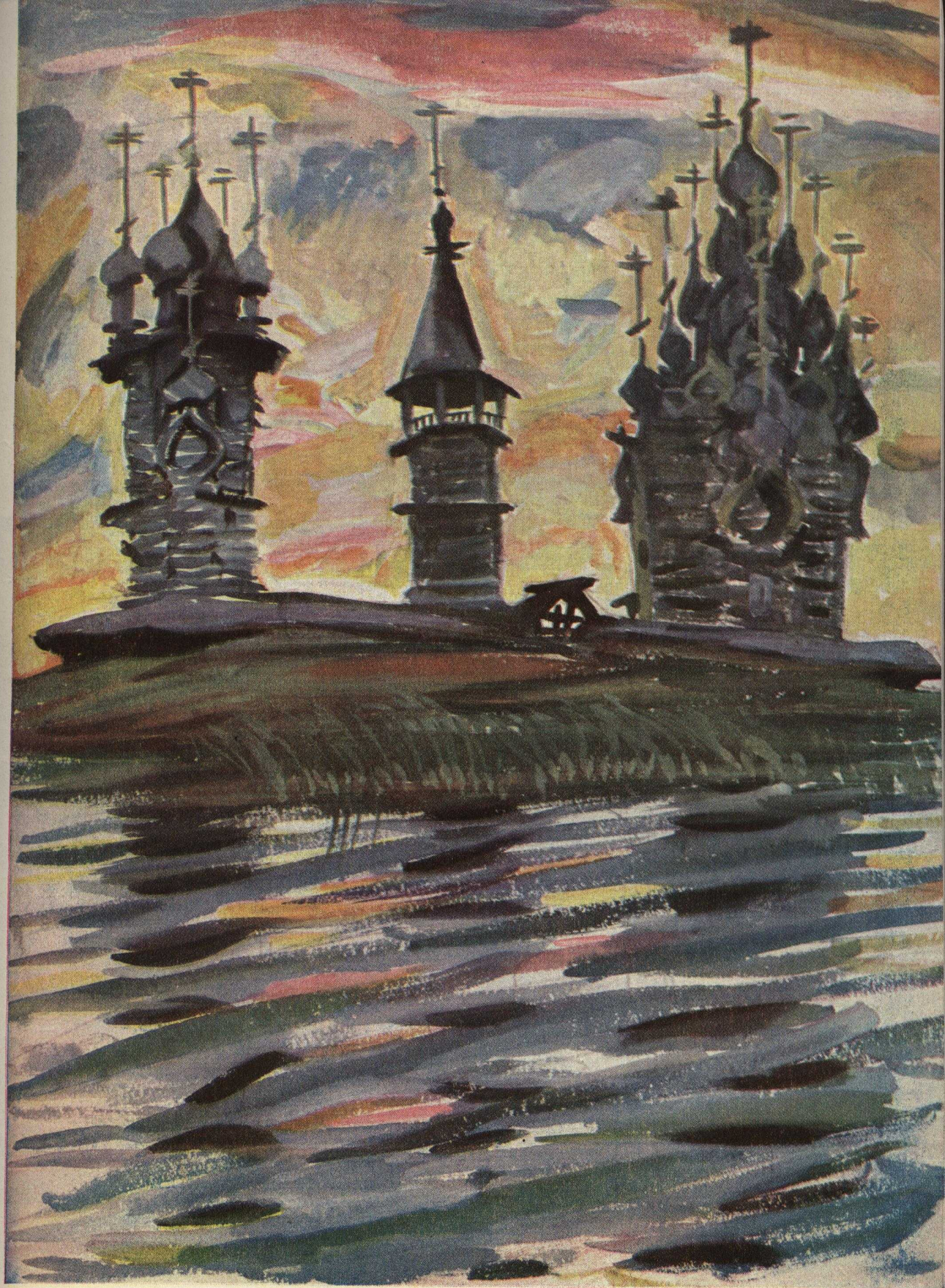
Трудно сказать, чем больше всего привлекает Карелия! В замшелой, старенькой часовне четверо суток живет художник. Он один на острове, только мольберт и краски под рукой, да еще удочки, чтобы «не умереть с голоду». И обо всем забывает он, когда солнце начинает медленно ползти к горизонту и, скрываясь, оставляет за собой почти на всю ночь желтые и оранжевые хвосты. А у тебя под рукой холст, краски.

Наверное, художники любят Карелию за ее поздние закаты, ранние рассветы, за неоглядные дали, за какую-то особенную северную синь. В ясную летнюю погоду этот цвет везде. Им переполнены озера, залито небо. Он все время меняется — светлеет и чуть розовеет на закате, темнеет и отливает сталью перед дождем. Но цвет этот здешний, северный, карельский.

И в этот простор вписаны, врублены топором резные наличники крестьянских домов, тесовые звонницы часовен, резные луковицы Кижского погоста...

Каждый человек, покидая Карелию, знает, что еще вернется сюда...

На вкл. д-ке. КИЖИ. Этот рисунок художник В. Лосин сделал во время своей поездки по Карелии.

Ливень.

На этих страницах вы видите работы из серии «Новые кварталы» народного художника Юрия Ивановича Пименова. В этом году ему присуждена Ленинская премия.

Новая дорога.

Ранние зрители.

Кусок стекла.

Все мальчишки и девчонки двадцатых годов отчаянно завидовали бестрашным и непобедимым «красным дьяволятам» из фильма режиссера И. Перестиани. Прошло более сорока лет... и перед сегодняшними мальчишками и девчонками снова ожива отважная четверка «красных дьяволят». В юбилейном году на экраны вышел фильм «Неуловимые мстители». Перед вами кадры из этого фильма. Обязательно посмотрите его.

ГЕРОИ, которые не стареют

Нынешним летом в Москве проходит Московский международный кинофестиваль. Кинематографисты всех стран, где снимают фильмы, привезли к нам свои лучшие произведения.

В первый раз на советском фестивале проводился особый конкурс на лучший фильм для детей. Потому что, решили организаторы фестиваля, очень важно, чтобы дети смотрели хорошие фильмы, которые учат добру, отваге, любви к Родине.

Какую же картину показать на конкурсе? Остановились на фильмах: «**Неуловимые мстители**» и «**Сказка о царе Салтане**».

Мальчишки и девчонки двадцатых годов играли в «красных дьяволят». Это была приключенческая игра с погонями, сражениями, героическими подвигами, которые совершали смелые юные революционеры, сражаясь с бандами белых. Игра пришла к ребятам во дворы и на улицы из зала кино. В то время любимым фильмом у детей была картина «Красные дьяволята», снятая по повести писателя, бойца гражданской войны Павла Бляхина. Красные дьяволята — голодные, оборванные, веселые — вместе со взрослыми боролись за Советскую власть.

В то время, когда режиссер И. Перестияни ставил свою картину, кино еще не умело говорить. Фильм «Красные дьяволята» был немым. Но как нужны были ему музыка, заборная песня, яркие, цветные кадры! И вот теперь, через много лет, мосфильмовцы решили вернуть на экран героев, которых так любили и взрослые и маленькие зрители.

Оказалось, что, хоть и прошло много времени, стали дедушками и бабушками ребята, когда-то аплодировавшие красным дьяволятам, герои повести П. Бляхина не постарели ничуть.

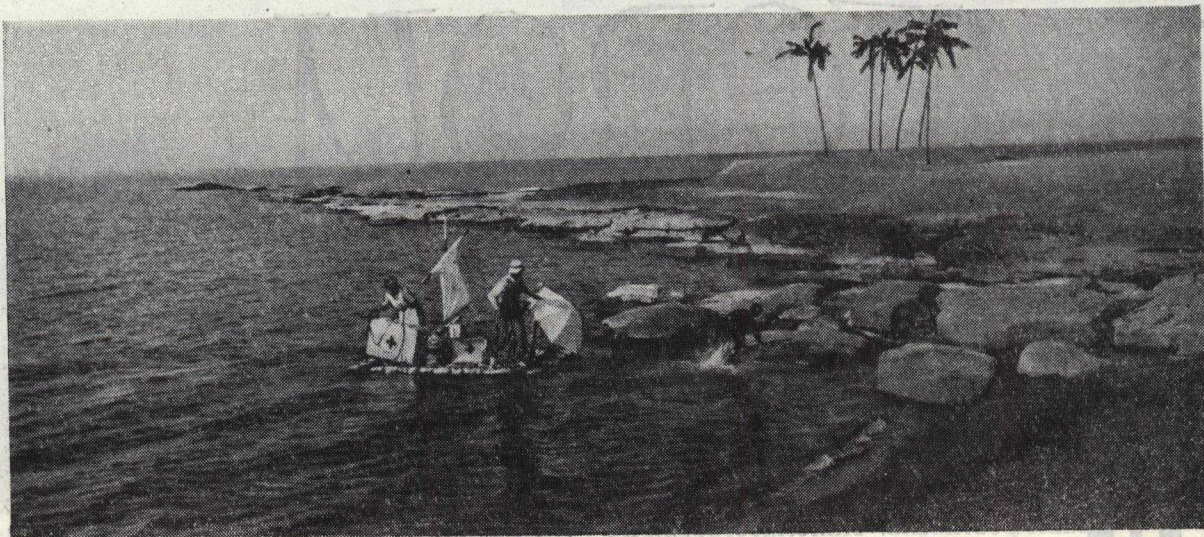
«Неуловимые мстители» — так называется эта новая картина о похождениях трех мальчишек — Даньки, Яшки-цыгана, Валерки-гимназиста — и одной девчонки по прозвищу Степка-Ксанка. Поставил этот фильм молодой режиссер Э. Кеосаян.

Режиссер долго искал исполнителей на роли дьяволят. Искал в спортивных школах, в цирковых училищах. Ведь героям картины нужно, удирая от погони и преследуя врага, показывать чудеса ловкости. И действительно, Вася Васильев — мальчик-цыган, которого нашел режиссер, исполняя роль Яшки, легко делал самые сложные трюки. Он прыгал на коня с крыши дома, скакал в бешеном галопе, а кроме того, оказалось, что он еще умеет играть на гитаре и петь. Девочка, которая играет Степку-Ксанку, — отличная гимнастка. Это Валя Курдюкова, ученица московской школы. Витя Косых — Данька — и Миша Метелкин — Валерка — тоже тренированные ребята, кроме того, они уже не раз снимались в кино.

Композитор Борис Мокроусов написал для фильма отличную песню о гражданской войне. Звучит с экрана ее мелодия, проплывают в кадре фигуры четырех всадников на фоне огромного красного солнца... Трудному, боевому времени первых лет Советской страны, его героям посвящен этот фильм.

А теперь я хочу рассказать еще о фильме, который в конкурсе не участвует.

Доктора Айболита все знают. Малыши знакомятся с ним, еще не умея читать. И взрослые знают наизусть, потому что им приходится десятки раз перечитывать эту сказку малышам. Но фильм «Айболит-66» — дело совсем особое. 66 — это год, когда новый Айболит родился на экране. И он действительно совершенно новый,

Наконец-то доктор Айболит прибыл к берегам Африки.

хотя все его герои — и добрый доктор, и коварный Бармалей, и обезьянка Чичи — давно нам знакомы.

В «Айболите», которого поставил в кино прекрасный актер и режиссер Ролан Быков, и взрослый, и школьник, и детсадовский малыш — словом, каждый зритель найдет для себя интересное.

Малыш будет следить за приключениями доктора и его верных друзей, любоваться «Африкой», которая на экране так похожа на его собственный рисунок. Зритель постарше оценит юмор, с которым рассказана история победы Айболита. Тот, кто любит музыку, почувствует себя на отличном музыкальном спектакле благодаря композитору Борису Чайковскому.

А артисты! Такого Бармалея, какого играет Ролан Быков, мы наверняка еще никогда не видели. Он совсем не огромный, грозный и грубый великан, как рисуют в книжках. Этот Бармалей — маленький, подленький пакостник, хулиган и нахал, которому, чтобы напугать добрых людей

Докторская грубочка помогает Айболиту подслушать сквозь толщину скалы заговор пиратов.

и зверей, приходится вставать на ходули. Айболит у артиста Олега Ефремова тоже необычен. Это не просто очень добрый и немного рассеянный доктор, который лечит безотказно всех, даже каких-то комариков. Айболит-66 — самоотверженный борец со злом. Когда все средства воспитания добром исчерпаны, терпение у доктора иссякает — он с полным сознанием

Бармалей замышляет очередную каверзу против доктора.

своей правоты применяет к Бармалею «политику силы».

Фильм Ролана Быкова говорит о добре и зле. Конечно, «Айболит» — сказка. Но сказка современная. Недаром в названии картины точно определен год рождения главного героя. В этой сказке дело обходится без волшебников. Все чудеса, что в ней происходят, добрые ее герои творят сами. И зло побеждают сами.

Есть и еще одна особенность у «Айболита-66». Он демонстрируется не на обычном, привычного размера экране, а на особом — «сказочном». Экран в фильме то и дело изменяет свои размеры и форму в за-

висимости от того, что в это время происходит. То он сжимается в узенькую полосочку, то растягивается во всю ширь. «Айболит-66» — первый вариаскранный фильм (так называется этот метод съемки).

Фильмы совершенно разные, и каждый из них по-своему интересен. Недаром на конкурсе детских картин, который проводил ЦК комсомола, «Неуловимые мстители» получили главный приз — «Алую гвоздику», а автор «Айболита-66» Ролан Быков — особую премию за «любовь к детям и лучшую работу с ними».

Н. КОЛЕСНИКОВА

Познакомьтесь

с неуловимыми

О. ТИХОМИРОВ

И вдруг случилось вот что. Неуловимые мстители «пойманы» и «доставлены»... к нам в редакцию. А короче говоря, они у нас просто в гостях.

Правда, здесь не все. Нет Яшки-цыгана. И знаете, почему? Вася Васильев, который играл этого мальчишку, стал настоящим артистом, и в это время у него как раз была репетиция в цыганском театре «Ромэн».

Ну, а с остальными ребятами мы сейчас вас познакомим.

Витя Косых. Вам, конечно, запомнился его белобрысый, остроносенький Данька. Впрочем, если вы любите кино, то уже давно знакомы с Витей. Помните Костю Иночкина (фильм «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»), его еще исключают из пионерского лагеря, и он сидит, прячется под трибуной? А вот другой фильм — «Мимо окон идут поезда». Вы и там видели Витю. Тоже в одной из главных ролей.

— Витя, — говорим мы, — расскажи что-нибудь удивительное, что случилось с тобой на съемках. Ведь, наверно, были неожиданности... В фильме столько различных трюков.

— Были, — улыбается Витя. — Снимался эпизод, когда нужно было прыгнуть на жеребца прямо с крыши дома. Вначале прыгает Лютый, а за ним я. В первом дубле было все хорошо. Прыгнул Лютый и ускакал, потом прыгнул я — и вдогонку за ним. Но всегда нужно снять несколько дублей, чтобы выбрать лучший. И вот снимается второй дубль. Лютый прыгнул удачно, а когда бежал по крыше я, лошадь испугалась моих шагов и отошла в сторону. Вот я и прыгнул мимо лошади. Тогда режиссер при съемке третьего дубля попросил нескольких человек устроить шум, чтобы лошадь не слышала стука шагов по крыше. И когда все зашумели, сошли с места обе лошади. На этот раз и Лютый и я прыгнули мимо лошади.

Витя изображает, как он бежал, как падал. Все смеются, а громче всех заливается сам Витя.

— На съемках еще не то случается! — тоном бывалого актера замечает он.

В разговор вступает Миша Метелкин (он играет в фильме Валерку):

— Расскажи про мост. Тоже интересно.

— Ну вот ты и рассказывай. Будто тебя там не было!

Миша Метелкин, Витя Косых (оба сидят слева) и Валя Курдюкова (справа) у нас в гостях.

И мы узнали от Миши такую историю.

Помните, героям нужно было проскочить на поезде пылающий мост? Скажем сразу, мост был ненастоящий. Он был построен на земле. Но старенький паровоз, который шел по нему, был настоящий, и ребятам пришлось даже научиться управлять им.

Так вот, чтобы узнать, в скольких дублях можно отснять этот эпизод, построили еще один такой же мост, облепили его паклей, облили соляркой и подожгли. Мост горел 34 минуты. Значит, снять можно было лишь три дубля.

Начались съемки. Первый дубль был испорчен. Огонь и дым заставили ребят испуганно отшатнуться от окон паровоза. Действительно страшно. Хотя на мальчишках и была специальная, жаростойкая одежда, но все же попробуйте сами въехать в пламя!

Режиссер еще раз показал ребятам, как нужно сыграть эту сцену, и паровоз вновь двинулся к горящему мосту. После третьего дубля мост рухнул.

Да, на съемках очень часто приходится проявлять мужество, отвагу и находчивость.

Лихо гоняют неуловимые мстители на лошадях. А ведь вы не знаете, что ездить на лошади умел лишь Вася Васильев. Как же, спросите вы, ездили Витя и Миша? Научились. Занимались на ипподроме. Вначале падали, конечно, а теперь Витя — кандидат в мастера по конному спорту, у Миши тоже первый разряд.

— Ну, а как, только откровенно скажите, не мешали съемки вашей учебе?

— Не мешали, — говорит Валя Курдюкова (это та самая Валя, которая играла Степку-Ксанку). — Мы ведь много занимались и на съемках. В перерывах, конечно.

Что еще сказать про неуловимых? Валя и Миша — восьмиклассники, а Витя Косых учится в десятом. Витя уже совершенно точно решил стать актером. Он будет посту-

пать в кинематографический институт. Сейчас он приглашен на съемки нового фильма — «Солдатами не рождаются». Миша тоже говорит, что кино стало его самым большим увлечением. А Валя еще не знает, свяжет ли она свою жизнь с работой в кино.

— Я ведь снималась впервые, а что будет потом, не знаю. Поживем — увидим.

ПОВЕСТЬ

Окончание.

Владислав КРАПИВИН

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Глава девятая

В шесть часов неожиданно пришел Илька. Отмытый, причесанный, в новой куртке, с белым воротничком. Совершенно на себя не похожий. Новые сандалеты хрустели, как вафли. Но сам Илька был настроен сдержанно. Наверно, парадная одежда сдерживала его прыгучий характер.

— Что скажешь? — спросил Генка.

— Так просто, — сказал Илька. Сел на подоконник, покачал ногой. Генка вдруг вспомнил, что раньше Илька никак не мог дотянуться ногой до пола, когда сидел здесь. А теперь царапает сандалией половицы. Вырос.

— Хотел узнать, как лодка сохнет, — сказал Илька.

— Сохнет...

Илька дыхнул на стекло и нарисовал рожицу.

— Чего это ты так нарядился? — спросил Генка.

Илька стер рожицу ладошкой, нерешительно посмотрел на Генку.

— В цирк идем.

— А-а... Ты к лодке пока не суйся, а то перемажешься.

— Иван Сергеевич три билета купил, — тихо сказал Илька. — Себе, Владику... и еще один. Меня зовут.

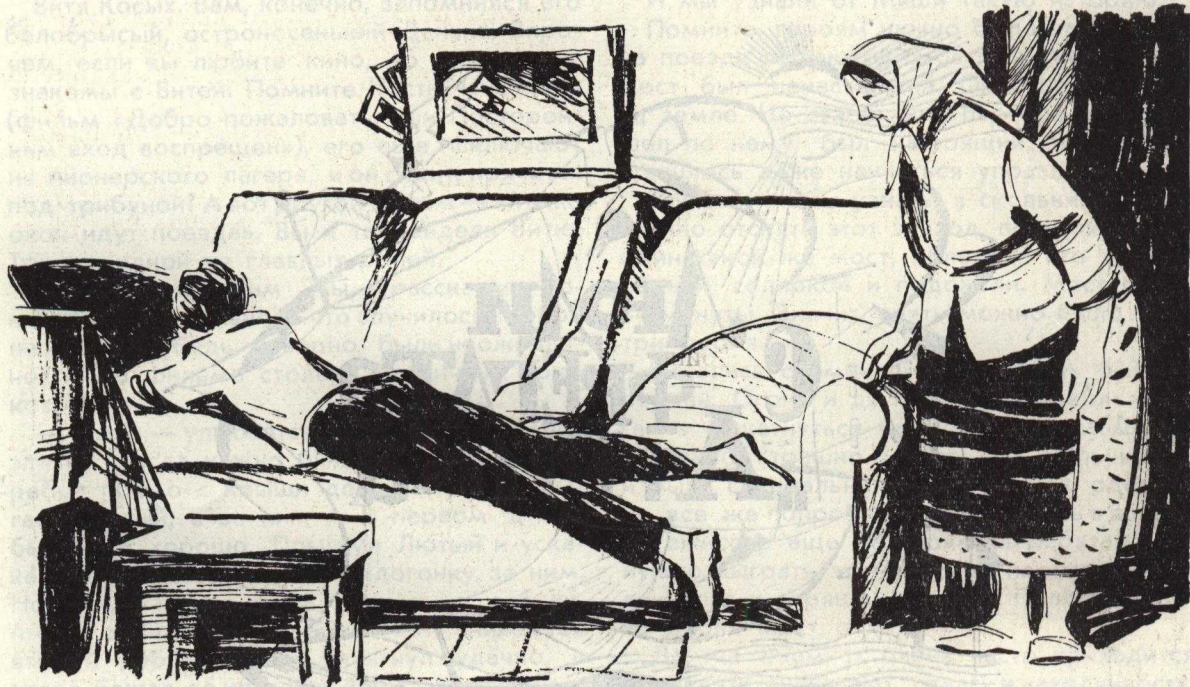
— Ну и хорошо.

— Может быть, ты пойдешь? — спросил Илька, глядя в пол.

— Я? Зачем?

— Ну так... Я потом с мамой схожу.

— Меня ведь не звали, — равнодушным голосом произнес Генка и почувствовал, как стремительно уходят от него все радости. — Тебя одного звали.

Илька промолчал. Опять подышал на стекло, но оно, протертое ладонью, уже не запотело.

— Иди, Илька, раз зовут,— повторил Генка.— Ты уже и оделся как следует...

— Подумаешь, оделся...

— Я этот цирк терпеть не могу. Особенно акробатов. Прыгают, прыгают, а что толку?

— Правда?— с облегчением спросил Илька.

— Меня туда и насильно не затащишь.— Генка старательно зевнул.

— Я пойду тогда...

— Пока.

Илька ушел, а он лег на диван и закинул руки за голову. И вот тут-то на него, на лежащего, навалились все горькие, беспокойные мысли.

Не стоило себя обманывать. Все так ясно: Владiku очень хорошо вдвоем с Илькой. Без него, без Генки. Это было заметно и раньше, только не хотелось так думать. А сейчас вот хочешь не хочешь, а думается.

Все, что Генка старался забыть, вспоминалось теперь подробно и ярко. Если идут вдвоем, Генка чуть в стороне, а Илька рядышком с Владиком, за рукав цепляется. Если разговаривают, Владик Ильке три слова скажет, Генке— одно. Да разве в словах дело? Они иногда молча разговаривают. Взглянет Илька на Владика, Владик

на Ильку, и будто сразу понимают друг друга. Будто у них тайна какая-то...

Заглянула в комнату бабушка.

— И чего это разлежся на диване-то? Накидушку не убрал.

— Захотел и разлежся!— взвинченно сказал Генка.

— Ну, лежи, лежи, бог с тобой.

— Ну и лежу...

Он отвернулся к стене.

А если разобраться, что все же случилось?

Ничего не случилось. Ведь дела идут как раньше. Каждый день прибегает Владик, вместе берутся с лодкой. Все у них по-хорошему. Не поссорились же они.

Генка резко поднялся на локте. Лезут в голову глупости. Разнервничался, как пятиклассница!

Но рассердиться на себя не удалось. «Глупости» были сильнее и лезли в голову снова. Ведь почему-то не Генку, а Ильку, одного Ильку, позвали Владик с отцом в цирк. Генка бы и не пошел, но обидно, когда про тебя забывают. И даже не обидно, а просто очень грустно.

Хорошо, что хватило выдержки сказать Ильке спокойно: «Иди, раз зовут». Не крикнул: «Ну и мотайте ко всем чертям, без вас проживу!» Не крикнул, пожалел Ильку. А может, не Ильку пожалел? Побоялся настоящей ссоры...

Если бы не Владика, а кто другой, сто

раз плюнул бы Генка на такое дело. В конце концов мало ли хороших ребят? Хотя бы Антон Калинов. Такой не изменит... Да беда в том, что ни Антон и никто другой Генке Владика не заменит...

Генка задремал. Стала сниться всякая чепуха, а потом вдруг увидел Владика. Будто выходит Владыка на берег прямо из желтой реки — мокрый, волосы на лбу приклеились, а на груди плоский черный автомат. «Илька поплыл на нашей «Африке», — говорит Владик. — К югу поплыл. А там на берегу португалцы засели. Пришлось расчищать дорогу». «Опять Илька», — с досадой подумал Генка. И проснулся.

Ему казалось, что спал он пять минут. Но солнца в окнах уже не было, в комнату проползли украдкой вечерние тени. «Десятый час», — подумал Генка. Значит, прошло около двух часов.

Сон ему не помог. Те же мысли крутились в голове, и голова гудела, как от задачи в восемь действий. Вот ведь как по-дурацки устроен человек! Ничего не случилось, а спокойной жизни нет.

И только одним путем Генка мог вернуть эту спокойную жизнь: пойти, встретиться с Владиком. Сегодня же, сейчас. Поговорить с ним. О разных вещах поговорить, просто так. Вот если Владик обрадуется Генке, тогда, может быть, все будет по-прежнему.

Да, но как придешь к людям почти ночью без всякой причины? «А, ладно, — решил Генка, — книжку попрошу какую-нибудь. Скажу, спать не хочется, а читать нечего».

Только неизвестно, вернулся ли Владик из цирка. Представление не такое уж длинное.

Ему повезло: еще издалека он увидел в окне Владыкиной квартиры свет. Неяркий свет зеленого абажура. Генка взбежал на второй этаж и коротко нажал кнопку, похожую на рыбий глаз.

Дверь открыл Владик. Он не удивился. — Заходи.

— Скучно что-то, — объяснил Генка. — Я ходил-бродил... Смотрю, окошко светится, значит, ты дома. А я думал, что цирк еще не кончился.

— Не пошел я в цирк, — сказал Владик. — Что там хорошего? Там фонари жгучие, смотреть больно. Да еще места на самой верхотуре. Папа последние три билета купил. Они с Илькой ушли. Может быть, Тамару Васильевну по дороге уговорили, не знаю.

Генке показалось, что зеленый свет лампы стал праздничным и ярким.

Они сели рядом на узкую Владыкину кушетку.

— Завтра еще посохнет — и порядок, — сказал Генка про лодку.

— Скорей бы, — сказал Владик и улыбнулся. Но слова его и улыбка были скучноватыми.

Это снова встревожило Генку.

— Читаешь? — Он кивнул на книгу, которая лежала у лампы.

— Учебник «Природоведение». Чепуха такая, а надо все равно читать. Перед школой спросят.

Генка вдруг подумал, что даже не знает толком, как у Владыки дела с занятиями. Ему ведь придется сдавать за четвертый класс. Надо было спросить об этом хотя бы сейчас. Но Генка посмотрел на Владика и понял, что он думает совсем не про школу.

Тогда Генка спросил напрямик:

— А правда, почему не пошел в цирк? Владик поднялся и отошел к столу.

— Письмо хотел написать, — сказал он, не обернувшись. — От матери письмо пришло. — Он зашелестел на столе бумагой. — Раньше она писала папе, а в этот раз мне.

Вот оно что!

— А ты? — вырвалось у Генки.

— Не знаю... — почти шепотом сказал Владик.

Генке показалось, что он сдерживает слезы и поэтому боится обернуться.

— Брось ты, — неловко сказал Генка. Подошел и встал рядом.

Но Владик не собирался плакать, лицо его было спокойным, только невеселым.

— Ты бы с отцом поговорил, — посоветовал Генка.

— Нет. Я ему про письмо не скажу. Я ведь знаю, что написать. Только не знаю, как. Всего два слова получается: «Не надо, не приезжай».

— Тогда и напиши эти два слова, — сказал Генка.

— Напишу.

Он прикрыл вдруг один глаз ладонью и повернул лицо к абажуру.

— Ты что? — испугался Генка.

— Знаешь, Гена, я, кажется, вижу свет. Вторым глазом. Я уже несколько раз замечал. Если на яркий свет смотрю, то не вижу, а если на такой, на зеленый, будто что-то светлеет. Думаешь, вру, да?

— Ничего я не думаю. Надо врачам сказать.

— Я еще проверю, сначала.

— А вдруг это нельзя? Может, опасно?
— Я же не здоровый глаз проверяю.
— Владька! — в сердцах сказал Генка. — Ты стал дурной, как Илька. Глаза не бережешь, по обрывам скачешь...

Владик медленно покрутил головой.

— Глаза я очень берегу. А по обрыву мы не скакали. Мы с Илькой надпись на камне делали. «Яшка Воробьев». Мне папа рассказывал, что если рыбаки в море гибнут, их имена выбивают на скалах.

— Это я знаю, — тихо сказал Генка. — А почему меня не позвали?

— Илька хотел, чтобы ты удивился. Вот и все.

— Удивился... — с усмешкой повторил Генка. — Козел.

Владик подпрыгнул и сел на стол, закрыв спиной лампу. Генка почти не видел в тени его лица.

— Знаешь, Гена, с Илькой история получается, — как-то нерешительно начал Владик. — Тамара Васильевна хочет на август в пионерский лагерь ехать работать. У нее отпуск в августе, а она отдыхать дома не будет, там врачом поработает одну смену. Говорит, что все-таки лишние деньги. Ильке на зиму пальто нужно да костюм...

— Ну и что?

— А Илька с ней должен ехать.

— А ты с отцом — к морю, — печально сказал Генка. — А Шурка где-то атомы изучает. Один я на нашем фрегате останусь. Боцман, лоцман и капитан. Подамся в пираты.

Владик помолчал. Потом сообщил:

— Илька в лагерь не хочет.

— Конечно. В лагере-то режим. Не поскачешь.

— Он не скакать, а плавать хочет на «Африке». А Тамара Васильевна боится, что наша посудина ко дну пойдет. Вместе с нами.

— Может, и пойдет, — мрачно согласился Генка.

— Мы с папой посоветовались... Знаешь, Гена, мы его, наверно, с собой возьмем в Одессу.

— Да? — сказал Генка.

— Ты как думаешь?

— Я? А что мне-то думать?

— Ну, насчет этого дела.

Генка усмехнулся:

— Ты будто разрешения у меня спрашиваешь... Что я думаю? Илька от радости лопнет, вот что будет.

В самом деле, Илька одуреет от радости, когда узнает. Это ведь не лагерь с дачка-

ми у мелководного пруда, а Одесса. Там ему хорошо будет. И Владьке будет хорошо. Им обоим. Вдвоем.

Владик предупредил:

— Ты только не говори ему пока. Это не точно.

— А чего я буду говорить? Это ваше дело... Я, Владька, пойду. Дома ждут.

— Иди, — вздохнул Владик. — Я письмо писать буду.

Никто Генку дома не ждал. Привыкли, что он часто гуляет допоздна. Каникулы. Разве что бабушка поворчит для порядка.

Генка не пошел домой. Ему захотелось посмотреть, что за надпись сделали Илька и Владик. Он знал, что увидит ее. Вечера и ночи в июне светлые, заря скользит по северному горизонту, не сгорая до конца.

Но когда Генка свернул на Пароходную, навстречу ему двинулся туман. Он по вечерам иногда накатывал с реки и ложился на улицы внезапно и плотно. Свет окон глох и расплзался, а раскаленные нити в лампочках фонарей проступали сквозь толщу тумана красными паутинками.

Генка вышел на берег, думая о непонятной погоде нынешнего лета: смесь ветров, туманов, гроз и жары. Говорят, виновата растущая активность солнца. Может быть...

С берега не было видно ни воды, ни огня. У пристани встревоженно и сиротливо трубили буксиры.

«Как заблудившиеся мамонты», — вспомнил Генка.

Глава десятая

Никакие горести и тревоги не омрачали Илькины дни. Радость была упругая и певучая, как тетива у лука. А сам Илька был, как стрела на этой тетиве. Иногда радость толкала его тугим ударом, и он мчался куда-нибудь, рассыпая щелканье подошв, пугая кур и прохожих.

— Илька, не пора ли стать серьезнее? — спрашивала мама.

— Зачем?

В самом деле, зачем быть серьезным, когда все вокруг так хорошо? Дожди хорошие, и лодка, которая сохнет под навесом, и солнце, и улицы. И мама. И все люди.

Все люди хорошие, только разные. С ними по-разному надо вести себя. С Владиком можно хоть про что говорить и можно

дурачиться. С Генкой надо быть сдержаннее, а то посмотрит, как на маленького, и скажет: «Вот козел». С Иваном Сергеевичем хорошо ходить по улицам, держась за руку. Только временами случается непонятное: когда Илья чувствует на плече его большую ладонь, когда Иван Сергеевич вдруг весело вскидывает его в воздух, Илья смеется, а в горле царапаются слезы. И это очень странно: ведь ничего печального не случилось.

Недавно Иван Сергеевич спас Илью от большой неприятности. Мама сказала, что в августе поедет работать в лагерь и заберет с собой Илью.

В августе! Когда самые лучшие ветры, такие нужные для паруса! В те самые дни, когда встанут над крышами пестрые эскадры «конвертов»! Даже сумасшедший не сбежит из города в такое время. Правда, Владик уезжает, но это — другое дело. Одесса лучше всех ветров и лодок...

Илья пробовал спорить с мамой, но не добился ничего, кроме крепкого нагоняя. Тогда он пошел к Владику, чтобы рассказать про свое горе. Услышал про Илькину беду Иван Сергеевич, подумал, посмотрел на Владика и сказал:

— Не горюй, Илья. Что-нибудь сообразим.

Илья не представлял, что тут можно сообразить. Но Ивану Сергеевичу он верил и тревожиться перестал. К тому же до августа было далеко, и о лагере мама больше не вспоминала. Жизнь снова сделалась безоблачной.

В Генкином дворе иногда появлялись Юрик и Валерка. Они приходили тихие, чуть виноватые, останавливались в сторонке и смотрели, как ребята возятся с лодкой. Могли долго-долго стоять и молчать, если с ними никто не заговаривал.

Один раз Генка сказал:

— Чем стоять, помогли бы смолу разогреть.

— Давай, — охотно откликнулся Юрик.

— Только покажи, как ее греют, — сказал Валерка.

В тот день, когда был назначен спуск фрегата на воду, Юрик и Валерка явились с инструментами: с киркой и маленькой лопатой.

— С раскопок? — спросил Владик.

— Ага...

— Не нашли еще клад?

— Нет, — серьезно сказал Юрик.

— Подсвечник нашли и кольцо какое-то, — сообщил Валерка.

— Старинный подсвечник? — очень заинтересовался Илья. — А какое кольцо? Они где?

— В музей унесли, — сказал Валерка, будто о самом обыкновенном деле.

— Там взяли?

— Взяли. Дяденька один. Нас к нему пустили.

— Ну и что?

— Говорит, интересно. Десять раз сказал «интересно».

— Не десять, а три, — строго поправил Юрик.

Это было очень любопытно.

— А что еще сказал? — допытывался Илья.

— Еще спасибо. И чтобы мы одни на берег больше не лазили, а то свалимся.

Илья услышал, как Генка насмешливо хмыкнул:

— И все?

— Еще тетеньке у входа велел, чтобы нас пускали, — сказал Валерка.

— Он вот что говорил, — вспомнил Юрик. — «Этих товарищей пускайте в любое время и без билетов».

Илья завистливо вздохнул и про себя решил, что в свободное от плавания время займется поисками кладов. И Владика попробует уговорить. А может быть, и Генку...

Забегал в перерыве между футбольными битвами Антон Калинов. Пожаловался:

— Жмут нас, братцы. Третий раз продули этим гориллам с Пароходной. У них все — во! — Он поднял над головой ладонь.

— Отдышись, — сказал Генка. — Ты дымишься.

Антон обошел вокруг лодки. С уважением произнес:

— Ничего кораблик...

— Еще парус есть, — похвастался Илья. Антон помялся.

— Когда, если время будет, покатаете?

Кому-нибудь другому Генка, наверно, сказал бы: «Когда мы работали, тебя здесь не видали». Но Антон был хороший человек. И поэтому Илья обрадовался, услышав Генкин ответ:

— Факт, покатаем.

— Только когда из плавания вернемся, — добавил Илья.

— А куда собираетесь?

— Да так, вверх по реке. Дня на два, — ответил Генка. — Владь, отец договорился на работе?

— Договорился, отпустят. Послезавтра тронемся.

— Мы тоже послезавтра, — вдруг сказал Валерка. — Только мы на пароходе.

— А куда? — заинтересовался Илья. — Тоже против течения?

— В Верхний бор. Весь папин институт едет, такая прогулка. Только мы на один день, а вечером вернемся.

— Ночью, — сказал Юрик.

— А какой пароход?

— Кажется, «Орехов».

— Эта калоша еще плавает? — удивился Генка.

— Почему калоша? — заступился за «Орехов» Антон. — Хорошая посудина. Новые-то теплоходы еле-еле скребут по фарватеру, а этот по любому мелководью шлепает. У него осадка мелкая.

— Мелкая, — ехидно согласился Генка. — Вот он со своей осадкой на каждую мель и въезжает, как на сани. Брюхо удобное. Буксиры каждую неделю его с песка стягивают.

Илье стало обидно за Валерку и за Юрика. Они же не сами выбирали «Орехов». У них ведь нет такого фрегата, как «Африка». Но что сказать, Илья не успел придумать. Снова заговорил Генка:

— Вы там осторожнее, на «Орехове». А то, и правда, сядете на мель и придется вас в воду выгружать, как балки с «Ключевой». Вот будет потеха.

— Гена, а что за «Ключевая»? — спросил Владик.

— Самоходка. Это еще в позапрошлом году было. Ветер поднялся, волна пошла, а «Ключевая» перегружена. Бетонные балки везла. Видно, заливать ее стало, капитан решил к берегу приткнуться, да не рассчитал — на отмель выскочил. Ну и сел. Волна улеглась, а самоходка ни туда, ни сюда. Буксир вызвали, а толку мало. Трос рвется. Целые сутки мучились, а потом уж видят: ждать нельзя. Разлив тогда кончался, вода уходила. Пришлось балки в воду

кидать, чтобы осадка уменьшилась. Вот и все. «Ключевая» ушла, а балки так и торчат. Повтыкались в дно, когда падали.

— А где это было? — спросил Антон.

— Недалеко от лагеря «Лебедь». Я в нем как раз тогда был. Мы на ту отмель купаться убегали. Дно песчаное, течения нет...

— На отмели-то? — не поверил Антон. — На отмелях всегда течение.

— А там нет. Потому что там поворот. Ну, вот смотри... — Он подобрал обрывок газеты. — Сейчас нарисую. Есть карандаш?

Карандаша не было. Маленький Валерка пошарил в кармане.

— Вот что есть. Он пишет.

На его ладони лежал желтый патрончик с тупой свинцовой головкой.

— Смотри-ка, целый, — завистливо сказал Антон. — Где ты взял?

— Один мальчик дал, большой. Он в нашем доме живет.

Пуля оставила на бумаге карандашный след.

— Здесь поворот, — объяснял Генка, — а здесь эта мель. В стороне от течения. Там тихо. Мы там, наверно, первый привал делаем.

— Если место не занято, — сказал Антон. — Сейчас туристов по берегам знаешь сколько.

— Там их не будет. Туристам рыбалка нужна. К тому же они почти все на моторках. А с мотором туда не пройдешь, и рыбачить нельзя. Туристы на другом берегу сидят... Держи, Валерка, свой патрон. Да осторожней с ним. Не задумай о железотюкать или расковыривать...

Было решено, что лодку повезут к реке, когда с работы придет Иван Сергеевич. Ждали, поглядывали на облака, боясь, что утихнет ветер. Если нет ветра, какой интерес? Зачем тогда парус?

Ветер пока держался. Небольшой, но ровный. Шумел в больших тополях.

Лодку уже погрузили на двухколесную тележку, открыли ворота. Все готово.

Они увезут «Африку» к старому мосту, испытают ее и отведут на стоянку к бывшему хозяину. Он согласен. Он хороший дядька и к тому же очень уважает Ивана Сергеевича.

А Ивана Сергеевича все не было.

— Говорил, ровно в пять тридцать, а сейчас уже шесть, наверно, — нетерпеливо

сказал Владик. — Сходить, что ли, встретить?

— И я! — взметнулся Илья. — Гена, мы сбегаете?

— Мне-то что, — сказал Генка.

Он невесело посмотрел им вслед. Потом взглянул на лодку, на открытые ворота и вдруг вспомнил, как в прошлом году они с Яшкой катили по улице похищенную у голубятников катапульту. Ту самую, из которой потом сбили Владькин белый змей.

От катапульты не найдешь теперь ни одного колесика. Яшка не прибежит и не усядется по-птичьи на шатком столбе забора. Владька, наверно, забыл, как склеивать летучие «конверты», и все чаще убеждает, не оглянувшись.

Глава одиннадцатая

Молодой осинник хорошо упрятал круглую поляну с палаткой. Лишь со стороны реки деревца слегка раздвинулись. В этот просвет было очень удобно присматривать за лодкой.

Палатку соорудили быстро. Утоптали высокие метелки травы, нашли в сухостое несколько жердей, связали каркас, накрыли парусом. Получилось островерхое жилище вроде северной юрты.

— Все влезем, — устало дыша, сказал Илья.

— У папы ноги будут торчать, — заметил Владик.

— Пусть лучше голова торчит, — сказал Иван Сергеевич. — Я буду дежурить, не выходя из палатки.

Илья уцепился за эту мысль:

— Я тоже могу!

— Растяпы пускай помолчат, — посоветовал Иван Сергеевич.

Не зря Илью назвали растяпой. Конечно, случается, что путешественники забывают дома разные нужные вещи. Особенно если это не очень опытные путешественники. Но кто слышал, чтобы человек оставил все имущество вместе с рюкзаком?

— А вы куда смотрели? — защищался Илья.

— На тебя, что ли, смотреть? — возмутился Генка.

— Я думал, у вас с Геной один рюкзак, — сказал Владик.

— Ну и ну, — сказал Иван Сергеевич.

Разговор этот случился, когда уже садились в лодку. До той минуты про Илькин

рюкзак никто не вспомнил. И сам он, при-
выкнув скакать налегке, тоже о нем не
думал.

Иван Сергеевич снова сказал «ну и ну».

Илька улыбнулся слегка виновато.

— Смеешься? — рявкнул Генка. — А ну,
марш за манатками! Жди вот теперь тебя.

Илька не двинулся. Он сказал даже с
некоторым удовольствием:

— Мама-то на работе. А дверь-то я за-
хлопнул. А ключ-то я тоже забыл. На
столе.

У Генки внутри что-то зарычало.

Владик засмеялся.

Иван Сергеевич третий раз сказал «ну и
ну» и посмотрел на Ильку с большим ин-
тересом.

— Да ладно, — отмахнулся Илька и при-
мерился, чтобы прыгнуть в лодку. — Не
пропаду, не замерзну...

Иван Сергеевич ухватил его за ремень:

— Не замерзнешь, а комары тебя обгло-
дают до косточек.

— Не обглодают. — Илька покрутил по-
ясницей, чтобы освободиться.

— Мы его диметилфталатом натрем до
медного блеска, — сказал Владик. — Все ко-
мары в округе передохнут.

— А ты взял диметил?

— Вот тебе и на! А разве я, а не ты его
должен был взять?

— Гм... — сказал Иван Сергеевич. — Да...
Такое вот дело. Илька, дается тебе десять
минут и ключ. Минуты — для бега, ключ —
для нашей квартиры. В кухне над краном
шкафчик. На нижней полке, слева, боль-
шой пузырек с прозрачной жидкостью и
коричневой пробкой. Марш!

Илька рванул за пузырьком, а Иван
Сергеевич пошел звонить Тамаре Василь-
евне из автомата, чтобы она не падала
в обморок, когда обнаружит, что ее лю-
бимый сын отправился в поход без рюк-
зака.

— Зря он Ильку послал, — с беспокойст-
вом сказал Генка Владiku. — Этот козел
взорвет газовую плиту или устроит навод-
нение.

— Не успеет, у него времени в обрез...

Илька примчался через восемь минут с
ключом в руке и пузатой склянкой в от-
топыренном кармане. На полной скорости
влетел в лодку, чуть не пустив ее ко дну,
и завопил так, что на том берегу взмыли
с колокольни дикие голуби:

— По местам стоять, с якоря сниматься!

— Иван Сергеевич, вдарьте ему по
шее, — устало сказал Генка.

И путешествие началось. Ветер упруго
навалился на парус, наклонил «Африку»,
и она пошла легко и бесшумно, словно
удивляясь собственной скорости.

Почти все время, пока плыли, Илька
сидел на носу лодки необычно тихий и
молчаливый. Напрасно Генка опасался,
что он полезет к рулю или захочет управ-
лять парусом. Видимо, пока Ильке хвата-
ло одной радости — просто плыть и смот-
реть. Иногда он оглядывался, и глаза его
сияли тихим восторгом...

В конце дня, когда над головами запел
первый комар-разведчик, выяснилось, что
Илька принес не антикомариную жид-
кость, а какой-то растворитель. Особый,
с непонятным названием.

Лодку вывели на отмель и причалили к
бетонной балке, из которой торчал рубча-
тый огрызок арматуры.

Костер занялся моментально. Выплеснул
огонь сквозь хворост и загудел, как само-
летный двигатель. И сразу гудение это и
свет примагнитили к себе путешественни-
ков. Даже Илька снова притих. Встал ря-
дом с Владиком, загляделся на пламя. И,
освещенный порывистым огнем, сделался
весь оранжевым.

И опять Генку кольнула ревнивая
мысль: если бы его, Генки, здесь не было,
Владик с Илькой все равно стояли бы вот
также вместе и радовались бы огню...

Однако молчали недолго. Илька поша-
рил в кармане и загадочно сказал:

— У меня что-то есть...

— Ириска «Кис-кис», — хмыкнул Генка.

— Сам ты «Кис-кис». Патрон от мало-
пульки. Заряженный. Валерка подарил.

— Хорош подарочек! — сказал Иван
Сергеевич.

— А что будет, если его в костер бро-
сить?

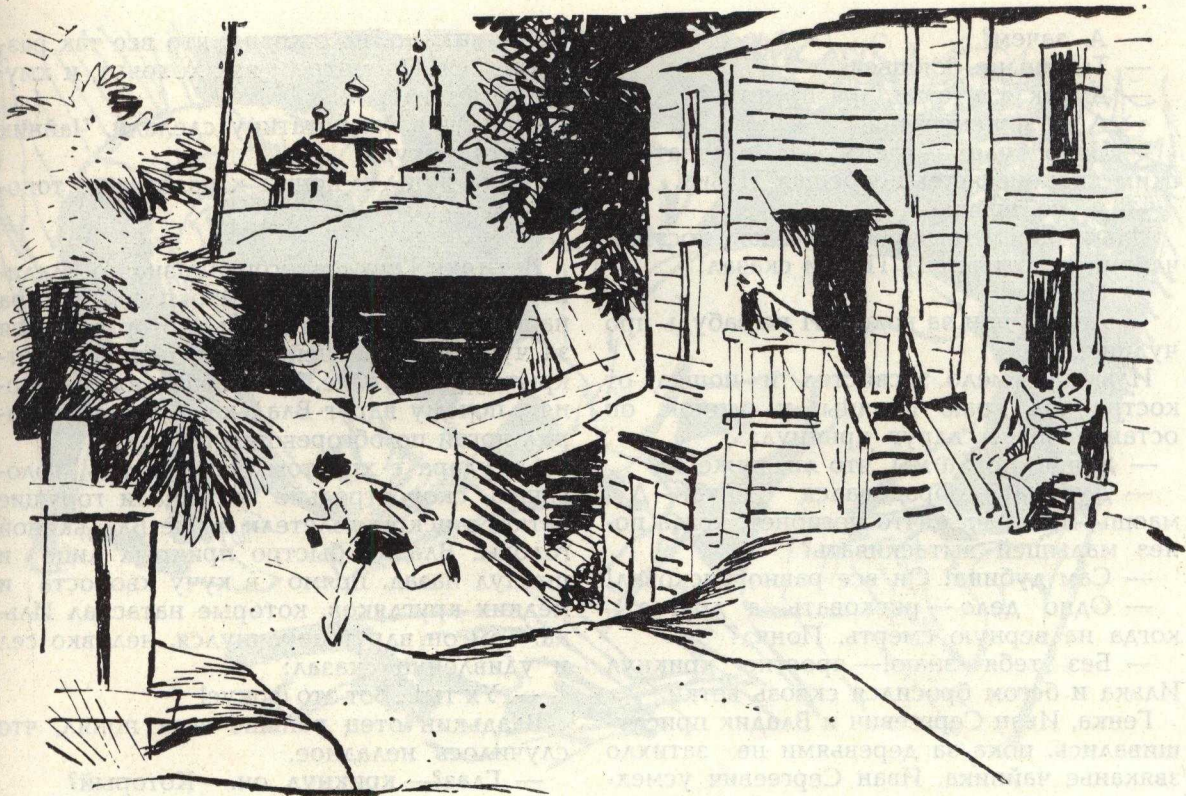
— Трудно сказать, — ответил Иван Сер-
геевич. — Но одно будет обязательно: уши
тебе мы надерем.

Иван Сергеевич вытащил из рюкзака
чайник, потерял в траве крышку, чертых-
нулся и, наконец, выкликнул доброволь-
цев идти за водой. Добровольцем был, ко-
нечно, Илька.

— У берега не черпай, — предупредил
Иван Сергеевич. — Зайди чуть подальше:
там вода чище.

— Зайду.

— Только чайник не утопи. И сам не
утопись. А ты не боишься?

— Чего?

— Ну все-таки... Место незнакомое. Лес, вечер...

— А в реке чудище какое-нибудь,— лениво сказал Генка.— Подкрадется под водой и за ногу хап!— И он скрюченными пальцами показал, как чудище хапнет Ильку.

Илька снисходительно вздохнул, как бы говоря: «Ничего умного от тебя не дождешься».

Генка изобразил удивление.

— Смотрите-ка! Не боится чудища.

— Я ничего не боюсь,— сказал Илька не то всерьез, не то назло Генке.

— Совсем ничего?

— Совсем,— спокойно сказал Илька, покачивая большим чайником.

— А волков?— спросил Владик.

— Ха... Волки летом трусливые. Как врежу чайником по морде, сразу смоятся.

— А зимой?— не отступал Владик.

— Зимой?— Илька сделал скучное лицо.— Зимой какая разница? Бойся не бойся, все равно сожрут.

— А пчел ты тоже не боишься?— язвительно спросил Генка.

— Нет,— нахально сказал Илька.

— А мертвецов?

— Самый безобидный народ.

Конечно, это были не его слова. Но как на них возразишь!

— Я знаю, чего он боится!— вдруг обрадовался Генка.— Уколов!

Илька фыркнул, как уставшая лошадь.

— Вспомнил! Это в прошлом году было!

— В прошлом году не считается,— поддержал его Иван Сергеевич.

— А ядовитых змей тоже не боишься?— поинтересовался Владик.

Илька подумал:

— Тоже.

— А контрольные по арифметике?.. Акул?.. Темноты?.. Наводнения?..

Илька, освещенный пламенем, стоял, улыбался, поддавал коленками чайник и покачивал головой. Два маленьких костра бешено плясали у него в глазах.

— А смерти?— спросил Генка.

Самое обидное, что Илька даже не моргнул. Улыбаться не перестал. Еще раз брякнул коленкой по чайнику и весело сказал:

— Не-е...

— Ну, иди, иди,— мрачно предложил Генка.— Повесь на шею камень и прыгни в воду.

— А зачем?
— Ты же не боишься.
— Дурак я, что ли, зря прыгать?
— А не зря сможешь?
— Надо будет — смогу, — с издевательским спокойствием пообещал Илька.
— А не врешь?

Илька зачем-то перевернул над костром чайник и потряс его. Потом сказал:

— Не вру.

— Ладно, иди за водой. И не забудь про чудище.

Илька неумело засвистел и пошел от костра. На краю поляны, у осинок, он остановился и вдруг крикнул:

— Яшка смог, а мы, что ли, хуже?

— Дубина! — обрадовался Генка. — Думаешь, Яшка знал, что погибнет, когда полез малышей вытаскивать?

— Сам дубина! Он все равно рисковал!

— Одно дело — рисковать, а другое — когда на верную смерть. Понял?

— Без тебя знаю! — яростно крикнул Илька и бегом бросился сквозь ветки.

Генка, Иван Сергеевич и Владик прислушивались, пока за деревьями не затихло звяканье чайника. Иван Сергеевич усмехнулся:

— Расходилось сине море... — И вдруг сказал Генке: — Знаешь, а все-таки зря ты так...

— Как?

— Зря завел такой разговор. Нечестно как-то. Ты ему будто подножку ставишь.

— Он, по-моему, сам начал, — насупившись, сказал Генка.

— Начал-то все равно кто...

— Правда, нехорошо, — сказал Владик. — При таком разговоре хоть кто захвастается. Если раздражить.

«Ладно, целуйтесь со своим Илькой», — подумал Генка. Но зла на Ильку он не чувствовал. И он нашел ответ, который Ильку защищал, а его, Генку, оправдывал:

— А он не хвастает. Он в самом деле ничего не боится... Нет, я знаю, чего боится.

— Скажи, — попросил Владик.

— Придет — скажу.

Илька, пыхтя и перегнувшись набок, притаил чайник.

— Привет от морского чудовища, — бросил он Генке.

— Знаю, чего боишься, — сказал Генка. — Боишься, что мать бегать не пустит, если натворишь чего-нибудь.

— Подумаешь. Этого кто хочешь забоится, — уверенно сказал Илька.

Он, видимо, не ожидал, что все так развеселятся. Посмотрел, как хохочут, и хмуро заметил:

— Лучше бы рогатину сделали. Чайник вешать некуда.

Генка встал и пошел к палатке за топориком.

Все-таки Генка многого не знал о Владике. Он не догадывался, что пламя костра напоминает ему тот огонь, который бился за чугунной дверцей печки, плясал в открытом поддувале. И, конечно, он не понял, почему вдруг Владик с размаху ударил ногой по обгоревшим сучьям.

От удара с хрустом рассыпалась головешка, скорострельно затрещали горящие ветки, а искры взлетели выше Владькиной головы. Владик быстро прикрыл лицо и шагнул назад, прямо в кучу хвороста и мелких кругляков, которые натаскал Илька. Там он вдруг покачнулся, неловко сел и удивленно сказал:

— Ух ты!.. Вот это фокус!

Владькин отец раньше всех понял, что случилось неладное.

— Глаз? — крикнул он. — Который?

— Да нет, — сердито сказал Владик, — нога застряла.

— Будь ты неладен, я думал, глаза обжег. Пляшешь у костра, как бес!

— Кажется, доплясался, — откликнулся Владик. Голос у него был какой-то сдавленный. Иван Сергеевич и Генка торопливо раскидали хворост. Владькина нога застряла в развилке березового обрубка, похожего на большущую рогатку. Генка потянул эту рогатку.

— Ой, осторожней ты! — поспешно сказал Владик.

— Я тихо, — ответил Генка и снова потащил обрубок. Так осторожно, словно это была мина со взрывателем. Владькина нога вышла из развилки.

— Встань, — сказал Иван Сергеевич.

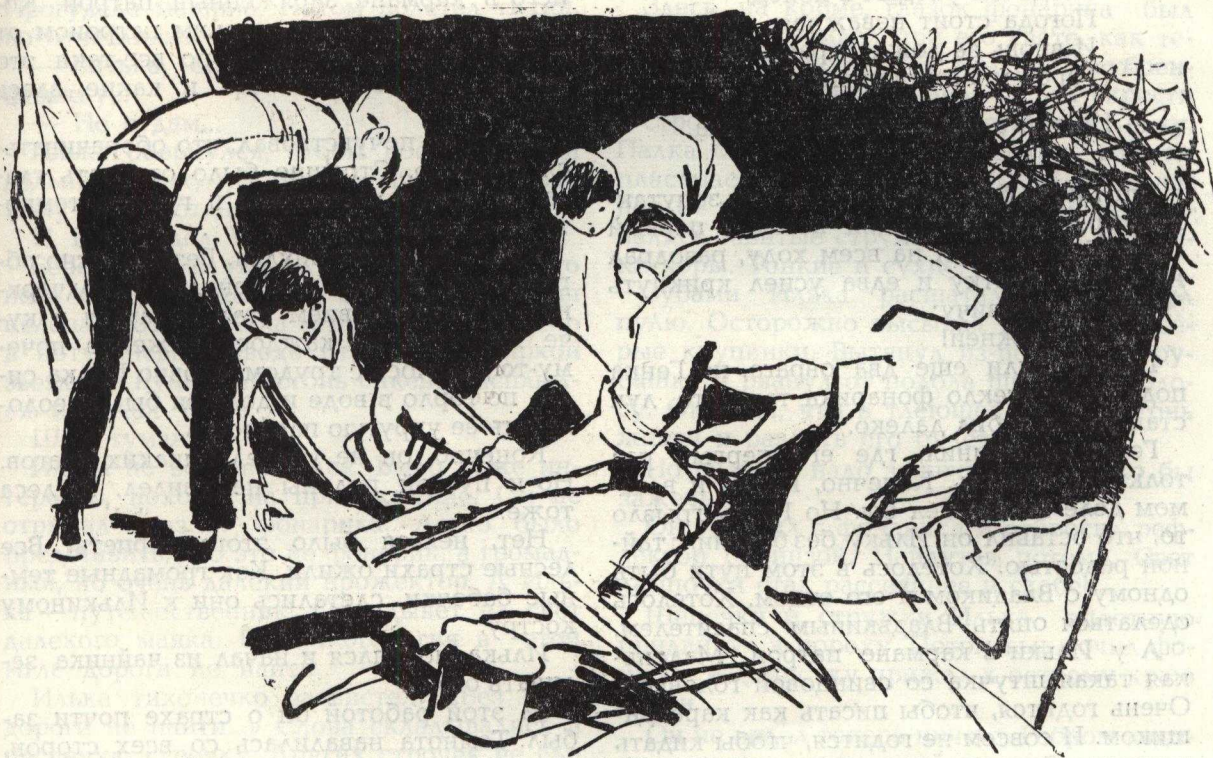
Владик шевельнулся и остался сидеть.

— Ну, в чем дело?

— Если б я мог... — виновато сказал Владик.

Иван Сергеевич осторожно взял его ступню в ладони. Илька зажмурился. Он знал, что сейчас случится: будет рывок, Владик взметнется от боли, похожей на яркую вспышку. Но потом сразу станет легче, это уж точно.

— Знаешь что, Владик... — начал Иван Сергеевич и вдруг тряхнул его ногу крепко и резко.

Владик не крикнул. Он только выгнулся дугой, упал на трескучий хворост и закрыл глаза локтем.

— Ну что?— спросил Иван Сергеевич. Спросил растерянно, потому что видел, не удалось его лечение. Владик молчал, не открывая лица. Генка вдруг подумал, что ни разу не видел, как Владик плачет.

— Больше не дергай,— сказал наконец Владик и начал дышать будто после долгого бега.

Иван Сергеевич посмотрел на Генку и тихо спросил:

— Неужели перелом? Что делать?

Генкина память, как луч локатора, обшаривала извилины реки, здешний берег и дороги. Что есть поблизости? Рощи, элеваторы, две деревни. С севера подходит лесной массив, туда уходили из лагеря в поход. Между лагерем и лесом, слева от шоссе — Решетниково...

— Есть село,— сказал Генка.— Там больница, я помню вывеску. Хорошая больница, кирпичная. Врачей, наверно, можно найти и разбудить.

— Далеко?— резко спросил Иван Сергеевич.

— Отсюда километра два.

— Если быстро, минут за двадцать доберемся. Владика я понесу.

— Я сам,— сказал Владик.

— Помолчи.

— За двадцать минут не дойдем. Тут ведь нет дороги,— объяснил Генка.— А где дорога, я не знаю. Она по берегу идет. километров шесть.

— Пойдем без дороги. Илька, гаси костер.

— Ильке нельзя идти,— вдруг сказал Генка.— Он не пройдет.

— Почему?

— Это же не по асфальту скакать. Такие заросли по пути, овраги. Даже тропинок нет. А в оврагах сам леший ногу сломит. Колючки, кусты, крапива выше пояса. Куда ему? Да еще с голыми ногами.

— Пожалуйста,— сказал Илька тонким обиженным голосом,— думаете, я не останусь?

Иван Сергеевич взял его за плечи.

— Илька... Ты ведь знаешь, если что случится, мне сразу в петлю головой...

— Ну, кто меня съест? Владька, скажи, пусть идут!

— Ты, куда не отойдешь отсюда?

— Куда я денусь?

Из-за реки негромко, но отчетливо донеслась туристская песенка:

Когда мы уходим в поход,
Погода стоит неважная.
И вновь за дождем растаял
Город многоэтажный....

— Не тайга ведь... — сказал Генка.

Этот путь был весь из темноты, запутанной травы и хлещущих веток. В первый овраг Генка ухнул на всем ходу, разодрал на спине куртку и едва успел крикнуть Ивану Сергеевичу:

— Осторожней!

Потом были еще два оврага, но Генка подкрутил стекло фонарика так, что луч стал узким и бил далеко.

Генка не помнил, где его первый раз толкнула совесть. Конечно, Илька и в самом деле не прошел бы. Но Генку грызло то, что оставил он Ильку без боязни, с тайной радостью. Хотелось в этом пути быть одному с Владиком и его отцом. Хотелось сделаться опять Владькиным спасителем.

А у Ильки в кармане патрон. Маленькая такая штучка со свинцовой головкой. Очень годится, чтобы писать как карандашиком. И совсем не годится, чтобы кидать в костер. Генка-то это знает. А Илька знает? Конечно, не всегда бывает беда. Чаше всего патрон хлопнет, гильза — в одну сторону, пуля — в другую. Но хорошо, если не в ту, где человек...

Редкая желтая цепь огней встала им навстречу из-за бугра.

— Вот село, — сказал Генка, стараясь не дышать, как гончий пес. — Вы дойдете сейчас одни. Я — назад.

Глава двенадцатая

Одиночество не пугает сразу. В первые минуты его просто не чувствуешь.

Они ушли, но Ильке все еще казалось, что звучат рядом, повторяются голоса.

Но никаких голосов не было. Даже песня замолкла на том берегу. Огонь потрескивал, листья шептались еле слышно. Вот и все. Эти звуки сливались с тишиной, которая по-комариному звенела в ушах.

Комары исчезли все до единого. Наверно, решили: пусть Илькино одиночество будет полным.

Илька поежился. Прошелся вокруг костра. Тряхнул плечами, чтобы прогнать навязчивое чувство неуютности. Это был не страх. Чего бояться? В конце концов у

него в кармане заряженный патрон. Конечно, без винтовки с таким патроном от врагов трудно отбиться, но все-таки это не простой орешек. Да и какие здесь враги?

И тут он почувствовал, что оборачиваться страшно. Страшно было оторвать глаза от огня и посмотреть в густую темноту за спиной.

Конечно, он обернулся. Безжалостно обругал себя трусом и обернулся. С подчеркнутым спокойствием стал копать в куче хвороста. Но каждое движение почему-то давалось с трудом, словно Илька сидел по горло в воде и должен был преодолевать ее упругую плотность.

Конечно, он не увидел никаких врагов. Но и пустой поляны не увидел. И леса тоже.

Нет, нельзя было этого терпеть! Все лесные страхи ожили. Как громадные темные бабочки, слетались они к Илькиному костру.

Илька поднялся и начал из чайника заливать огонь.

За этой работой он о страхе почти забыл. Темнота навалилась со всех сторон, но сейчас она не казалась опасной. Она стала даже доброй. Не грозила ничем, а, наоборот, прятала Ильку. Он как бы слился с ней.

Илька отошел от неярких тлеющих углей. Подобрал оставленную Владиком куртку. Слезил в палатку за своим фонариком. Он не собирался сидеть у погасшего костра. Решил, что уйдет в лодку и там дождется, когда все вернется. Услышит шаги и крикнет, чтобы не пугались. В лодке спокойно, как в своем доме. И нет темноты. Матово светится река, отблеск зари не гаснет на севере. Костры мерцают на том берегу. Слышны иногда голоса. Катера проходят, тепло блестя огоньками...

Лодка закачалась, закивала мачтой, когда Илька подошел и взялся за борт. Тоже соскучилась одна.

Илька оставил горящий фонарик на корме, а сам пошел на нос. Было хорошо сидеть там и смотреть издали на яркий огонек.

Но, кроме фонарика, Илька хотел еще видеть перед собой покинутый берег. Он снова прыгнул в воду и развернул лодку. Она послушно осталась на новом месте: на отмели почти не было течения.

На правом берегу, за лесом, шипели и тяжело отдувались товарные составы.

Прогудела машина. Потом долетел тихий, но отчетливый обрывок разговора:

— Витька, бородатый тип, отдай мою фляжку...

— Не отдам...

Илька обернулся, чтобы посмотреть на дальний берег, где бородатый тип Витька кому-то не отдавал фляжку.

И не увидел костров.

Берега он не увидел тоже. Вместо него небо и воду соединяла серая сумеречная пелена. Потом Илька заметил, как погасло в потускневшей воде отражение яркой звезды, а пунцовый огонь бакена расплылся и начал таять.

Шел туман.

Илька не встревожился. Было даже интересно, похоже на приключение. Он не отрывал глаз от фонарика. Легко было представить, что это не фонарик, а громадный, но очень далекий прожектор. А Илька — путешественник. Он плывет на свет далекого маяка. Без такого огня в этой мгле дороги не найти.

Илька тихонечко засвистел: «Без огня дороги не найти...» Слова складывались в песенную строчку. Других строчек не было, но он не огорчился. Хватит и одной.

«Без огня дороги...» — Илька оборвал свист. При чем тут песня! Ведь в самом деле не найти!

Что же он наделал...

Он испугался, погасил костер, убежал из палатки.

И не могло быть никакого оправдания. Человек, который так поступает, называется дезертир. Это значит, что он предатель и трус.

Он вскочил и начал шарить в карманах. Может быть, случится чудо и отыщется коробок? Не было чуда. В левом кармане был плоский перочинный ножичек, а в правом — патрон. Теплый патрончик, гладкий, с тупой тяжелой головкой.

Если вынуть пулю, на ладонь скользнет щепотка пороха. И найти бы тогда хоть искорку...

Где ее найдешь?

Лишь фонарик светит сквозь серую пелену. Светит все слабее. Или стал плотней туман, или садится батарейка, и бледнеет в лампочке крошечный огонек.

Илька смотрел на фонарик, не отрываясь, и в мыслях у него соединялись постепенно две разных вещи: лампочка и патрон.

Здесь, на корме, глазок фонарика был ярче. Илька увидел при его свете, как течет и колышется кисей тумана. Зазубренным своим ножиком начал Илька скрестить и строгать палку, которую принес в лодку. Палка была твердая и гладкая, как из пластмассы, но выдержать злой Илькин напор не могла. На крашеную скамейку сыпались завитые стружки, щепочки, чешуйки коры. Тонкие и сухие.

Зубами Илька распатал и вытащил пулю. Осторожно высыпал на скамью серые крупишки. Вытянул из-под ремня рубашку и рванул от подола широкую полосу. Он знал, что в тлеющей тряпке огонь живуч и раздуть его будет легко.

Но сначала надо зажечь. Ой, только бы зажечь...

Он свинтил с фонарика и отбросил рефлектор с линзой. Найдутся потом... Свет лампочки стал рассеянное и слабее.

Щепочки и стружки Илька вплотную придвинул к пороку. Потом выключил фонарик и лампочку прижал к острому краю доски.

Он не видел теперь ничего. Ребром ладони нащупал он гладкий шарик лампочки. Взял ножик за конец лезвия.

И ударил рукояткой!

Ударил не сильно и не слабо, а так, чтобы раскололось стекло, но не смялись проволочки.

Хрустнуло. На ногу упали стеклянные крошки.

Илька встал. Он очень боялся. Так боялся, что стук сердца отдавался в барабанных перепонках. Ведь он не знал главного: сохранился ли контакт. Будет ли вспышка?

Осторожно-осторожно тронул он усиками разбитой лампочки пороховой запал. Глотнул слюну, вздохнул поглубже и нажал кнопку.

Желтый невысокий язык пламени с шипением раскидал стружки. Он тут же погас, но на двух щепочках остались голубые круглые огоньки. Они, как светящиеся жучки, посидели, зацепившись на лучинках, и вдруг выросли, посветлели.

От этого крошечного костра поджег Илька лоскуток и скомкал его, чтобы загнать огонь внутрь. Нитки легкой материи то загорались мгновенными огоньками, то начинали тлеть, и тогда Илька жмурился и кашлял от едкого дыма.

Чтобы огонь привык к своему жилищу, Илька начал дуть на тряпку так, что зашумело в ушах. И поэтому он не сразу

услышал другой шум, пришедший со стороны.

Это было частое и тяжелое дыхание. Наверно, так дышат загнанные слоны.

Илька вытянулся навстречу шуму и замер.

— Куда же тебя несет! — зло и беспомощно сказал он в туман.

«Шах-х, шах-х, шах-х», — доносилось в ответ. И понял Илька, что очень скоро пробьются сквозь мглу огни и тут же разнесется над водой скрежет, звон лопнувших стекол, скрип накренившейся мачты.

Мысль о том, что пароход пройдет стороной, даже не появилась. Звук надвигался так, что было ясно: судно идет на мель.

А мель оцетинилась бетонными зубьями.

«А вдруг это «Орехов»? — подумал Илька. В самом деле, ведь сейчас он должен возвращаться...

Балки пробьют пароходу днище. Погаснет свет, замолчит машина. Начнут подниматься с палубы упавшие пассажиры. Кто-то просто с испугом, кто-то с кровью из носа. Кто-то со сломанной рукой. А если кто-то не встанет совсем?

Там Валерка и Юрка... Ну зачем же тогда погибал Яшка?!

Тлеющий лоскут обжиг руку. Илька уронил его и, торопливо нагнувшись, увидел, как искры отразились в стекле маленькой бутылки.

С этой секунды он делал все стремительно и бесстрашно. Он не мог быть дезертиром второй раз. Швырнув на скамейку рубашку, он выплеснул на нее половину едкой, пахнувшей ацетоном жидкости. Потом дунул на лоскут с огнем.

И бросил.

Он не ждал, что пламя будет таким ярким. Белый огонь взлетел выше головы, и тогда Илька прыгнул за борт, потому что знал: это лишь начало.

Теплая вода воздуха догнала Ильку и толкнула, когда он был шагах в десяти от лодки. Илька обернулся и увидел, как поднялся, вырос и погас ярко-желтый шар. Это взорвались остатки горючей жидкости.

Илька сделал еще несколько шагов к берегу. По инерции. Пальцы левой ноги ударились обо что-то твердое. От боли Илька присел. Неизвестно откуда появилось течение. Оно мягко повалило Ильку на бок. Пришлось нырнуть. А когда Илька попытался встать, под ногами не было дна.

Он ничуть не испугался, только удивился. Ведь между лодкой и берегом не было глубины. Откуда она?

И течение...

Фыркая и молотя по воде ладонями, Илька поплыл к земле. Ему казалось, что плывет он долго и быстро, и было непонятно, почему нет ни берега, ни дна. Руки устали. И тут Илька наконец понял, что может сейчас утонуть. По-настоящему. Насовсем.

— Ух ты... — сказал он вслух. И подумал: «А мама?»

Изо всех сил замахал Илька руками и повернул к лодке. Там расплывалось пятно неяркого света, лодка горела. Течение Ильку не пускало к ней. Но отчаянно барахтаясь, он вдруг сообразил, в какую сторону плыть. Совсем не туда, куда плыл раньше. Он спутал направления и хотел найти берег на середине реки. Видимо, чуть заметное движение воды все-таки развернуло на отмели лодку, когда Илька сидел в ней. В тумане он этого не заметил и потому запутался...

Он выбрался на берег и сел на твердый песок, пробитый щетинками травы.

Гудело в ушах, и шума судовых двигателей Илька сейчас не слышал. Может быть, они глохли в тумане, а может быть, пароход ушел далеко или застопорил машину. По крайней мере он не наткнулся на мель, это было ясно. Да и как он мог наткнуться? Не зря же горел фрегат «Африка»...

Илька шел почти вслепую. Реки он не видел, а береговые кусты стояли с левой стороны темной массой. И вот в этой тьме зашуршали, захлопали ветки. Кто-то шел напролом.

Кто?

Илька замер и перестал дышать. А шум приближался. Илька неслышно и торопливо стал отступать в реку. Вода была уже почти до колен, когда на берегу запрыгал глазок фонаря и такой знакомый голос, просто родной, сказал:

— Черти бы сожрали эту погоду...

— Ге-на!! — завопил Илька.

Глава тринадцатая

На обратном пути Генка думал об одном: лишь бы скорей! Он понимал, что все равно не сможет выйти прямо к палатке, и мчался, не заботясь о точном направле-

нии. Главное — выскочить к реке, а там уж он доберется берегом до лодки.

Он считал, что до реки рукой подать, когда попал в полосу тумана. Это Генку разозлило: попробуй теперь увидеть лодку! Можно без толку бродить всю ночь.

Кусты оборвались, и впереди встала беспросветная пелена. От великой досады Генка в полный голос высказал этой пелене все, что думал.

И тогда-то он и услышал Илькин крик. Не то радостный, не то слезный.

Илька, мокрый и взъерошенный, вылетел на него из плотной пепельной мглы и вцепился в плечо.

— Гена! Это ты?

— Это моя прабабушка ходит в поисках знакомых привидений, — сердито сообщил Генка, чуть не тая от горячей радости, что Илька жив и цел. — Ты что околачиваешься на берегу?

Илька убрал с его плеча руки и вздохнул.

— Ты почему такой мокрый? — спросил Генка уже с тревогой.

Илька молчал.

— Ну?

Это нетерпеливое «ну» словно встряхнуло Ильку. Вернуло силу и смелость. Генка был рядом. Мир стал простым и прочным.

— Купался, — язвительно ответил Илька.

— В штанах?

— Ну и что?
— Ничего. Кому как нравится.
— А где Владик?
— Откуда я знаю? Наверное, в больнице.

— Они потом придут, да?
— Придут. Никуда твой Владик не денется.

— Гена...—сказал Илька.—Я сжег лодку.
— Что?!

Он посветил Ильке прямо в лицо и понял, что это правда.

— Да!—со слезами сказал Илька.—А что делать, если он прет на мель, а там балки!

— Кто прет?

— Пароход, а не «кто». В тумане. Прямо на меня.

— И ты сделал из лодки маяк?—спросил Генка устало и презрительно. Вот что он в этот миг чувствовал: «Конечно, все одно к одному. Если уж начались несчастья, скоро не отвяжутся». Он не отводил фонарика от Илькиного лица, и Илька не прятал глаз от света. Глаза были темные и упрямые. Как у Владьки.

— Дубина,—увесисто произнес Генка.—Откуда возьмется пароход? В таком тумане он тут же отдаст якорь и заголосит на всю реку. Думать надо.

Илькины брови задрожали, а рот открылся и сделался похож на аккуратную букву «о». И таким беспомощным стало Илькино лицо, что Генка испугался. Не только за Ильку, за себя испугался: кажется, он сделал подлость.

Он сказал примирительно и торопливо:

— Ну ладно. Ты точно знаешь, что это был пароход?

— Может, твоя прабабушка?—огрызнулся Илька. Но как-то неуверенно огрызнулся.

Генка выключил фонарик. В темноте удобнее было врать. Он пробормотал, словно для себя, а не для Ильки:

— Значит, это тот сумасшедший танкер...

— Что?—откликнулся Илька.

— Я говорю: танкер. Я его сейчас видел. Мотается от берега к берегу, почти без огней. То ли авария, то ли перепились все.

— Что ты врешь!—возмутился Илька.—Что ты видел в таком туманище?

— Козел!—сказал Генка с почти настоящей злостью.—Ниже по течению никакого тумана нет. Сбегай проверь, если не веришь.

— Ты же не по берегу шел...

— Я везде шел. Я к реке еще за тем поворотом вышел. Понял?

Илька тихо спросил:

— Большой танкер?

— Средний... Борта высокие. Видно, порожний...

— Значит, все зря?

— Что зря?

— Все... Я думал, пассажирский... А танкер пустой ткнулся бы в мель—ничего бы не было...

— Ничего,—подтвердил Генка.—Ни танкера, ни тебя. От удара где-нибудь искра проскочила бы—и привет. Знаешь, как взрываются в пустых баках бензиновые пары?

У Генки были спички. На старых углях он развел костер, отдал Ильке свои брюки и куртку, поставил над огнем рогатину с перекладной.

— Выжимай свои манатки, суши.

Илька был послушный и сонный.

Генка пошел к реке набрать в чайник воды и посмотреть, что осталось от лодки.

Огонь изглодал корму и борта. Мачта перегорела внизу и упала на нос. Нос пострадал меньше. На нем даже уцелела Владькина куртка. Пламя уже погасло, но тлеющее дерево еще светилось пунцовыми угольками и сочилось едким дымом. Генка ударил по обугленному борту. Борт проломился, и шипящие угольки посыпались в воду...

Когда Генка вернулся, Илька, скорчившись, сидел у огня и палкой ворошил горящие ветки.

— Что с лодкой?—спросил он, не подняв головы.

— «С лодкой»... То, что осталось, уже не лодка.

Генка повесил чайник над огнем и сел рядом с Илькой. Плечи накрыл Владькиной курткой.

— Я думал, она сгорела,—сказал Илька.

— Долго их нет,—сказал Генка.

— Долго,—согласился Илька.

Вскипел чайник. Его поставили на траву. Он остыл. Его вскипятили снова.

Ни Генка, ни Илька не знали, сколько времени прошло. Иногда казалось, что близко утро.

И вот от берега донесся голос. Вернее, два голоса: Владькин и его отца. Они кричали озорно и громко:

— Эй, люди! Живы?

— Живы!—взвился Илька.

Генка сказал:

— Сиди.

Он прихватил фонарик и пошел им навстречу.

Они вынырнули из тумана. Владька, как маленький, сидел у отца на плечах.

— Все в порядке, — сообщил он с высоты. — Вправили, бинтом замотали. Вывих был. А папа еще добавил. Меня сперва не хотели из больницы отпускать, да мы уговорили.

Как хорошо, что он сказал обо всем, не ожидая вопроса.

Иван Сергеевич опустил его на землю.

— Хватит, накатался, наездник. Ищи себе клюку и ковыляй сам.

— Мне нельзя ковылять, — дурачась, заспорил Владик. — Что фельдшер говорил, а? Только сидеть можно и лежать... Знаешь, Гена, они нас до того поворота на больничном «газике» довезли. Хотели прямо в город, а мы сказали, что на лодке доберемся.

— Илья сжег лодку, — сказал Генка.

В свете фонарика он видел их лица. У Владьки губы вытянулись в трубочку. Иван Сергеевич нахмурился.

— Как это сжег?

— Вы его не ругайте, — попросил Генка. — Он не нарочно.

— Еще не хватало, чтобы нарочно, — сухо усмехнулся Иван Сергеевич. — Сам-то он цел?

— Цел.

— Где этот герой?

Негромко, но яростно Генка сказал:

— Танкер в тумане шел на мель. Что было делать? Что?

Они молчали, и он повторил:

— Порожний танкер. Ясно?

— Да, — спокойно сказал Владик.

— Ясно, — сказал Иван Сергеевич. — Значит, танкер.

Он подхватил Владика и зашагал к костру.

Чайник согрели еще раз. Надо было думать об ужине. Только сейчас вспомнили, что по-настоящему не ели с самого утра.

Илья лениво дожевывал половину бутерброда.

— Ешь, — сказал Иван Сергеевич.

— Не хочу.

— Мало ли что не хочешь. Ешь.

— Я о лодке думаю, — шепотом сказал Илья.

— Да, тогда не до еды, конечно, — согласился Иван Сергеевич.

Видимо, именно сейчас Илья понял наконец, какая случилась непоправимая бе-

да. Фрегат «Африка» погиб. Плавание не будет.

— Спать, — сказал Иван Сергеевич. — Теперь спать.

— А лодка?

— Да черт с ней, с лодкой. Главное, сами целы. Спать. Утро вечера мудреней.

— Пусть отдаст мои штаны, — сказал Генка.

Илья отдал. Переоделся и снова устроился у огня.

— Спать, спать, — повторил Иван Сергеевич и поднял его, согнувшегося, на руки. Понес к палатке. — Ну, ну, не растопырь локти. Все равно ты уже почти спишь. Не горюй. Ты сделал все как надо. Что же теперь плакать о лодке...

— Я не плачу, — донеслось уже из палатки.

Глава четырнадцатая

Генке было грустно и спокойно. Гибель лодки его не так уж огорчила. Главное, что Илья не потонул и с Владькой все в порядке.

А в том, что Владик с Илькой все чаще оставляют Генку одного, пожалуй, нет ничьей вины. Что поделаешь? Кому кто нравится.

Генка посмотрел на Владика. Тот сидел, прикрыв лицо ладонью. Вернее, половину лица.

— Перестань смотреть в огонь, — сказал Иван Сергеевич. — Знаешь ведь, что нельзя.

— Я и не смотрю, — откликнулся Владик.

И Генка увидел, что он действительно не смотрит. Ладонью Владик закрывал здоровый глаз. Но другой, невидящий глаз он не отрывал от костра. Может быть, опять видел свет?

— Папа, — позвал Владик. — А завтра как? Домой двинемся на попутных или здесь останемся?

— Завтра и решим, — сказал Иван Сергеевич. Свет костра лишь слегка задевал его лицо, и в каждой морщине лежала резкая тень. Владькин отец казался старым и усталым.

«Наверно, он никогда не простит себе, что послушал меня и оставил Илью, — подумал Генка. — Из-за страха он это сделал. За Владьку боялся больше всего на свете».

«Но ведь выхода не было», — возразил Генка сам себе.

«Все равно...»

«А если бы наоборот? Если бы не с Владиком, а с Илькой случилось несчастье? Владьку он оставил бы одного?»

И понял Генка, что да, оставил бы...

— Шли бы вы спать, — сказал Иван Сергеевич. — Я посижу.

— Не хочется, — сказал Владик.

— Как там Илька?

Владик поднялся и пошел к палатке.

— Нормально, — сказал он, вернувшись.

«Все нормально», — с усмешкой подумал Генка. И в этот момент Владик сказал:

— Гена, пойдем, побродим.

— Куда это? — насторожился Иван Сергеевич. — На одной-то ноге.

— Да мы здесь рядом. Я же хорошо прыгаю и на одной.

— Пойдем, — равнодушно согласился Генка.

Сквозь осинник они выбрались на берег.

Туман ушел, и ночь опять просветлела. Это была обычная летняя ночь, сероватосиняя, с бледной полосой на севере и редкими звездами в зените. С кострами на том берегу.

От костров и от бакена тянулись по реке витые рубиновые шнуры.

Генка обогнал Владика и повернул к воде. Мохнатые кисточки травы шелестели в ногах. Какие-то шарики на упругих стеблях щелкали по штанинам.

Вода отливала потемневшим алюминием, и на ней среди редких бетонных зубьев чернела обгорелая лодка.

«Ох, и тошно завтра будет Ильке, — подумал Генка. — Он ведь еще и не видел даже, что наделал».

Владик тоже смотрел на лодку. Она была похожа на большой изглоданный полумесяц, который нарисовали сажей.

— Не починить... — вполголоса сказал Владик.

— Илька на нее просто молился, — сказал Генка.

— Ну, Ильке-то легче всех, — неожиданно возразил Владик.

— Почему?

— Завтра ему папа скажет про поездку. Нет лодки — будет Одесса.

«Значит, хуже всех мне, — подумал Генка. — Один у погорелого корабля».

— Хорошо, что парус остался, — сказал Владик. — А то где бы мы взяли новый...

Что за чушь! Не все ли равно, есть теперь парус или нет?

— Что хорошего?

— Разве новую лодку не сделаем?

— Кто? — горько сказал Генка. — Кто ее сделает? Я один?

— Шурик не вернется... А я, думаешь, ничего не могу, да? Илька тоже... И Валерка с Юриком помогут.

— Не смейся. Такие головастики...

— Помогут. Они способные.

— Нет, — сказал Генка. — Строить ведь трудней, чем ремонтировать. И настроения нет. От маленьких толку мало, Шурка возиться не захочет, вам с Илькой не до лодки — уедете скоро.

— Еще не скоро. Почти через месяц.

— Месяц — это недолго, — упрямо сказал Генка. — Да и что это за месяц? Июль. Пыль да жара... Зря вы, Владька, в августе уезжать надумали. Ехали бы в июле, а к августу домой.

— Гена... — негромко сказал Владик. — Я не поеду, Гена.

Генка замер, как замирают люди, услышав далекий голос. Застынут, чтобы даже дыханием не спугнуть тишину: вдруг голос прозвучит опять? Стоят и спрашивают себя: не показалось ли?

— Что? — шепотом спросил Генка.

— Не поеду,— повторил Владик.
— Почему?— сказал Генка напряженно и быстро.

— Не хочу,— отозвался Владик.

— А Илька?

— А что Илька? С папой поедет. Они и вдвоем не соскучатся.

«Может быть, из-за Ильки он не едет? — мелькнула мысль. — Может, обиделся, что Илька липнет к его отцу?»

— Иван Сергеевич не разрешит тебе остаться,— уверенно сказал Генка.

— Разрешит.

Ох, до чего же все было непонятно!

— Владька! — отчаянно и жалобно заговорил он. — Что ты мне мозги выкручиваешь? Сначала «поеду», потом «не поеду». Сам, что ли, не знаешь, что тебе надо?

— Знаю,— сказал Владик и повернулся к Генке. В глазах его блеснули точки береговых костров. Как насмешливые искорки. Но Владькины слова были совсем не насмешливы: — Конечно, я сначала хотел... Обидно ведь, столько времени у моря жил и почти не видел его. Думаешь, не обидно? Это Генка понимал.

— А сейчас? — спросил он.

— Знаешь, как плохо лежать после операции? — сказал Владик. — Лежишь в этой проклятой темноте и ничего еще не знаешь. Повязка на глазах. Я тогда все время про одно думал... Вот приеду домой, снова

будет август. Опять змей запустим. Я свой, а ты свой. Вместе. Как в том году... А тут все кувырком пошло из-за этой Одессы. Ну, не совсем кувырком, сначала казалось, что хорошо, а потом... Опять получается — ты здесь, а я там. — И он сказал, словно ставя точку: — Я так не хочу.

Генка закрыл глаза и увидел то, что хотел увидеть: неудержимый ход облаков и кипение ветра в тополях. От таких ветров певуче и туго гудят нити «конвертов».

Нарастающими толчками поднималась в Генке радость. Он никогда не думал, что радость можно чувствовать так же, как боль, как тепло, как ветер.

Генка рывком поднялся и шагнул к воде. Она тихо качнулась навстречу, замочила кеды. Генка зачем-то тронул воду ладонью.

— Теплая...

Он боялся, что начнет говорить сейчас суетливо и много, как говорят чересчур обрадованные люди.

Но молчать тоже было нельзя.

— А жить где будешь, пока они ездят? У тетки? Давай лучше у меня.

— Да нет... — сказал Владик. — Я, наверное, у тети Тамары буду.

— У кого? — удивился Генка.

— Ну... у Илькиной мамы.

И, растерявшись от неожиданной догадки, Генка сначала спросил, а потом испугался своего любопытства:

— Слушай, а они поженятся, да? Твой отец и... тетя Тамара...

Владик помолчал, а Генка в эти секунды отчаянно сожалел, что сунулся с таким вопросом.

— Ну... я не знаю,— ответил наконец Владик.— То есть, наверно... Да.

Генка снова сел рядом. Совсем рядом. Надо было что-то сказать Владику.

— Она хорошая. Только строгая,— заметил Генка.

— Тетя Тамара? — изумленно сказал Владик.— Да что ты! Она совсем добрая. Ильяка уж ни капельки не слушается, от рук отбилась, козел несчастный.

Они оба засмеялись.

— Слушай, Владь... Значит, он будет у тебя как брат?

— Ильяка? Да... Значит, будет. Брат... Смешно, верно?

Все еще улыбаясь, Генка сказал:

— Ну, вот. Вы с отцом ему гайки подвинтите.

— Большим гаечным ключом,— серьезным голосом подтвердил Владик. И они засмеялись снова. Не из-за этой нехитрой шутки, а просто потому, что есть на свете

отчаянный горный козленок Ильяка, славный товарищ и братишка.

— Хлебнул он сегодня горя,— сказал Генка.

— Я только боюсь,— обеспокоенно сказал Владик.— Вдруг он догадается, что не было танкера?

— Но как? Как он догадается? Это же нельзя проверить! А мы не скажем никогда.

— Совсем никогда?

— Конечно.

— По-моему, потом можно,— возразил Владик.— Совсем потом. Когда он вырастет.

— Тогда можно,— согласился Генка.

Негромко протарахтел, поиграл огнями катер на середине темной воды. И ушел, мигая, к повороту. А когда о нем уже забыли, к берегу подкралась волна, вздыбилась у бетонной балки и с размаху окатила Владика и Генку.

Они не обиделись на волну. Они понимали, что это шутка. Будут еще не такие волны. Громовые и тяжелые. Те, от которых трещит обшивка кораблей. — Ладно. Пусть будут...

Конкурс красавиц

О красивом цветке говорят: «Будто яркая бабочка села на стебелек». О красивых бабочках говорят: «Будто цветы ожили и вспорхнули со стеблей». На последней странице обложки вы найдете портреты летающих цветов — прекраснейших бабочек нашей планеты.

У переливающейся золотом и бронзой бабочки «папилио преамус» размах крыльев — 147 миллиметров. Ее родина — Океания. Самое удивительное у этих бабочек — разнообразие окраски. Здесь изображена уроженка острова Батан. У ее родичей на острове Амбоин крылья изумрудно-зеленые, а на Соломоновых островах они синие с фиолетовым отливом.

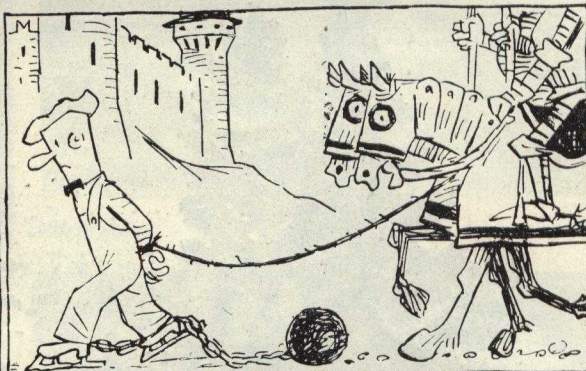
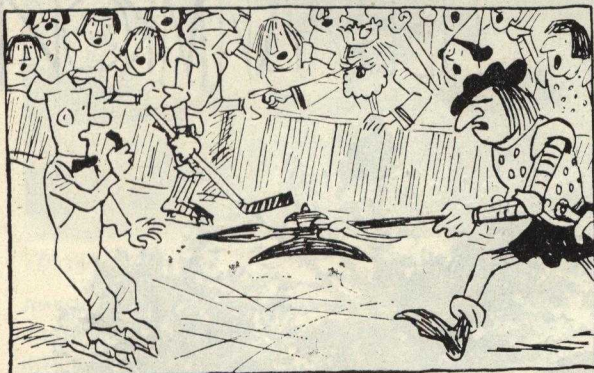
Если б среди бабочек устраивались конкурсы красоты, «папилио парадизея» заняла бы одно из первых мест не только по своей яркой окраске, но и по удивительно изящной форме своих матово-черных крыльев.

Обычно принято считать, что яркий наряд — свойство дневных бабочек, а ночные окрашены скромно, в серо-коричневые тона. Но вот перед вами южноамериканская красавица «урания лейлус» Линнея. «Урания лейлус» — прославленная путешественница. Из Венесуэлы, Тринидада и Гвианы огромные стаи «урании лейлус» долетают до Аргентины. Эти перелеты, как и у птиц, связаны с временами года. «Шильдия якобея» — тоже ночная бабочка. Живет в Бразилии и Аргентине. По размерам она не так уж велика. «Всего» 90 миллиметров. Но посмотрите, какие изумительные парчовые узоры украшают ее крылья!

«Аттакус эдвардсии» живет в глубоких долинах Гималаев, а ее родич «аттакус атлас» — в Индонезии и на Цейлоне. Это самые крупные бабочки на свете: у «аттакуса атласа» — 235 миллиметров в размахе крыльев, почти четверть метра!

Огромные эти, но хрупкие, нежные крылья легко ломаются, поэтому европейские ученые для музейных коллекций предпочитают выращивать «аттакусов» у себя дома, как садовники выращивают редкостные орхидеи. Это возможно потому, что, к счастью ученых, гусеницы «аттакуса» соглашаются есть некоторые из европейских растений, в то время как другие виды гусениц скорее будут умирать с голоду, чем съедят «не тот» листик...

СМЕХОТРОН и ПОЛИГЛОТ ПОПАДАЮТ В ПЕРЕПЛЕТ...

«Судью на мыло! — неожиданно крикнул король, хотя в то время еще никто не знал, что такое мыло. — Судью в подземелье!» — добавил он. И Смехотрона повели под конвоем. Очень плохо, когда сам король становится больщиком! Смехотрона и Полиглота посадили в мрачную средневековую темницу.

«Не успели они осмотреться, как в подземелье вошёл придворный алхимик, ученый колдун маг де Магог: „Уважаемые чужестранцы! Король повелел сварить какое-то мыло. Не знаете ли вы, что это значит? А если знаете, то не сообщите ли мне рецепт мыла?“»

«Пожалуйста», — ответили наши наивные отзывчивые путешественники и рассказали, как надо варить мыло. Маг де Магог тут же начал разводить огонь под большими котлами. Но в подземелье вошёл сам король со свитой: „Не варите, пожалуйста, из нас мыло. Мы покажем вам чудеса!“ — попросил Смехотрон.

Продолжение на стр. 73 и 79.

ПОД ШАПКОЙ — НЕВИДИМКОЙ

«Шапка-Невидимка» нужна фотоохотнику, чтобы укрыться, — об этом был наш разговор в прошлом номере.

Фоторужье нужно, чтобы снимать.

Записная книжка — чтобы в ней записывать.

Что записывать в записную книжку? Все. Например, свои мысли. Подумай только: в голову тебе пришла мысль, а ее некуда записать. Конечно, понадеешься на память и, конечно, все позабудешь. И получится так, будто мысль и в голову не приходила. Но согласишься: обидно иметь такую голову, в которую никогда не приходят мысли!

А если ты увидел что-нибудь такое, чего раньше никогда не видел? Или узнал, чего раньше не знал? Опять понадеешься на память, и опять память тебя подведет. И опять получится, будто ты ничего не видел, ничего не слышал и ничего не узнал. Спрашивается, зачем же ты тогда время терял?

Наблюдал, а наблюдений нет!

Видел, слышал, а что?

Узнавал, а что узнавал?

Думал, а о чем?

Это уже не дело. Это уже несерьезно!

Просто убийство времени. А время — это наша жизнь. Зачем же жизнь свою попусту сокращать?

Чтоб не случилась такая глупость, берите с собой записную книжку.

ТАНЕЦ «КОСАЧОК»

Танец «косачок» отплясывают косачи на току. В танце шесть главных фигур: «огляды», «вертуши», «подскоки», «наскоки» и «побегуши».

Все происходит так. Еще в темноте слетаются на ток косачи. В темноте и петь начинают. Но общее оживление начинается на восходе. Покажется красное солнце, и каждый осмотрится. Кто тут еще на току? Ага, на каждой кочке по косачу! А слева? А

справа? А позади? Других посмотрим, себя покажем. Это и есть первая фигура танца — «огляды».

Теперь несколько быстрых шажков вперед, и можно начинать «вертуши». Для этого надо склониться, вытянуть шею вперед, а хвост развернуть в лиру. Надо топтаться на месте и медленно поворачиваться вокруг. Пусть противник оценит тебя со всех сторон и по всем статьям: в профиль —

«Огляды».

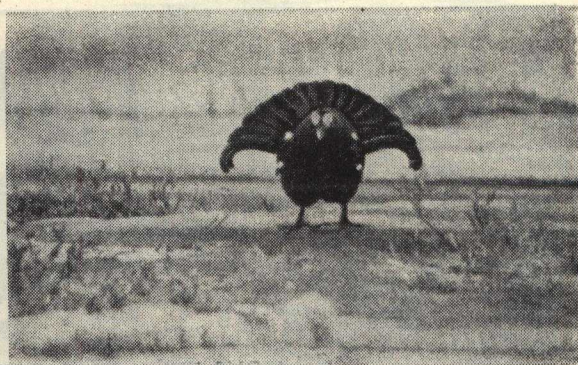
лихость крыла, анфас — крепость клюва, а сзади — закрученность лиры. Чем лира закрученней и пышней, тем сильнее и старше косач. И надо, конечно, петь: песню за песней, песню за песней!

Но кто их там разберет: видят меня или не видят? Может, собрались одни недотепы, сгруппа еще и не заметят! Чтоб все обратили внимание, исполню-ка я «подскок». Надо лихо подпрыгнуть вверх и громко прохлопать в крылья. Еще раз, еще! Ага, теперь все меня разглядели, все знают, что я тут и готов начать перепляс! Эй, сосед, уж не вздумал ли ты меня передразнивать? Я «вертуши» — и ты «вертуши», я «подскок» — и ты «подскок»! Что это значит?

Исполню-ка я «побегуши». Может, это тебя охладит? Клюв вперед, крылья чуть вниз, а хвост круто вверх. И быстрой пробежкой к нему. Ого, и у него «побегуши»? Тогда попытаем «подскок с повертушей». Подскок, поворот через плечо клювом к хвосту — и громкое, злое: «Чув-шиии!»

А сосед не боится! Собежъянничал и «подскок с повертушей» да еще и нагло крикнул: «Чув-шии!» Ну, нахал, заслужил ты «наскока»! Теперь, краснобровый, держись! И вот «побегуши» и с ходу «наскок». Выпад и отскок, как у бойца с рапирой: вперед и назад, назад и вперед! Сшиблись, как петухи, как в чехарде, один через другого. Наскок и отскок, наскок и отскок. Ага, испугался и побежал!

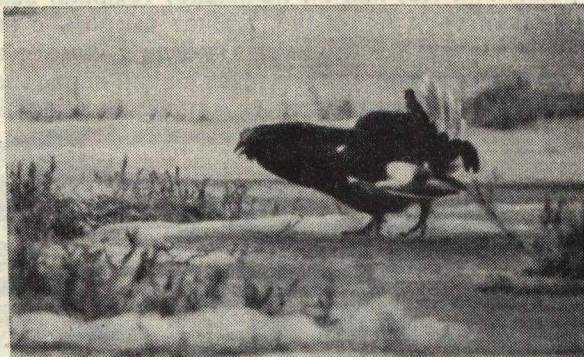
Трус бежит, спотыкаясь, подскакивает смешно и нелепо. Храбрец гонится сзади: только лапки мелькают, будто катит на велосипеде. Трус удрал, а храбрец на кочке исполняет танец победы. Тут и «огляды», и «побегуши», тут «вертуши» и разного фасона «подскоки». Танцует, пока солнце не припечет. А припечет — пора и червячка заморить.

«Вертуши».

«Наскок».

«Побегуши» и «чув-ши».

ГИБЕЛЬ «ТОРРИ КАНЬОН»

Юрий ГЛУХОВ

Рисунки Н. СТЕПАНОВА

В одно
прекрасное
утро

Острые рифы пропоролы дно судна, как консервную банку. Из пробоин медленно струились нефтяные потоки. Корабль напоминал истекающего кровью кита, выброшенного бурей на берег. «Торри каньон» — один из крупнейших в мире танкеров — погружался на дно. А его содержимое — сто восемнадцать тысяч тонн нефти (целое озеро!) — расплывалось в огромное маслянистое пятно. Ветер вытянул его и гнал к берегам Англии. Этот «нефтяной Гольфстрим» нес с собой неисчислимые беды...

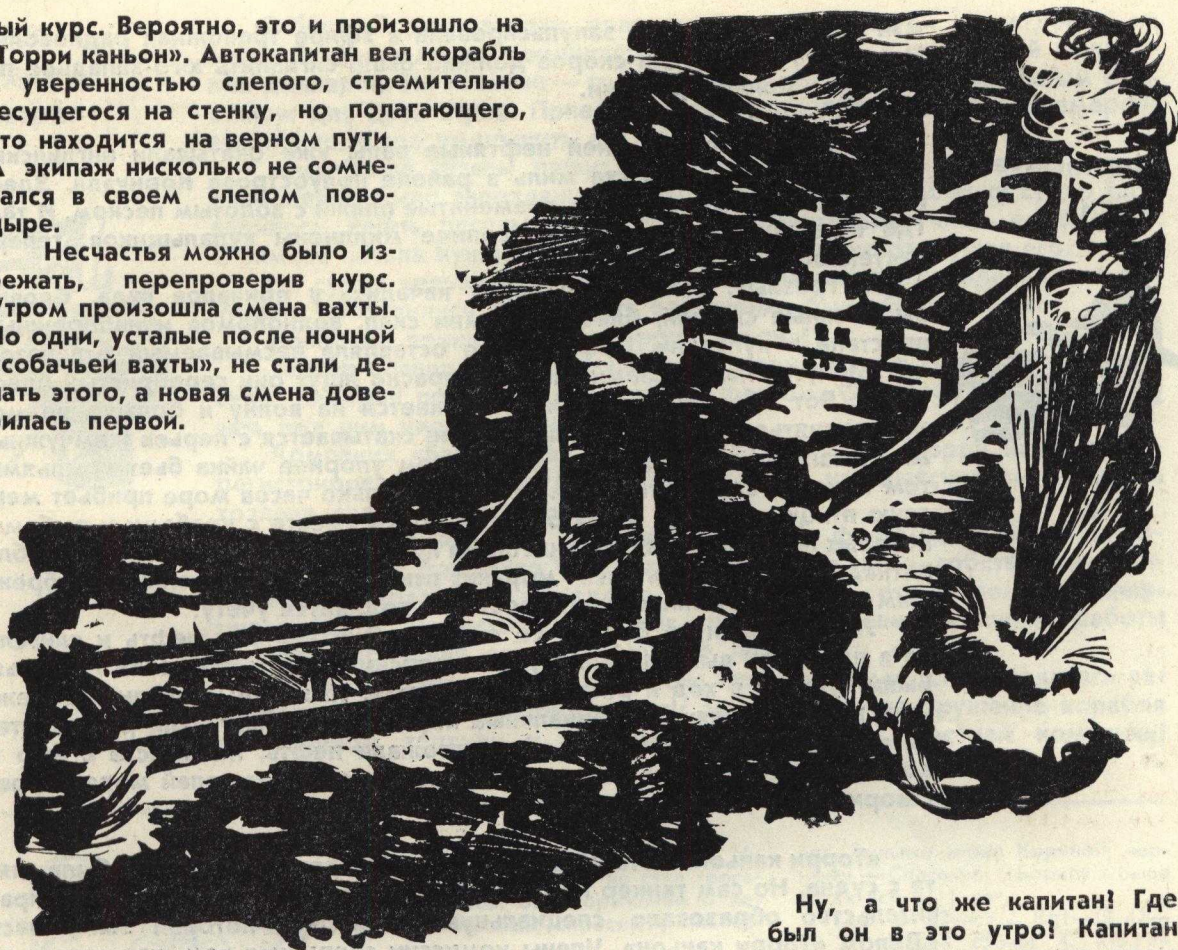
Трудно представить себе, что кораблекрушение могло произойти в это погожее мартовское утро. Метеосводка оправдала себя: дул легкий ветер, и в пределах восьми миль была отличная видимость. Как же случилось, что команда «Торри каньон» не заметила рифы «Семь камней», о которых было известно из навигационных карт?

Танкер находился на автоматическом управлении. Но, как ни печально, техника, заменяющая труд человека, может сыграть с ним злую шутку. Так случается, когда с самого начала сделан неверный расчет, задан неправиль-

ный курс. Вероятно, это и произошло на «Торри каньон». Автокапитан вел корабль с уверенностью слепого, стремительно несущегося на стенку, но полагающего, что находится на верном пути. А экипаж нисколько не сомневался в своем слепом поведении.

Несчастья можно было избежать, перепроверив курс. Утром произошла смена вахты. Но одни, усталые после ночной «собачьей вахты», не стали делать этого, а новая смена доверилась первой.

Ну, а что же капитан! Где был он в это утро! Капитан находился, как всегда, на своем капитанском мостике и наблюдал за морем. Добродушная волна терлась о борт корабля, а за кормой оставался белый бурун. Был прилив. Высокая вода предательски закрыла остроконечные копыя рифов. Все же капитан, как старый морской волк, должен был заметить, что в некоторых местах волны затормаживали свой бег, разбиваясь о невидимую преграду, а в других местах неожиданно вспенивалась водная гладь. Но капитан не заметил этого.

За тринадцать минут до катастрофы на английском сигнальном корабле, находившемся в двух с половиной милях от «Семи камней», заметили, что гигантское, тяжело нагруженное судно идет прямо на рифы. В небо взметнулась ракета. Но танкер не сбавил хода. Прошло пять минут. И новая ракета повисла в воздухе. Однако «Торри каньон», не меняя курса, по-прежнему шел на рифы. Еще пять минут. Прочертив белую дугу, незамеченной упала в море и третья ракета.

С напряженным вниманием, почти в оцепенении наблюдала команда судна-сигнальщика за разыгрывающейся драмой. «Торри каньон» неумолимо шел навстречу своей гибели, а экипаж сигнальщика был не в силах остановить его. Еще одно усилие: два красных квадрата на белом полотнище затрепетали на ветру. Это интернациональный сигнал, передающий латинскую букву «ш» («Вы находитесь в опасности»). Но все оказалось тщетным. Три минуты спустя последняя ракета взвилась ввысь, и в тот же момент «Торри каньон» на полном ходу взгромоздился на рифы. И уже с танкера, словно выведенного жестоким ударом из состояния дремоты, раздался сигнал бедствия. «Мэй дэй... мэй дэй...

мэй дэй»¹, — забилась, запульсировала в эфире тревожная радиоволна. Но теперь о бедствии скорее должно было сигналить юго-западное побережье Великобритании.

Мертвые чайки

Через несколько дней нефтяные валы уже окатывали английский берег на протяжении ста миль в районе полуострова Корнуэлл. Здесь находятся курортные места, знаменитые пляжи с золотым песком. И там, где еще недавно грелись на солнце миллионы купальщиков, теперь растеклось «черное золото».

В грязных, лоснящихся водах качались у причалов суда. Словно вымазанные смолой, блестели камни скал, волноломов и набережных, пристани и купальни. Нефть везде оставляла несмываемый отпечаток.

Мечутся над волнами чайки. Напрасно ищут они серебристый блеск рыбы. Вот обессиленная птица опускается на волну и больше не может подняться. Нефть не вода. Она не скатывается с перьев жемчужными брызгами, а прилипает к ним. И чем упорнее чайка бьет крыльями, тем тяжелее становится груз. Через несколько часов море прибьет мертвую птицу к берегу, и она будет качаться вместе с крабами и рыбами, которых постигла такая же участь. На корнуэльском побережье погибло пятнадцать—двадцать тысяч морских птиц. Ущерб, нанесенный прибрежным растениям и животным, просто не поддается учету.

Люди вышли на борьбу со стихией. Они черпали нефть и сливали ее в ямы. Они вылавливали руками морских птиц и отмывали их перья. Были пущены в ход и растворители нефти. Ими опрыскивали набережные, причалы, пляжи. Специальные корабли разбрызгивали растворители в море. Они действительно уничтожали нефть, но вместе с нею и все живое. Если нефть убивает тридцать из ста обитателей моря, то растворители — девяносто шесть.

«Торри каньон» потерпел крушение 18 марта. Его команда была снята с судна. Но сам танкер продолжал истекать нефтью. Английское правительство образовало специальную комиссию, которая занималась «Делом «Торри каньон»». Члены комиссии спорили о том, как спасти от загрязнения море и землю. А нефть продолжала заливать побережье.

Вначале решили снять танкер с рифов. Но насосы на судне не работали. Подходить к месту крушения опасно. Спасательные работы все откладывали, пока не стало слишком поздно. 26 марта танкер раскололся на две части. На следующий день от гиганта отвалился еще один кусок. Ничем не сдерживаемая нефть хлынула широким потоком.

Надо было принять экстренные меры. Самое лучшее — поджечь нефть. 28 марта появились военные самолеты. Они пронеслись над местом катастрофы на бреющем полете и сбрасывали напалмовые бомбы. Три дня продолжалась бомбежка.

Над морем поднялись густые, черные клубы дыма и оранжевое пламя. «Море синее горит, выбежал из моря кит», — написал когда-то в сказке Корней Чуковский. И сейчас море действительно горело. Но кит — «Торри каньон» — не выбежал из него. Его обгоревшие останки опустились на дно.

Трагедия на этом не кончилась. Нефтяные валы по-прежнему гуляли в открытом море. Теперь французские метеорологи гадали, не погонит ли их ветер в сторону Франции. Наблюдения последних пятнадцати лет говорили о том, что в это время года обычно дует юго-восточный ветер. Шансы на то, что он изменится на северо-восточный, дующий к Франции, были ничтожны. Но почти невозможное произошло. Французский берег постигла участь английского. Больше всего пострадали жители беднейшего района Франции — Бретани.

«Море синее горит»

¹ «Мэй дэй» — один из вариантов сигнала бедствия.

А что
будет
завтра?

Гибель «Торри каньон» оказалась самой дорогой катастрофой на море. Танкер с грузом оценивался в шестнадцать с половиной миллионов долларов. Но главное — то, что гибель его стала национальным бедствием для двух стран. Почему же трагедия достигла таких размеров? Можно ли было уменьшить ее?

Английские газеты пишут, что решение бомбить корабль и поджечь нефть было запоздалым. Кроме того, после бомбежки судно развалилось, нефть расплылась, и лишь незначительная часть ее сгорела. С самого начала нужно было поджечь корабль, не разрушая его.

Но судно нельзя было уничтожить без разрешения владельцев. А они упорно противились этому, хотя положение было безнадежным.

Кому же принадлежал «Торри каньон»?

Танкер плавал под либерийским флагом. Но это судно не либерийское. Либерия просто торгует своим флагом. Она продает право плавать под ним иностранным компаниям.

Компания «Барракуда», которой принадлежал «Торри каньон», зарегистрирована на Бермудских островах. Но, как выяснилось, истинные хозяева судна — американцы.

Так в мире капитала, маскируясь чужими флагами, охотятся за наживой дельцы большого бизнеса. Главное для них — собственные прибыли. Им безразлично, что где-то на протяжении сотен километров нефтяные волны захлестывают берег, неся опустошение, лишая работы рыбаков, причиняя огромный ущерб миллионам людей.

И не случайно в дни катастрофы люди невольно стали задавать себе вопрос: а что произойдет, если завтра случится крушение корабля на ядерном топливе и он будет принадлежать частной компании?

В стране шаха

Случай с Витей Серегиним

Шел Пешкин в редакцию и повстречал оруженосца шаха Витю Серегина. Бледный, расстроенный, еле плетется.

— Что случилось? — забеспокоился Пешкин. — Двойку получил?..

— Не двойку, а мат. В десять ходов проиграл, — ответил Витя, и голос его дрогнул. — Теперь я твердо решил: больше в шахматы не играю...

— Ишь ты какой, хочешь всегда выигрывать! — рассердился Пеш-

кин. — Так никогда не бывает. Ни один гроссмейстер не стал гроссмейстером без поражений и неудач. Хочешь, спросим у них самих?

Пешкин и Витя пришли в редакцию и стали звонить по телефону гроссмейстерам.

Что сказали гроссмейстеры

— Однажды я проиграл в четыре хода своему старшему брату, — ответил Пешкину экс-чемпион мира Михаил Таль. — Было мне тогда девять лет. Очень я рассердился и тоже решил: больше играть не буду. А потом передумал.

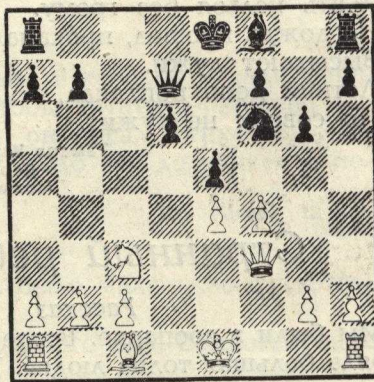
— Признаться, я даже заплакал, когда в восемь ходов проиграл турнирную партию. Было мне тогда двенадцать лет. — Это гроссмейстер Борис Спасский сказал. — Но такой мысли — шахматы бросить — мне и в голову не приходило. Твердо решил: буду играть лучше.

А у гроссмейстера Виктора Корчного такое мнение: «Кто проигрывать не умеет и сразу раскисает, тот и выигрывать не научится».

Есть теперь о чем подумать Вите Серегину. А пока он будет думать, посмотрите, ребята, партию, сыгранную почти двадцать лет на-

зад. Белыми играл Корчной, черными — Спасский. Борису было тогда всего 11 лет.

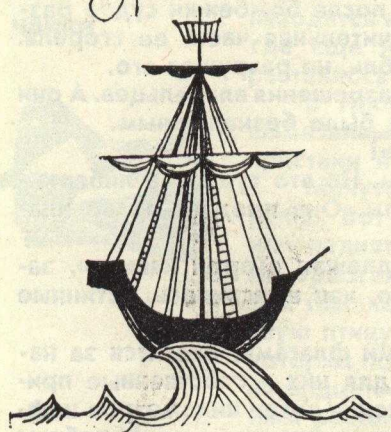
1. e2—e4 c7—c5 2. Kg1—f3 d7—d6 3. d2—d4 c5:d4 4. Kf3:d4 Kg8—f6 5. Kb1—c3 g7—g6 6. f2—f4 Cc8—g4 7. Cf1—b5+ Kb8—d7 8. Cb5:d7+ Фd8:d7 9. Фd1—d3 e7—e5 10. Kd4—f3 Cg4:f3 11. Фd3:f3.

Здесь черные ошибочно предложили размен ферзей, последовал неожиданный ход белых, и черным осталось только сдаться.

Найдите, как закончилась эта двенадцатиходовая партия. Пришлите Пешкину ваше решение.

Журнал
в
журнале

КОРДУК

печатает только тебя

Июньский день

Меж цветов, в траве густой,
Месяц движется шестой.
Месяцу шестому
Жить нельзя без грома.
Но дождь прошел, прокапал —
Высыхают лужи.
Летний день поплакал,
Но совсем не тужит.

Тамара Жаринова, 13 лет.
Деревня Згонники,
Московская область.

Странный ребенок

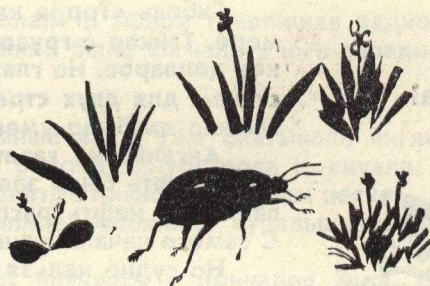
Рассказ

Мы были в зоопарке. Возле клетки страусов стояла большая толпа людей. У самой решетки расхаживал долгоязыый страус.

К клетке подошла старушка в платочке, с кошелкой в руках. Она достала из кошелки бублик, разломала его на куски и, протягивая на ладони страусу, приговаривала:

— Кушай, кушай, сынок!

Лена Печорская, 11 лет.
г. Москва.

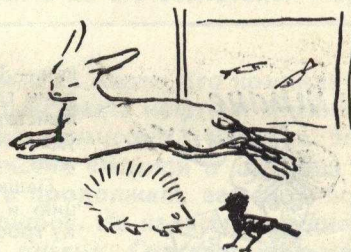

Жучок

Вдали золотится тропинка лесная,
Бежит по тропинке жучок,
Не знает жучок, что его я поймаю,—
Бежит и бежит на восток.

Вот я к жучку подошла уже близко
И говорю: «Пойдем со мной.
Дома есть у меня рыбки,
Ежик, зайчик и скворчик ручной».
И жучок побежал за мной.

Ира Виноградова, 12 лет,
г. Галич.

Рисунки к этому номеру сделала Наташа Шаховская.

Ей 14 лет,
она учится в московской школе.

Поэт

Мама сидела,
А папа читал,
Я, как поэт, стихи сочинял.

Гена Бояринцев, 11 лет,
поселок Клетский,
Волгоградская область.

Мальва

Мальва! Есть такой цветок,
Очень яркий лепесток!
Только ветер налетает —
Мальва листья опускает.

Таня Мельницкая, 11 лет,
г. Москва.

„КОРАБЛИКА.“

Только то стихотворение будет удачным, в которое вкладываешь чувство радости, горя, ликования. Надо, чтобы читатель пережил все чувства, которые волновали поэта, когда он писал стихотворение.

По-моему, если писать по-настоящему, надо все до тонкости понимать.

Оля Рогова, 12 лет,
г. Тавда.

В 1964 году я читал «Мурзилку». Там было маленькое стихотворение, не помню названия.

В 1966 году оно вспомнилось, и я послал его вам. Стихотворение английское, перевод Маршака.

Мне очень стыдно. Теперь все знают, что я лгун, и не верят мне больше.

Миша Занфирков, 11 лет,
ст. Бессарабская,
Молдавская ССР.

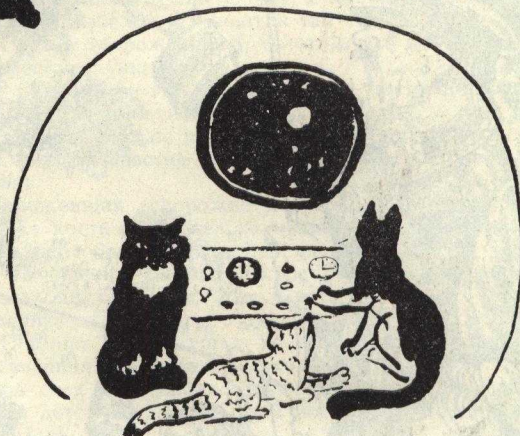
Мы рады, что Миша понял свою ошибку, — раз понял, значит, не повторит. И, значит, все снова будут ему верить.

Редакция «Кораблика».

Кошки в космосе

Кошки в космос полетели,
Разобрались еле-еле,
Где луна, а где звезда.
Кошкам в космосе беда:
Мышки нет там ни одной!
— Где же, где же шар земной?
Прихватить бы нам с Земли
Сотню мышек для еды.

Гая Каткова, 11 лет,
г. Сумгаит.

Летали по небу две капли-сестры,
Смотрели на землю с большой высоты.
Однажды их мама — серая тучка
Взяла другую тучку за ручку —
Все капли столкнулись, тяжелые стали
И дождиком мелким на землю упали.

Саша Пятенко, 11 лет,
г. Сухой Лог.

П.Д.ТРАВЕРС

МЭРИ ПОППИНС

Перевел с английского
Борис ЗАХОДЕР.

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО.

Змей

тро было чудесное — такое утро, когда все на свете блестит и сияет чистой, словно ночью во всем мире сделали генеральную уборку.

Четкие тени вишневых деревьев аккуратно лежали поперек переулка; окна домов вспыхивали и мигали: уже открывались ставни и жалюзи. Но нигде не было слышно ни звука, только звенел колокольчик Мороженщика, катавшего свою тележку взад и вперед.

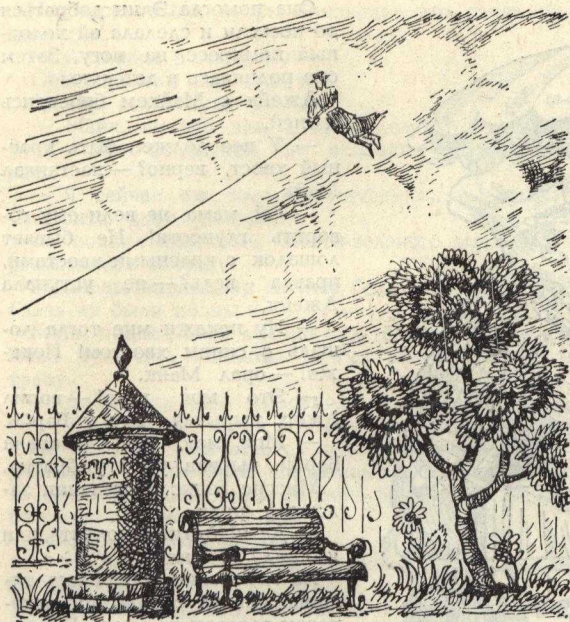
— Не проходи мимо! Попробуй! — гласил транспарант, укрепленный на тележке.

И вот из-за угла появился Трубочист и поднял черную, измазанную сажей руку.

Мороженщик со звоном подкатил к нему.

— На пенни! — лаконично сказал Трубочист.

Продолжение. Начало смотри «Пионер» №№ 3, 4, 5, 6.

Он оперся на свои метелки и стал вылизывать мороженое кончиком языка. Когда вафельный стаканчик опустел, он завернул его в платок и спрятал в карман.

— Вы не едите вафель? — спросил Мороженщик, очень удивленный.

— Нет. Я собираю коллекцию, — сказал Трубочист. Он собрал метелки и вошел в дом адмирала Бума через парадную дверь: ведь черного хода там в отличие от дома мисс Ларк не было...

Мороженщик снова покатила свою тележку по переулку, не переставая звенеть в колокольчик и переходя из света в тень...

— Странно, — пробормотал он, — никогда тут не бывало так тихо!

И в тот самый миг, когда он оглянулся в поисках покупателей, из Дома Номер Семнадцать донесся громкий крик.

Мороженщик поспешно покатила туда свою тележку.

— Сил моих нет! Никаких сил больше нет! — кричал мистер Бэнкс, бегая в ярости от парадной двери к лестнице.

— Что случилось? — испуганно спросила миссис Бэнкс, выбегая из столовой. — Что это ты там лягаешь? Мистер Бэнкс снова изо всех сил лягнул ногой, и что-то черное покатилося вверх по лестнице...

— Моя шляпа, — сквозь зубы проворчал он. — Мой парадный котелок!

Он взбежал на лестницу и снова наподдал шляпу ногой; она повертелась минутку между прутьями перил и упала к ногам миссис Бэнкс.

— Котелок не в порядке? — встревоженно спросила миссис Бэнкс.

Про себя она беспокоилась, все ли в порядке с мистером Бэнксом.

— Посмотри — увидишь! — проревел он.

Миссис Бэнкс, дрожа, наклонилась и подняла шляпу.

Весь котелок был покрыт большими пятнами; они были липкие и чем-то пахли.

Миссис Бэнкс понюхала поля шляпы.

— Пахнет гуталином, — сказала она.

— Это и есть гуталин! — рявкнул мистер Бэнкс.

Робертсон Эй почистил мне шляпу обувной щеткой! Навакисл мой котелок!

У миссис Бэнкс от ужаса вытянулось лицо.

— Бог знает что творится в этом доме! — продолжал мистер Бэнкс. — Все кувыркот! Все вверх тормашками! Вода для бритья слишком горячая, кофе холодный! А теперь еще это!

Он вырвал шляпу из рук миссис Бэнкс и схватил свой портфель.

— Я ухожу! — объявил он. — И не знаю, вернусь или нет! Скорей всего я надолго отправлюсь в заморские края!

Тут он нахлобучил шляпу, с грохотом хлопнул дверью и выбежал из калитки так стремительно, что сбил с ног Мороженщика, который все это время с интересом слушал их разговор.

— Сам виноват! — сварливо сказал мистер Бэнкс. — Нечего тут торчать!

И он помчался по переулку в Сити, и его начищенный котелок блестел на солнце, словно драгоценный камень.

Мороженщик осторожно поднялся и, убедившись, что все кости целы, сел на край тротуара и вознаграждал себя большой порцией пломбира...

— О боже! — сказала миссис Бэнкс, когда калитка захлопнулась. — Это так и есть. Все у нас вверх тормашками! То одно, то другое. С тех пор, как Мэри Поппинс от нас ушла, не сказав ни здрасте, ни до свидания, все идет кувыркот!

Она села на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей в детскую, достала свой носовой платок и расплакалась.

И, плача, она припоминала все, что произошло с того дня, когда Мэри Поппинс так неожиданно и таинственно исчезла.

Вскоре после ее ухода появилась няня Грин и ушла, не прожив и недели, потому что Майк плюнул на нее. Ее сменила няня Браун, которая как-то днем пошла погулять и исчезла. И только спустя долгое время они обнаружили, что вместе с ней исчезли все серебряные ложки.

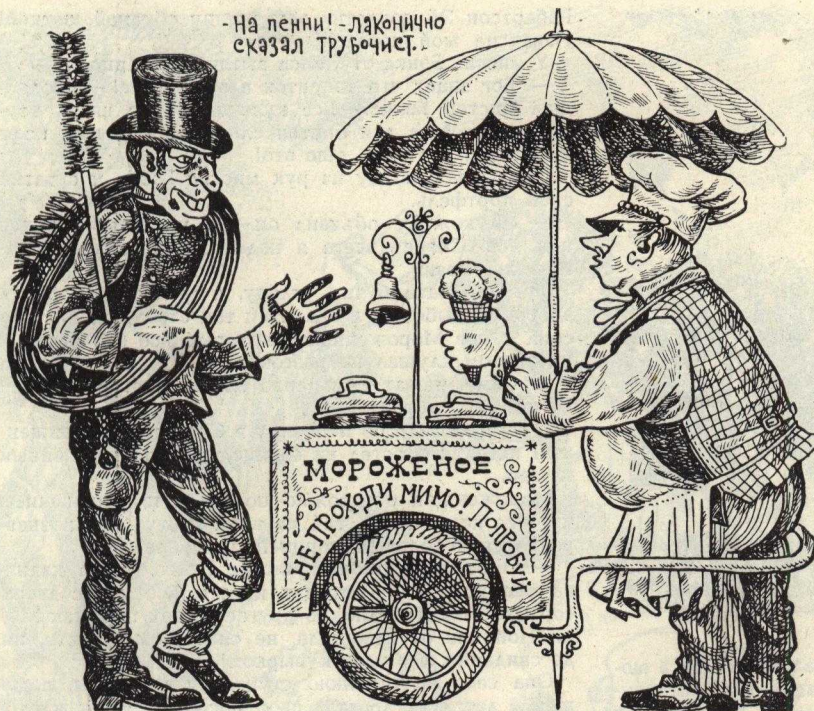
Затем появилась мисс Квигли, гувернантка, с которой пришлось расстаться, потому что она имела обыкновение по утрам — до завтрака! — по три часа играть гаммы, а миссис Бэнкс не особенно любила музыку.

— А потом, — всхлипывала миссис Бэнкс в платочек, — потом у Джейн была корь, и лопнул душ в ванной, и морозом побил вишни, и...

— И он помчался по переулку в Сити.

- На пенни! - лаконично
сказал Трубочист.

— Простите, мэм!
Миссис Бэнкс подняла глаза и увидела миссис Брилл, кухарку.

— В трубе на кухне сажа горит! — мрачно объявила миссис Брилл.

— О господи! Только этого не хватало! — закричала миссис Бэнкс. — Скажите Робертсону Эй, пусть он погасит! Где он?

— Спит, мэм, спит в шкафу. А когда этот парень спит, его не разбудит никто на свете, разве что землетрясение или целый полк барабанщиков! — говорила миссис Брилл, идя за миссис Бэнкс в кухню.

Кое-как им удалось погасить огонь самим, но злоключения миссис Бэнкс на этом не кончились.

Не успела она позавтракать, как на лестнице раздался страшный стук, грохот и звон.

— Что там еще? — выскочила из-за стола миссис Бэнкс, спеша к месту происшествия.

— Ой, нога, нога! — вопила Элин, горничная. — Что со мной будет!

Она сидела на ступеньке среди горы разбитой посуды и громко стонала.

— А что с ней такое? — раздраженно спросила миссис Бэнкс.

— Сломала! — слабым голосом сказала Элин, приклоняясь к перилам.

— Глупости, вы растянули щиколотку, вот и все. Но Элин застонала еще громче.

— Я сломала ногу! Что же со мной, бедной, будет! — повторяла она, рыдая.

В этот момент из детской донеслись пронзительные вопли Близнецов. Они передрались из-за синей целлулоидной уточки. Их писк звучал на фоне яростного спора Майка с Джейн, которые рисовали на обоях и поссорились из-за того, какой хвост нарисовать зеленой лошадке — красный или синий.

— Ну, — сказала миссис Бэнкс, бросаясь на лестницу, — это последняя капля!

Она помогла Элин добраться до постели и сделала ей холодный компресс на ногу. Затем она поднялась в детскую.

Джейн с Майком бросились к ней.

— У нее должен быть красивый хвост, верно? — настаивал Майк.

— Ой, мама, не вели ему говорить глупости! Не бывает лошадок с красными хвостами, правда, ведь? — не уступала Джейн.

— Ну покажи мне тогда лошадь с синим хвостом! Покажи! — орал Майк.

— Это моя утка! — вопил Джон, вырывая утку у Барби.

— Моя, моя, моя! — пищала Барби, вырвав утку у братца. Миссис Бэнкс в отчаянии заломила руки.

— Дети! Дети! Замолчите, или я сойду с ума!

На мгновение воцарилась тишина. Ребята с большим интересом глядели на маму. Правда она сойдет с ума? И какая она тогда станет?

— Ну вот, — сказала миссис Бэнкс. — Я не терплю такого поведения! Бедная Элин повредила щиколотку, так что за вами смотрите некому.

Отправляйтесь в парк и играйте там до чая. Джейн и Майк, вы должны присматривать за малышами. Джон, отдай утку пока Барби, а перед сном получишь ее обратно. Можешь взять с собой своего нового змея, Майк. А теперь надевайте шапки и отправляйтесь!

— А я хочу дорисовать лошадку, — упрямо начал Майк.

— Зачем нам идти в парк! — жалобно захныкала Джейн. — Там нечего делать!

— Затем, — отвечала миссис Бэнкс, — что мне необходимо покой! И если вы сейчас же пойдете и будете хорошо себя вести, у нас к чаю будет кокосовый торт!

И прежде чем успел разразиться новый взрыв, она нахлобучила на ребят шапки и согнала весь выводок вниз.

— Осторожнее переходите через дорогу! — прокричала она вслед, когда ребята выходили из калитки.

Джейн катила коляску, Майк нес своего змея. Ребята посмотрели налево — никого и ничего.

Они посмотрели направо — тоже никого, кроме Мороженщика, звонившего в свой колокольчик в другом конце переулка.

Джейн помчалась через дорогу. Майк следом.

— Что это за жизнь! — пожаловался он своему змею. — Все всегда плохо!

Джейн докатила коляску до пруда и остановилась.

— Ну-ка, — сказала она, — дайте мне уточку! Малыши завопили и вцепились в утку изо всех сил. Джейн с трудом разжала их пальцы.

— Смотрите, — сказала она, опустив утку в пруд. — Смотрите, крошки, она поплыла в Индию!

Утка важно плыла по волнам. Близнецы смотрели на нее и ревели. Джейн бежала пруд, поймала утку и отправила ее в обратный рейс.

— А теперь она плывет в Англию!

Непохоже было, чтобы близнецов это очень развеселило.

— А теперь в Америку!

Они заревели еще громче.

Джейн всплеснула руками.

— Майк, ну что нам с ними делать? Отдать им утку — они подерутся, не отдавать — будут хныкать!

— Я сейчас им змея запущу! — сказал Майк. — Смотрите, дети, смотрите!

Он поднял красивого желто-зеленого змея и стал разматывать бечевку.

Близнецы наблюдали за ним без особого интереса. Глаза их были полны слез.

Майк поднял змея высоко над головой и побежал. Змей чуть-чуть подлетел и тут же шлепнулся на траву.

— Давай еще раз! — ободрила брата Джейн.

— Ты поддержи, когда я побегу, — сказал Майк.

На этот раз змей взлетел немного повыше. Но его длинный, украшенный кисточками хвост зацепился за ветки большой липы; бечевка запуталась, и змей бессильно повис на дереве.

Близнецы громко завывали.

— О господи! — сказала Джейн. — Ничего сегодня не получается!

— Эй, эй, эй! Что это такое? — прозвучал сзади строгий голос. Ребята обернулись и увидели Паркового Сторожа в красном форменном кителе и фуражке. Он подбирал разбросанные бумажки, нанизывая их на свою остроконечную палку.

Джейн показала на липу. Сторож поглядел вверх, и лицо у него стало очень строгое.

— Ай, ай, ай! Вы нарушили правила. Это никуда не годится! Разве вы не знаете: здесь сорить не разрешается! Ни на земле, ни на деревьях!

— Это не сор, — сказал с возмущением Майк. — Это змей!

Сторож подошел поближе к липе и вдруг расплылся в радостной, добродушной, даже чуть глуповатой улыбке.

— Верно, змей! А я, ребята, очень-очень давно не пускал змея — с тех пор, как был мальчиком!

Он мигом влез на дерево и спустился, осторожно держа змея под мышкой.

— Сейчас запустим, — сказал он радостно, — намотаем бечевочку, и он у нас ого-го как полетит!

Он протянул руку за катушкой.

Майк крепко стиснул катушку в руке.

— Спасибо, я сам хочу запустить.

— Давай вместе, а? — просительно сказал Сторож. — Я ведь его тебе достал, не забудь. И я не пускал змея с тех пор, как был мальчиком!

— Ладно, — сказал Майк, не желая показаться жадиной.

— Вот спасибо! — обрадовался Сторож. — Значит, я возьму змея и отойду на десять шагов по газону. А когда я скажу «пошел», ты побежишь. Идет?

Сторож двинулся, вслух считая шаги.

Восемь, девять, десять...

Он обернулся и поднял змея над головой.

— Пошел! — крикнул он.

Майк пустился бегом.

Бечевка крепко натянулась, и катушка завертелась в его руке.

— Пошел! — повторил сторож.

Майк обернулся. Змей стремительно набирал высоту. Он, как ракета, все выше и выше поднимался в небо, шелкая хвостом.

Сторож вытаращил глаза.

— В жизни не видел такого змея, даже когда был мальчиком! — пробормотал он.

Тут легкое облачко на мгновение закрыло солнце. И вдруг оно стало приближаться.

— Оно летит прямо к нашему змею! — взволнованным шепотом сказала Джейн.

А змей все поднимался, стремительно и уверенно. Вот он стал уже еле заметным темным пятнышком в небесах. Облако не спеша двигалось к нему.

Ближе, ближе...

— И все! — сказал Майк, когда пятнышко исчезло за тонкой серой завесой.

Джейн слегка вздохнула. Наступила странная тишина. Даже Близнецы тихо сидели в коляске. Только бечевка рвалась у Майка из рук, словно сиюминутно связавшись воедино небо и землю.

Долго ребята, затаив дыхание, ждали, когда змей покажется снова.

Наконец Джейн не выдержала.

— Майк! — крикнула она. — Тащи! Тащи обратно!

Майк перевернул катушку и сильно потянул бечевку. Она не поддавалась. Он дергал и дергал, пытая и отдуваясь.

— Не могу, — сказал он. — Не идет!

— Давай помогу, — сказала Джейн. — А ну-ка.

Но, как они ни тянули, бечевка не уступала, и змей не выходил из-за облака.

— Дайте-ка мне! — сказал Сторож важно. — Когда я был мальчиком, мы делали вот так.

И он ухватил бечевку повыше руки Джейн и сильно дернул.

Казалось, бечевка слегка пошла.

— А ну, все вместе взяли!

Сторож сбросил фуражку, Джейн и Майк крепко уперлись ногами в землю, и все принялись тянуть изо всей мочи.

— Идет! — пропыхтел Майк.

Внезапно бечевка ослабла, маленькая, верткая фигурка пробила облако и плавно пошла вниз.

— Наматывай! — рявкнул Сторож Майку.

Но бечевка уже сама собой наматывалась на катушку. Все ниже спускался змей, отплясывая в воздухе какой-то дикий танец.

Джейн ахнула.

— Там что-то не так! — крикнула она. — Это не наш змей! Совсем другой!

Они вгляделись. Змей из желто-зеленого превратился в темно-синий!

И тут ахнул Майк.

— Джейн! Джейн! — завопил он. — Это совсем не змей. Это как будто... ой, по-моему, это...

— Майк, тащи, тащи скорей! — задыхался Джейн. — А то я умру!

У них были все основания взволноваться.

Хотя неизвестный предмет, снижавшийся вместо змея по бечевке, парил еще выше самых высоких деревьев, уже можно было различить странно знакомые очертания человеческой фигуры...

— Ай, ай, ай! Вы нарушили правила. Это никуда не годится!

...Темно-синее пальто...
 ...Соломенную шляпку...
 ...Зажатый под мышкой зонтик...
 ...Ковровую сумку...
 — Ой! — ликующе закричала Джейн. — Это она!
 — Я так и знал! — заорал Майк, дрожащими от волнения руками сматывая бечевку.
 — Мамочка! — пробормотал Сторож, из всех сил протирая глаза. — Мамочка!

...Вот блеснули серебряные пуговицы... Стало видно, как качаются цветы на шляпке... И наконец солнце осветило хорошо знакомые черты: блестящие синие глаза, курносый нос и угольно-черные, как у деревянной куклы, волосы.

И когда фигура аккуратно и плавно опустилась под липой, на дужайке, никаких сомнений не оставалось.

Ребята опрометью кинулись туда.

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! — кричали они. Оба мгновенно повисли на ней.

Близнецы в коляске кричали, как петухи на заре. Сторож то открывал, то закрывал рот, словно хотел что-то сказать, но не находил слов.

— Ой! Наконец! Наконец! — вопил, как зарезанный, Майк, обнимая то ее руку, то сумку, то зонтик — все, до чего он мог дотянуться. Ему так нужно было почувствовать, что это действительно она!

— Мы знали, что вы вернетесь! Мы нашли письмо с ОРЕВУАРОМ! — кричала Джейн, из всех сил обнимая синее пальто.

Довольная улыбка осветила на мгновение лицо Мэри Поппинс. Улыбнулись и рот, и нос, и синие глаза. Но только на мгновение.

— Вы меня очень обяжете, — сказала она, высвобождаясь из ребячих рук, — если вспомните, что находитесь в общественном месте. Это городской парк, а не зоопарк! Как вы себя ведете? И где, пожалуйста, спросить, ваши перчатки?

Ребята принялись лихорадочно шарить в карманах.

— Хмф! Наденьте их, будьте любезны!

Дрожа от счастья и волнения, Джейн и Майк натянули перчатки и надели шапки.

Мэри Поппинс подошла к коляске. Близнецы радостно заворковали, когда она устроила их поудобнее.

Она оглянулась.

— Кто пустил утку в пруд? — спросила она строгим, суровым голосом, который они так хорошо знали.

— Это я, — сказала Джейн. — Для Близнецов. Она плывет в Америку.

— Тогда потрудись вытащить ее. Она плывет не в Америку — или как ее там зовут, — а домой пить чай.

И, перебросив свою котовую сумку через ручку коляски, она покатила Близнецов к выходу из парка.

Сторож загородил ей дорогу. К нему наконец вернулся дар речи.

— Эй, вы, послушайте! — сказал он, глядя на нее во все глаза. — Мне придется написать рапорт! Это против правил. Тут запрещено сваливаться с неба! Откуда вы взялись, хотел бы я знать, а?

Он осекся: Мэри Поппинс смерила его таким взглядом, что ему сразу захотелось быть где-нибудь в другом месте.

— Если бы я была Парковым Сторожом, — сказала она с достоинством, — я бы надела фуражку и застегнула китель. Простите.

И, надменно отстранив его жестом, она проследовала дальше.

Сторож, покраснев, нагнулся за своей фуражкой.

— Мы знали, что вы вернетесь! Мы нашли письмо с ОРЕВУАРОМ!

А когда он вновь поднял глаза, Мэри Поппинс и ребята уже скрылись в воротах Дома Номер Семнадцать.

Сторож посмотрел на дорожку. Потом на небо. Потом опять на дорожку.

Он снял фуражку, почесал в затылке и снова надел ее.

— Ни в жизни ничего подобного не видел! — сказал он, запинаясь. — Даже когда я был мальчиком!

И он удалился в растерянности, продолжая что-то бормотать.

✱

— Мэри Поппинс, вы ли это?! — встретила ее в прихожей миссис Бэнкс. — Откуда вы взялись? Из голубой дали?

— Да, да, — начал было Майк весело, — она спустилась на...

Он осекся, потому что Мэри Поппинс бросила на него уничтожающий взгляд.

— Я встретила их в парке, мэм, — сказала она, обращаясь к миссис Бэнкс, — и привела их домой.

— Вы собираетесь, следовательно, оставаться у нас?

— В настоящее время да, мэм.

— Понимаете ли, Мэри Поппинс, в прошлый раз вы ушли от нас, не сказав ни здравств, ни до свидания. Откуда я могу знать, что вы этого опять не делаете?

— Не можете, мэм, — спокойно согласилась Мэри Поппинс.

Миссис Бэнкс опешила.

— Но... но вы ведь больше не уйдете так? — неуверенно спросила она.

— Не могу сказать заранее, мэм.

— О! — сказала миссис Бэнкс, потому что ничего лучшего в данную минуту она придумать не смогла.

И прежде чем она пришла в себя от изумления, Мэри Поппинс взяла свою котовую сумку и повела ребят наверх.

Миссис Бэнкс проводила их взглядом. Дверь детской тихо закрылась. Тогда, с облегчением вздохнув, она побежала к телефону.

— Мэри Поппинс вернулась! — радостно сказала она в трубку.

— Правда? — сказал мистер Бэнкс на другом конце провода. — Тогда, пожалуй, я тоже вернусь.

И он положил трубку.

Мэри Поппинс сняла пальто и повесила его на крючок у двери спальни. Затем она сняла шляпку и аккуратно поместила ее на спинку кровати.

Ребята наблюдали за этой знакомой процедурой. Все было точь-в-точь как всегда. Им уже не верилось, что она куда-то отлучалась.

Вот Мэри Поппинс наклонилась и открыла кованую сумку.

Сумка была совершенно пуста, если не считать большого термометра.

— Это для чего? — с любопытством спросила Джейн.

— Для тебя! — сказала Мэри Поппинс.

— Я же не больная! — возмущилась Джейн. — У меня корь уже два месяца как прошла!

— Открывай! — сказала Мэри Поппинс таким голосом, что Джейн немедленно закрыла глаза и открыла рот. И градусник немедленно скользнул туда. В Англии всегда так ставят термометры.

— Я хочу знать, как ты вела себя в мое отсутствие, — строго сказала Мэри Поппинс.

Она вытащила градусник и поднесла его к свету. — Легкомысленная и неаккуратная, — прочитала она.

Джейн широко открыла глаза.

— А я ничуть не удивлена! — сказала Мэри Поппинс и поставила градусник Майку. Вытащив его, она прочла:

— Большой шалун и озорник!

— Неправда! — сказал Майк сердито.

Мэри Поппинс вместо ответа сунула ему градусник под самый нос, и он прочел по складам:

— БОЛЬ-ШОЙ-ША...

— Видишь? — торжествуя поглядела на него Мэри Поппинс.

«Капризный и драчливый», — такова была температура Джона.

А когда проверку прошла Барби, градусник показал:

— Совершенно избалована!

— Хмф! — фыркнула Мэри Поппинс. — Пожалуй, я вернулась вовремя!

Наконец, она поставила градусник себе самой, подержала его одно мгновение и вытащила.

— ПОЛНОЕ СОВЕРШЕНСТВО ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ, — прочитала она, и самодовольная улыбка заиграла на ее лице. — Как и следовало ожидать, — сказала она гордо. — А теперь — чай и спать!

Ребятам показалось, что не прошло и минуты, а они уже выпили молоко, съели по куску кокосового торта и выкупались. Как обычно, все, что делала Мэри Поппинс, совершалось со скоростью света. Крючки и петли разлетались сами, пуговицы торопились расстегнуться, мыло и губка носились, как молнии, полотенце вытирало в один взмах.

Мэри Поппинс прошла по рядам кроватей, поправляя на ребятах одеяла. Ее накрахмаленный белый передник похрустывал, и от нее чудесно пахло свежеспожаренными гренками.

Подойдя к кровати Майка, она наклонилась и пошарила под ней. Через минуту она осторожно вытащила оттуда свою раскладушку, на которой аккуратно стопками было сложено все имущество Мэри: кусок туалетного мыла «Загар», зубная щетка, пакетик шпилек, флакон одеколона, складной стул и коробочка пастилок от кашля. Затем последовали семь фланелевых ночных рубашек, четыре бумажных, туфли, халаты, две купальные шапочки и альбом с открытками.

Джейн с Майком сидели в постелях и смотрели.

— Откуда же все это взялось? — не утерпел Майк. — Я, наверно, сто раз лазил под кровать, и я знаю — там ничего не было!

Мэри Поппинс ничего не ответила. Она начала готовиться ко сну.

Джейн с Майком переглянулись. Допытываться, конечно, было бесполезно: ведь Мэри Поппинс ничего никогда не объясняет...

Мэри Поппинс сняла крахмальный белый воротничок и расстегнула у себя на затылке замок шейной цепочки.

— А что там внутри? — поинтересовался Майк, разглядывая маленький золотой медальон, висевший на цепочке.

— Мэри Поппинс вернулась!

— Портрет.

— Чей?

— Узнаешь в свое время. Не раньше.

— А когда свое время придет?

— Когда я уеду!

Ребята уставились на нее испуганными глазами.

— Мэри Поппинс! — вскрикнула Джейн, — вы ведь никогда больше от нас не уедете, правда? Скажите, что правда!

Мэри Поппинс пристально посмотрела на нее.

— Хорошенькая у меня будет жизнь, — ответила она, — если я всю ее потрачу на вас!

— Но вы останетесь? — умоляла Джейн.

Мэри Поппинс подбросила медальон на ладони.

— Останусь, пока цепь не порвется, — сказала она кратко.

И, набросив на голову ночную рубашку, она начала под ней раздеваться.

— Тогда хорошо, — шепнул Майк сестре. — Я видел, цепочка очень крепкая.

Он ободряюще кивнул Джейн. Оба свернулись клубочками в постелях и лежали, наблюдая за таинственными действиями Мэри Поппинс в ее рубашечной палатке. И им вспоминался день ее прибытия в Вишневый переулок и все странные и удивительные приключения, которые случились потом: и как она улетела на зонтике, когда ветер

— Тогда, пожалуй, я тоже вернусь!

переменился; и долгие, долгие дни разлуки с ней; и ее сегодняшнее чудесное возвращение.

Вдруг Майк сел.

— Змей! — сказал он. — Где мой змей? Я совсем про него забыл!

Из ворота ночной рубашки показалась голова Мэри Поппинс.

— Змей? — сердито сказала она. — Что это за змей? Какой змей?

— Мой новый змей, желтый и зеленый и с кисточками! Ну, тот, на котором вы сегодня прилетели! По его бечевке!

Мэри Поппинс пристально посмотрела на него. Трудно было сказать, чего в этом взгляде было больше — удивления или гнева, но и того и другого было достаточно.

А голос ее, когда она заговорила, был еще страшнее взгляда.

— Если я тебя правильно поняла, — медленно прошептала она сквозь зубы, — ты сказал, что я спустилась откуда-то на веревке?

— Но ведь так и было! — запинался Майк. — Сегодня. Из облака. Мы вас видели.

— Значит, на веревочке? Как мартышка? Это — я, да? Так, Майкл Бэнкс?

Мэри Поппинс была в такой ярости, что, казалось, стала вдвое больше ростом. Огромная и страшная, она нависла над ним, ожидая ответа.

Майк для храбрости вцепился в простыню.

— Майк, молчи! — шепнула Джейн предостерегающе. Но он зашел слишком далеко.

— Ну, тогда где мой змей? — сказал он отважно. — Если вы не спустились... мм... так, как я говорил, где тогда мой змей? Его не было на бечевке.

— Ага! А я, значит, была? — насмешливо спросила она.

Майк понял, что продолжать бесполезно. Все равно ничего не добьешься. Он сдался.

— Н-нет, — сказал он тоненьким голоском. — Нет, Мэри Поппинс.

Она отвернулась и выключила свет.

— Твои манеры, — заметила она сухо, — не улучшились со времени моего отъезда. На веревочке! Еще чего не хватало! Меня в жизни так не оскорбляли! Никогда!

И свирепым движением руки она раскрыла постель и улеглась, укрывшись с головой одеялом.

Майк лежал очень тихо, все еще вцепившись в простыню.

— Джейн! — шепнул он наконец. — Ведь она правда спускалась. Правда. Мы ведь сами видели.

Джейн вместо ответа показала на дверь спальни. Там на крючке висело пальто Мэри Поппинс. Серебряные пуговицы его блестели в слабом свете ночника. А из кармана свешивалась длинная веревка с кисточками. Это был хвост змея, желто-зеленого змея.

Ребята долго, молча рассматривали ее.

Потом они кивнули друг другу. Они знали — тут ничего не скажешь. В Мэри Поппинс было что-то такое, чего им никогда не понять. Но она была тут, с ними: Это было самое главное.

С раскладушки доносилось к ним ее ровное дыхание.

На душе у них было хорошо, мирно и спокойно.

— Джейн! Ладно, пусть у нее будет синий хвост! — шепнул Майк.

— Нет, что ты! — шепнула Джейн в ответ. — По моему, ты прав — красный гораздо лучше.

И после этого в детской было слышно только спокойное, сонное дыхание.

— П-п! Пуф! — говорила трубка мистера Бэнкса.

— Клик-клик! — говорили спицы миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс поставил ноги на каминную решетку и слегка свистнул носом.

Спусти некоторое время миссис Бэнкс заговорила:

— Ты все еще думаешь о заморских краях?

— А? Ммм, да нет. Я довольно плохой моряк.

И шляпа моя в полном порядке. Чистильщик на углу наваксил ее, и она выглядит как новая. Даже лучше. Кроме того, раз Мэри Поппинс вернулась, вода для бритвы будет как раз нужной температуры.

Миссис Бэнкс улыбнулась про себя и продолжала вязать.

Она была очень рада, что мистер Бэнкс такой плохой моряк и что Мэри Поппинс вернулась.

На кухне миссис Брилл меняла повязку Элиан.

— Не сказать, чтобы я ее очень обожала, — говорила миссис Брилл, — но врать не стану: дом стал совсем другой сегодня. Тихо, как в воскресенье, и чистота — все блестит, как денежка. Я не против, что она вернулась.

— Да и я тоже! — сказала Элиан.

Но что обо всем этом думала Мэри Поппинс — никто никогда не узнал: ведь она держала свои мысли про себя и никогда никому ничего не говорила...

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Красные следопыты нашли уникальный документ гражданской войны — шифровку на бересте! Ты видел этот документ на 18-й странице журнала.

А пытался ли расшифровать его?

Теперь проверь себя — вот подлинный текст шифровки.

Наши решения:

Мы, сторонники Советской власти, собравшись на тайное совещание, решили:

а) Воцарившейся эсэро-белогвардейской власти не подчиняться.

б) Тайно организовать и повести среди крестьян разъяснение, что только партия большевиков во главе с великим вождем трудящихся Лениным В. И. вывели нас из мировой бойни и выведут к лучшей жизни.

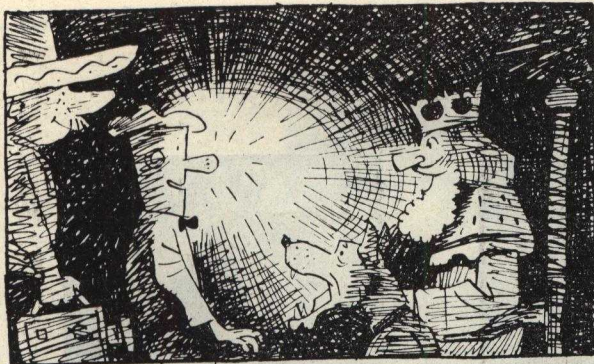
в) Разоблачать предателей эсэров, которые на сло-

вах за трудящихся, а на деле совместно с богачами — эксплуататорами, золотопогонниками и интервентами душат свободу.

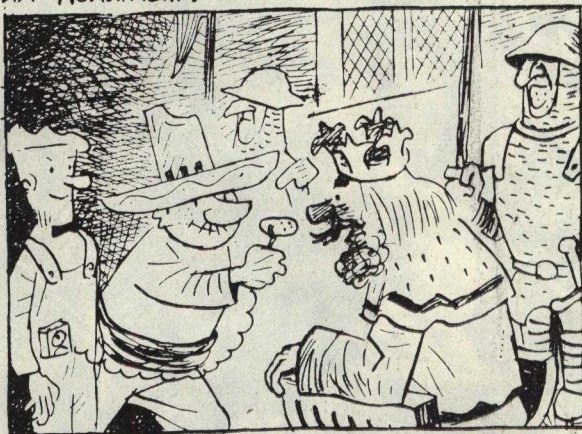
г) Мы, фронтовики, умеем владеть оружием, а товарищ Ленин и партия большевиков открыли нам глаза, против кого направить нам оружие. Будем готовиться к вооруженному восстанию за Советскую власть.

5 июля 1918 года

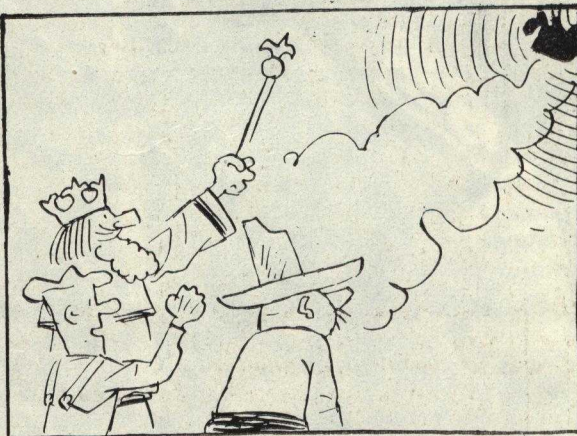
Присутствовали 9 человек. Пункт «Горная тайга».

«Ну что ж, показывайте», — смилостивился король. «Но сначала надо погасить огонь и факелы» — сказали пленники. Когда стало темно, Смехотрон зажег невиданный до сих пор свет. «А теперь я сделаю за несколько минут портреты короля и вельмож» — попросил Полиглот.

• Все были поражены удивительным искусством портретиста Полиглота. Но чужестранцы попросили короля сказать в маленькую коробочку несколько слов, например: «Освободить пленников!» И король через мгновение услышал свой собственный голос, который звучал сам по себе!

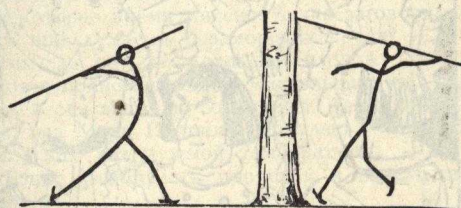

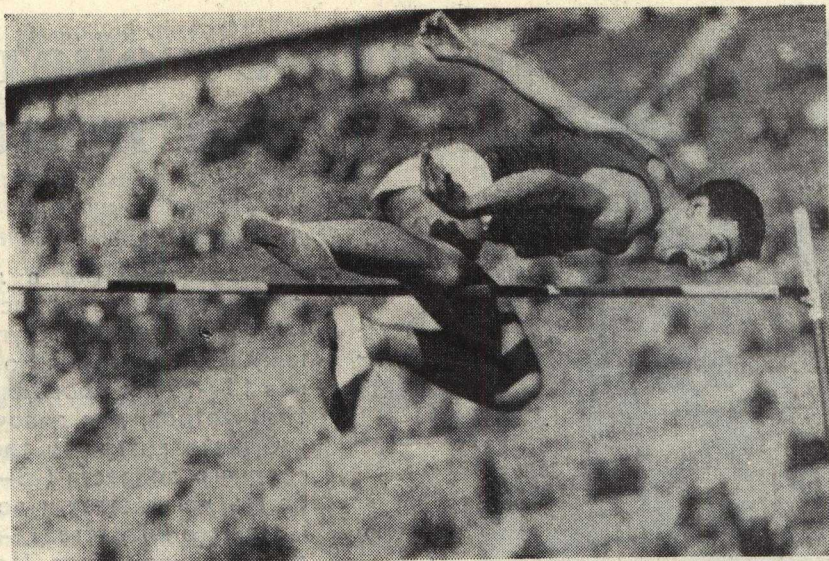
• Это было похоже на колдовство. Теперь на мага де Магога даже смотреть никто не хотел. Он чуть не лопнул от зависти. Он решил, что вся сила чужестранцев таится в одной непонятной штуке, поэтому маг тут же украл аппарат времени, только по неопытности нажал нечаянно какую-то кнопку и... пропал.

Продолжение на стр. 79.

снот

У нас

в гостях журнал

«Легкая атлетика»

«Королева спорта». Так называют легкую атлетику. У «королевы спорта» есть свой журнал. Сегодня он пришел в гости к «Пионеру». Совсем не случайно это произошло в разгар лета. Ведь лето по праву принадлежит «королеве спорта», а мы, работники журнала «Легкая атлетика», хотим, чтобы все обширнее, все многолюднее были владения легкой атлетики и чтобы как можно больше было там ребят.

Журнал «Легкая атлетика» выходит уже больше десяти лет. Он предназначен для самого широкого круга читателей. В нем каждый легкоатлет найдет полезные для себя советы по тренировке, по технике, по тактике спортивной борьбы на соревнованиях. На страницах журнала передают свой опыт лучшие тренеры страны и выдающиеся спортсмены. Вы прочтете здесь репортажи о важнейших соревнованиях, очерки о прославленных легкоатлетах, новости зарубежного спорта.

Специально для вас, ребята, журнал отвел страничку, которая так и называется «Школьная страничка». Если вы хотите знать, как организовать легкоатлетическую секцию, как тренироваться в беге, прыжках и метаниях, как провести соревнования в школе или пионерском лагере, читайте «Школьную страничку»! Надеемся, что после нашего выступления в журнале «Пионер» мы приобретем еще больше друзей среди пионеров.

А теперь слово ветерану легкой атлетики, олимпийскому чемпиону, заслуженному мастеру спорта Владимиру Куцу.

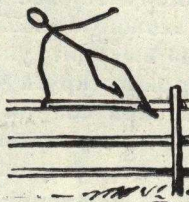
Советую всем ребятам!

Когда я начинал свой спортивный путь, то вовсе не думал ни о рекордах, ни о том, чтобы стать олимпийским чемпионом. Я просто любил бегать. И начал бегать в вашем возрасте, вместе со своими друзьями-одноклассниками. Конечно, в то время условия для занятий спортом у нас были гораздо хуже, но любовь к легкой атлетике ничуть не меньше, чем у теперешних ребят, то есть у вас.

Любовь эту я и мои сверстники сохранили до сих пор. Сейчас у меня много почетных званий. Я горжусь ими, рад, что наша страна так высоко ценит спортсменов. Но даже те из вас, кто не выйдет в чемпионы, не останутся в проигрыше. Занимаясь легкой атлетикой, вы приобретете замечательное здоровье, силу, выносливость, волю. Мое мнение: заниматься легкой атлетикой, особенно бегом, должен каждый человек. Чем раньше вы начнете, тем лучше. Вот и начинайте сейчас, не откладывая. Ведь лето — время бегать, прыгать, плавать, дружить с мячом, с ветром, солнцем и воздухом.

Владимир КУЦ

Простые советы на целое лето

Кроссовый бег в лесу или в парке — прекрасное средство воспитания выносливости, доступное каждому школьнику. Соревнования по кроссу для мальчиков 15—16 лет проводятся на дистанциях до 1000 метров, для девочек до 500 метров.

Однако во время тренировок школьники среднего возраста (13—14 лет) могут пробегать до четырех и до пяти километров, а младшего возраста (11—12 лет) — до двух и до трех километров. Можно начать с равномерного бега по умеренно пересеченной местности. Затем усложнять условия: внезапно менять темп, давать ускорения. Хорошо, если есть местность с подъемами, спусками, канавами, рытвинами, изгородями.

Во время бега нужно уделять особое внимание осанке. Корпус должен быть выпрямлен, плечи слегка разведены. Нога ставится на грунт мягко, с передней части стопы, отталкивается тоже мягко. При беге в гору корпус должен быть наклонен несколько сильнее, шаг укорачивается. Короткие подъемы лучше всего преодолевать быстро. При спуске с горы шаг удлиняют и туловище слегка отклоняют назад.

Вот примерный недельный план тренировок для новичка.

Понедельник. Медленный бег — 10 минут. Гимнастические упражнения — 10—15 минут. Прогулка в быстром темпе.

Вторник. Медленный бег — 10—15 минут с двумя ускорениями по 200—300 метров. Гимнастика — 10—15 минут. Отдых — 10 минут. Бег в равномерном темпе на 800—1000 метров. Бег трусцой 10 минут.

Среда. Отдых.

Четверг. Бег в переменном темпе («фартлек») трусцой 5 минут, 100 метров быстро и 100 метров медленно. Повторить 3—5 раз всю последовательность. Затем бег трусцой 3—5 минут, 500—600 метров в темпе бега на 1 километр, в заключение медленный бег 5 минут.

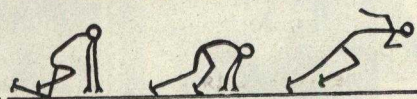
Пятница. Отдых.

Суббота. Отдых.

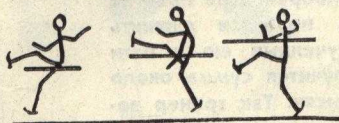
Воскресенье. Медленный бег 10 минут. Гимнастика. Бег в среднем темпе, свободно на 2—3 километра.

Постепенно можно увеличивать дистанции кроссового бега и повышать его темп.

Когда вам придется участвовать в соревнованиях по бегу, необходимо придерживаться некоторых правил. Перед соревнованием нужно хорошо «разогреться». Старт надо взять быстро, однако после старта не

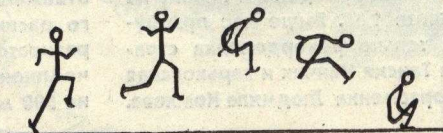
увлекаться быстрым бегом, а поддерживать ровный, спокойный темп. В конце дистанции нужно постепенно ускорить бег. Основной ошибкой новичков обычно бывает чрезмерно быстрое начало.

Последний момент низкого старта. Бегунья словно падает вперед.

Юным прыгунам

Тренировки по прыжкам можно провести на любой лесной поляне. Подвесьте мяч к ветке так, чтобы можно было легко регулировать его высоту. Теперь вы сможете выполнять разнообразные упражнения, полезные для прыгуна: стоя под мячом, подпрыгивать, стараясь достать его головой; то же, отталкиваясь одной ногой; то же, но с разбега в несколько шагов. Мяч можно доставать коленом согнутой ноги и носком выпрямленной.

Мягкий травяной грунт как нельзя лучше подходит для выполнения различных прыжковых упражнений, или, как их иногда называют, многоскоков. Количество таких прыжков нужно увеличивать постепенно, начиная с тройного прыжка. Затем прыжки следует выполнять сериями по 5—8—10 прыжков. Прыгать можно на одной ноге, с ноги на ногу, двумя ногами сразу.

Для прыжков в длину большое значение имеет быстрый и уверенный разбег. Чтобы подобрать разбег, нужно встать на брусok

для отталкивания двумя ногами, повернувшись спиной к яме, наклониться вперед и с «маховой ноги» начать постепенно ускоряющийся разбег. В момент достижения максимальной скорости нужно сделать небольшой прыжок и отметить место толчка. Затем выполните разбег с этой отметки в обратном направлении, начав его также с «маховой ноги». Наиболее простой способ прыжка в длину — согнутыми ногами.

Разбег при прыжках в высоту гораздо короче. Он не должен превышать 6—7 шагов. Выполнять его надо с постепенно нарастающей скоростью. Самый простой способ прыжка в высоту — «перешагивание», или, как его иногда называют, «ножницы». Отталкиваться надо дальше от планки ногой. Поэтому, если «толчковая нога» левая, то разбегаться надо с правой стороны. Гораздо выгоднее другой способ, который теперь применяет большинство спортсменов, — «перекидной». Этот способ вполне доступен и ребятам пионерского возраста.

Валентина Козырь

Когда в «Советском спорте» появилась маленькая заметка о том, что шестнадцатилетняя школьница из украинского города Черновцы Валентина Козырь побилла очень долго державшийся юношеский рекорд по прыжкам в высоту, то на это сообщение мало кто обратил внимание.

Но прошло немного времени, и газета сообщила о новом рекорде черновецкой школьницы. Козырь улучшила свой предыдущий рекорд сразу на семь сантиметров. Один метр семьдесят пять сантиметров! В шестнадцать лет так высоко еще не прыгала ни одна спортсменка на свете.

Вскоре девочка приехала в Одессу для участия в мемориале братьев Знаменских. Напряженная обстановка первых в жизни международных состязаний не могла не сказаться на ее выступлении. И тем не менее Валя преодолела планку на высоте 1,65. Выше нее прыгнули только рекордсменка страны Таисия Ченчик и харьковская спортсменка Людмила Комлева.

Вряд ли Валентине удалось бы добиться таких стремительных успехов, если бы не тренер Феликс Бродский. Судите сами. Спортом девочка начала заниматься в 1963 году, когда ей было 13 лет. Тогда же она установила первый свой рекорд. Выступая в пионерском четырехборье Валя преодолела планку на высоте 1,25 метра.

Бродский учил ее прыгать всеми способами. Больше всего юной спортсменке удавалась «волна». Прыгая этим способом, к зиме 1966 года она довела свой личный рекорд до 1,62 и лишь после этого перешла на «перекидной». Вскоре, преодолев заветный рубеж — 1,65 метра, Валя стала мастером. А затем свершилось то, с чего мы начали рассказ о ней.

Вероятно, всем ребятам полезно будет узнать, что утренняя зарядка давно стала неотъемлемой частью жизненного расписания Вали и что она разносторонний спортсмен: чемпионка города в кроссе на 500 метров и в лыжных гон-

Валентина со своим тренером.

ках. В пятиборье Валя пока не выступала, но если сложить очки, полученные ею в пяти видах, получится сумма около четырех тысяч. Так тренер ведет Валу вперед, к большому спорту.

А месяц назад, выступая на Спартакиаде народов СССР, Валя одержала новую победу — взяла планку на высоте 1 м 71 см!

Эти кубки принадлежат прославленным советским спортсменам. Нина Откаленко, Феодосий Ванин, Ардальон Игнатьев, Владимир Куц, Владимир Канццев, Петр Болотников — эти имена вошли в историю советского спорта, его триумфов и побед. Теперь они отдали свои спортивные трофеи вам, ребята, сделали их переходящими призами Всероссийских соревнований по бегу для сельских школьников.

Программа соревнований — бег на 800 м для мальчиков и на 400 м для девочек 7—8-х классов; бег на 1 500 м для юношей и на 800 м для девушек 9—10-х классов.

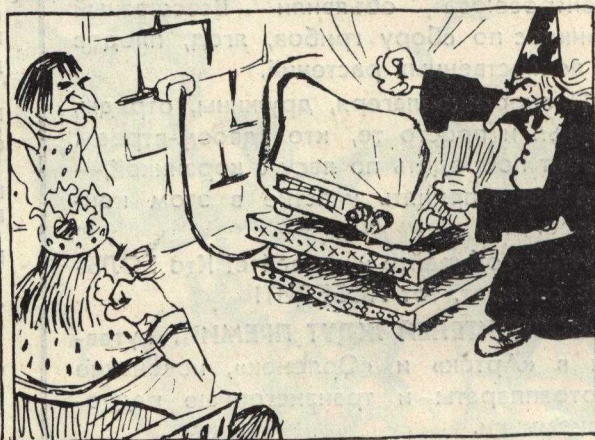
На первом этапе (внутри школ) соревнования заочные. На втором и третьем этапах в октябре 1967 года будут проведены районные и областные очные соревнования между школьными командами-победительницами.

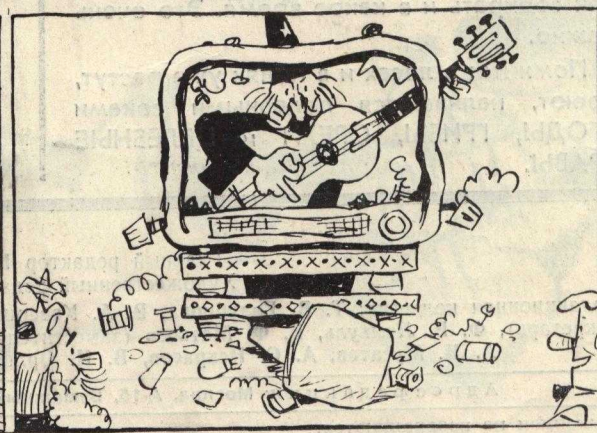
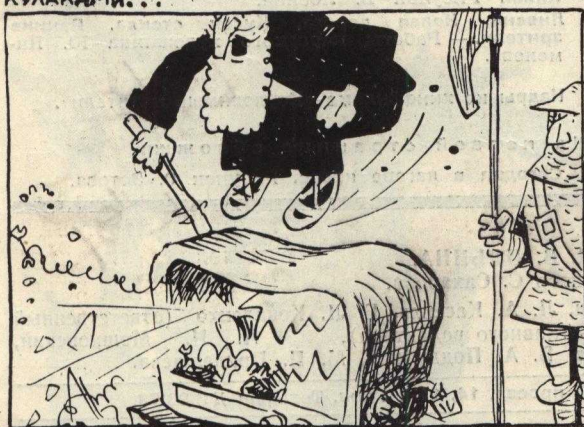
Не теряйте же времени, начинайте готовиться к соревнованиям сейчас, летом! Кубки прославленных стайеров могут быть вашими.

• Полиглот и Смехотрон очень грустили. Они думали, что им теперь придется навсегда остаться в средних веках. Но через две недели маг де Магог вдруг появился перед королем... „Я теперь знаю сам, как делать чудеса! — кричал он. — Я все видел! Смотрите, как я буду разговаривать на расстоянии!“

• Конечно, веревочный телефон у мага не сработал. Тогда он посадил на каждый столб по глашатаю и телефон в самом деле „заработал“. Потом он хотел показывать волшебный ящик, который прихватил, путешествуя по времени. Он стучал по нему кулаками...

• Он плясал на нём, он кидал его об землю, он яростно крутил ручки на ящике. Все думали, что маг колдует над ящиком. Тогда он сам полез в ящик и запел сред невековую модную песенку. И все увидели наконец волшебную картинку в ящике. Она понравилась королю.

продолжение следует.

Полных вам корзин!..

Ребята, знайте, что половина всех необходимых людям лекарств изготавливается из растений. А лекарства — это спасенные жизни.

Целебные травы, собранные в лесах и полях, а затем сданные на заготовительные пункты Центросоюза, — дело государственной важности.

ЯГОДЫ, ГРИБЫ и ОРЕХИ собирать приятно и интересно. Но сколько же добра пропадает в наших лесах впустую ежегодно! Так вот, чтобы этого не было, мы и зовем вас, ребята, в леса и поля.

ВНИМАНИЕ! ЦК ВЛКСМ и правление Центросоюза объявили Всесоюзный конкурс по сбору грибов, ягод, плодов и лекарственных растений.

Пионерские лагеря, дружины, отряды, звенья и просто те, кто вдвоем-втроем любит побродить по лесу с корзинкой, — все могут принять участие в этом конкурсе.

Итак, собирайте и сдавайте! Кто БОЛЬШЕ соберет, тот ПОБЕДИТ!

ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЖДУТ ПРЕМИИ: путевки в «Артек» и «Орленок», новенькие фотоаппараты и транзисторные радиоприемники.

Только помните: у учителя ботаники или на приемном пункте Центросоюза надо точно узнать, что именно собирать, как собирать и в какое время. Это очень важно.

Помните: в лесах и в полях уже растут, зреют, наливаются полезными соками ЯГОДЫ, ГРИБЫ, ОРЕХИ и ЦЕЛЕБНЫЕ ТРАВЫ.

Содержание

Песня о пионерском слете. — Стихи С. Федорова	2
Операция «Ходики». — Рассказ М. Левина. Рисунки Е. Медведева	3
Подземный университет. — Р. Евгеньева. Рисунки В. Константинова. Фото С. Карасева и А. Шарова	9
Пылесос. Подарки в парке. — Стихи Э. Мошковской. Рисунки П. Пророкова	14
Выставка находок красных следопытов	16
Почему и отчего	19
Только для мальчишек	
Братья по оружию. — Н. Васильев	22
Две стороны медали. Девочка поднимает руку. — Стихи Ц. Ангелова. Перевел с болгарского А. Найман. Рисунки Н. Доброхотовой	25
Цыган. — Рассказ И. Рахтанова. Рисунки Ю. Черепанова	26
О трудных победах, веселом труде и счастливых открытиях. — В. Шкловский	29
Путешествие в страну «Кижки». — Г. Патынская	31
Герои, которые не стареют. — Н. Колесникова	33
Познакомьтесь с неуловимыми. — О. Тихомиров	35
Люди с фрегата «Африка». — Повесть Вл. Крапивина. Окончание. Рисунки Е. Медведева	37
Конкурс красавиц	56
Смехотрон и Полиглот попадают в переплет. — Е. Ведерников, Ю. Постников	57
Под шапкой-невидимкой. — Н. Сладков	58
Гибель «Торри каньон». Ю. Глухов. Рисунки Н. Степанова	60
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович	63
«Кораблик»	64
Мэри Поппинс. — Повесть П. Л. Траверс. Перевел с английского Б. Захoder. Продолжение. Рисунки Ю. Владимировой и Ф. Терлецкого	66
Спорт	
У нас в гостях журнал «Легкая атлетика»	74
Полных вам корзин!..	80
На вклейках:	
Кижки. Рисунок В. Лосина.	
Ливень. Новая дорога. Кусок стекла. Ранние зрители. — Работы народного художника Ю. Пименова.	
Кадры из кинофильма «Неуловимые мстители».	
На первой странице обложки:	
Сегодня в лагере кросс. Рисунок О. Зотова.	

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор С. Сахарова.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Пархоменко.

А 00145.

Подписано к печати 5/VII 1967 г.
Тираж 796 000 экз.

Форм. бум. 84×108¹/₁₆.
Изд. № 1355. Заказ № 1805.

Объем 8,82 усл. печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Собирайте!

Собирайте грибы! Собирайте
ягоды! Собирайте орехи!
Лучшим сборщикам — премии!

Вы удивляетесь: премии за
то, что каждый и так готов сде-
лать с удовольствием?

Не удивляйтесь, лучше за-
гляните на страницу 80, и вы
узнаете, в чем дело. Это ка-
сается вас.

Цена 25 коп.

Индекс 70694

